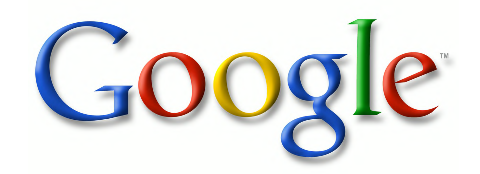

Stanford University Libraries
3 6105 119 177 124

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Я. К. ГРОТЪ.

НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ

КЪ ЕГО БІОГРАФІИ И ХАРАКТЕРИСТИКѢ.

Съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ юбилеямъ Якова Карловича въ 1882 и 1892 гг. и библіографическаго списка его сочиненій, переводовъ и изданій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1895.

КЪ БІОГРАФІИ

ЯКОВА КАРЛОВИЧА ГРОТА.

Я. Гротъ

К. ГРОТЪ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ДРК

своихъ сочиненій какъ о человѣкѣ, которому онъ былъ много обязанъ, съ Бакмейстеромъ, часто упоминающимъ о Якимѣ Христіанѣ Гротѣ въ своей «Библіотекѣ», особливо же съ Эйлеромъ, съ которымъ дружба его перешла и на семейство обоихъ. Изъ многочисленныхъ сочиненій моего дѣда замѣчательны его духовныя пѣсни, изъ которыхъ многія до сихъ поръ поются въ протестантскихъ церквахъ, далѣе его проповѣди; между ними особенное значеніе имѣли тѣ, которыя онъ произносилъ въ пользу оспопрививанія; императрица Екатерина обратила на нихъ вниманіе и въ знакъ своей признательности пожаловала ему большую золотую медаль. Но важнѣйшимъ трудомъ его было трехтомное сочиненіе «О свободѣ вѣроисповѣданій въ Россіи»— историко-статистическій трудъ, который никогда не потеряетъ своей цѣны и заключаетъ въ себѣ между прочимъ много біографическихъ свѣдѣній о протестантскихъ ученыхъ и въ томъ числѣ о самомъ авторѣ сочиненія. Онъ умеръ въ 1799 (или 1800) г.[1]).

Отецъ мой воспитывался въ Петропавловскомъ училищѣ. О способностяхъ его свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что онъ вышелъ первымъ ученикомъ и на выпускномъ экзаменѣ произнесъ рѣчь, о которой Бакмейстеръ упоминаетъ въ своей Russische Bibliothek.

Лѣтъ 14-ти отецъ мой имѣлъ счастіе быть избраннымъ въ число тѣхъ молодыхъ людей, которые во время малолѣтства императора Александра I-го были призываемы ко двору для практическаго упражненія двухъ старшихъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей въ разговорѣ на иностранныхъ языкахъ,—обстоятельство упоминаемое самою императрицею Екатериною II въ письмахъ ея къ Гримму[2]). Этой

---

[1]) Болѣе подробныя о немъ свѣдѣнія см. въ Замѣткѣ *Я. К. Грота* о своемъ дѣдѣ въ Сборн. Отд. р. я. и сл. 1868 г. т. V, вып. 1-й, стр. 289—292, составл. по автобіогр. свѣдѣніямъ въ трудѣ самого Якима Грота (Замѣчанія о свободѣ вѣроисповѣд. въ Россіи, III том.; Свѣд. о лютер. пасторахъ) и нѣкоторымъ другимъ источникамъ. Годъ его смерти показывается различно: 1799 или 1800 г., а по Слов. рус. пис. Митр. Евгенія даже 1802 г.

[2]) См. Сборникъ Истор. Общ., т. XXIII, стр. 297, 298.

честью обязанъ онъ былъ почетному положенію, которымъ пользовался дѣдъ мой, какъ пасторъ Екатерининской церкви. Отецъ былъ человѣкомъ знающимъ, дѣловымъ и въ высшей степени благороднымъ, но судьба не дала ему долголѣтія: онъ умеръ 46 лѣтъ отъ роду, начальникомъ отдѣленія въ 1816 году. Онъ особенно наблюдалъ правило, чтобы дѣти его прежде всего хорошо выучивались говорить по-русски, и потому прислуга у насъ была исключительно русская.

На 5-мъ году очутился я сиротою: на рукахъ моей матери остались дочь и двое сыновей. Она была по происхожденію нѣмка (урожденная Цизмеръ)[1], но любила все русское и, почитая Россію своимъ единственнымъ отечествомъ, воспитала насъ дѣтей въ любви къ русскому языку и народу, въ привязанности и благодарности къ Россіи. И она раздѣляла мысль отца, что первый языкъ дѣтей ихъ долженъ быть русскій; но и французскій и нѣмецкій мы усвоили себѣ въ ранніе годы, незамѣтно, въ семейномъ кругу, такъ что мнѣ трудно припомнить, которому изъ нихъ я научился прежде.

Получая скромную пенсію за службу мужа и не имѣя другого состоянія, мать моя рѣшилась посвятить жизнь тремъ своимъ дѣтямъ. До 10-тилѣтняго возраста она воспитывала меня дома, частью сама, частью нанимая учителей изъ своихъ скудныхъ средствъ. Рѣзвость мальчика и требованіе болѣе серіозныхъ уроковъ побудило её подумать о помѣщеніи насъ — меня и младшаго брата моего Константина [2]) — на казенный счетъ въ лучшее общественное заведеніе того времени: Царскосельскій лицей. Надежда моей матери основывалась на томъ, что покойный отецъ мой былъ лично извѣстенъ въ дѣтствѣ императору, и эта надежда оправдалась.

Прошеніе на имя императора Александра Павловича, очень

---

1) Каролина Ивановна, рожд. Цизмеръ, род. 1 февраля 1780 г., ум. 1852 г.

2) Константина Карловича, нынѣ статсъ-секретаря и члена Государственнаго совѣта (род. 12 января 1815 г.).

искусно написанное на французскомъ языкѣ, служившимъ въ иностранной коллегіи (какъ тогда и еще долгое время послѣ называли министерство иностранныхъ дѣлъ) барономъ Остенъ-Сакеномъ, зятемъ директора лицея Е. А. Энгельгардта, было милостиво принято Государемъ и 16 января 1823 года я поступилъ въ Царскосельскій лицейскій пансіонъ. Мать сама отвезла меня туда. Это была первая моя разлука съ нею. Мнѣ только-что минуло 10 лѣтъ. Можно представить себѣ, какъ я былъ потрясенъ этой внезапной перемѣной въ судьбѣ моей. Двое сутокъ я плакалъ непрерывно, сперва на квартирѣ инспектора Ф. О. Нумерса, а потомъ между товарищами, и долго еще, какъ только мнѣ приходилось читать вслухъ или отвѣчать, слезы задушали мой голосъ при неотвязчивой мысли о родительскомъ домѣ.

Меня помѣстили въ 1-й, самый низшій классъ и сосѣдъ мой въ первый же день отрекомендовалъ себя тѣмъ, что присвоилъ себѣ новенькій мой пеналъ со всѣмъ, что въ немъ было. Въ тамошнемъ школьномъ быту, какъ я скоро могъ замѣтить, сильно господствовало кулачное право, и фискалить, т. е. жаловаться, было очень опасно. Скромностью и прилежаніемъ я скоро сталъ на хорошемъ счету, и разъ пріобрѣтя репутацію отличнаго ученика, уже не терялъ ее до самаго выпуска изъ лицея. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я перешелъ во 2-й классъ, а спустя годъ въ 3-й, въ которомъ пробылъ два года.

Изъ тогдашнихъ моихъ учителей мнѣ особенно пріятно вспоминать П. Е. Бѣликова, который преподавалъ русскій языкъ и математику, Троицкаго, позднѣе соединявшаго въ своихъ рукахъ русскую литературу и латынь, также французовъ: Менюэ и Трико. Директоромъ пансіона въ то время былъ полковникъ Алабовъ, который назначенъ былъ послѣ Гауеншильда, чтобы подтянуть распущенное заведеніе.

Міръ, окружавшій меня въ дѣтствѣ моемъ, былъ чрезвычайно тѣсенъ и однообразенъ. Въ отцѣ я лишился опытнаго руководителя и совѣтника, котораго мать, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могла замѣнить. На учителей я въ этомъ возрастѣ не

былъ счастливъ, и потому при поступленіи моемъ въ пансіонъ я былъ вообще еще очень мало развитъ. Я былъ тогда застѣнчивымъ ребенкомъ, очень далекимъ отъ зрѣлости и бойкости большей части нынѣшнихъ мальчиковъ, и эту относительную медленность моего развитія приписываю я главнымъ образомъ тому, что до того находился въ женскихъ рукахъ. Зналъ я тогда еще очень мало, хотя и учили меня ариѳметикѣ, географіи и даже математической; домашній учитель мой читалъ такія высокопарныя лекціи, что я въ его классѣ частехонько засыпалъ. Только въ языкахъ положено было хорошее основаніе моимъ знаніямъ, чему я отчасти обязанъ былъ кромѣ матери старушкѣ тёткѣ (сестрѣ ея [1]), которая нѣжно любила насъ и учила меня французскому языку. У нея было множество толстыхъ лексиконовъ—и я, забравшись въ ея комнату, находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы рыться въ этихъ фоліантахъ, отыскивая слова и проводя такимъ образомъ цѣлые часы.

Когда въ пансіонѣ я сталъ учиться латинскому языку, учитель Троицкій однимъ случайнымъ средствомъ чрезвычайно способствовалъ къ моимъ успѣхамъ въ этомъ новомъ предметѣ. На праздники, передъ отъѣздомъ воспитанниковъ въ Петербургъ, онъ задалъ всему классу пріискать изъ лексикона по триста неизвѣстныхъ словъ, выписать ихъ и выучить наизусть. При возобновленіи уроковъ оказалось, что одинъ я буквально исполнилъ эту задачу. Я купилъ себѣ въ гостиномъ дворѣ лексиконъ Кронеберга, и на длинномъ, склеенномъ въ видѣ ленты лоскуткѣ бумаги выписалъ изъ словаря три сотни словъ; при спрашиваніи этого урока я просто отличился. Какъ учитель ни вертѣлъ бумагу, русское ли слово называлъ или латинское, я ни разу не ошибся къ великому его удовольствію и къ удивленію товарищей, которые всѣ выполнили задачу кое-какъ. Съ тѣхъ поръ я прослылъ между ними большимъ латинистомъ. Вмѣстѣ съ лексикономъ Кронеберга, купилъ я себѣ басни Крылова и геогра-

---

[1]) Елизаветѣ Ивановнѣ Цизмеръ, содержавшей пансіонъ въ Петербургѣ.

фію Пѣтунина, которыя послѣ были для меня обильнымъ источникомъ наслажденій.

Лицейскій пансіонъ служилъ тогда единственнымъ разсадникомъ для лицея. Туда переходили черезъ каждые три года 25 лучшихъ пансіонеровъ извѣстнаго возраста, и тамъ ученіе продолжалось шесть лѣтъ. На этомъ основаніи я и поступилъ 26-го августа 1826 года въ лицей, гдѣ я съ самаго начала до конца считался первымъ воспитанникомъ по успѣхамъ и поведенію.

Лицей имѣлъ тогда назначеніемъ приготовлять молодыхъ людей для поступленія какъ въ высшія гражданскія вѣдомства, такъ и въ военную службу. Воспитанники не были обязаны, при самомъ поступленіи, избрать то или другое поприще, и потому всѣ проходили одинъ общій курсъ, соединявшій по возможности науки философскія (humaniora) съ юридическими. Еще въ послѣднее время царствованія Александра I на лицеѣ отразилась общая перемѣна во внутренней политикѣ: Энгельгардтъ, при которомъ воспитанники дѣйствительно пользовались слишкомъ большой свободой, навлекъ на себя неудовольствіе Государя и замѣненъ генераломъ Гольтгоеромъ, который до того былъ директоромъ такъ называемаго Дворянскаго полка и пріобрѣлъ репутацію начальника, умѣвшаго поддерживать строгую дисциплину. Дѣйствительно, онъ завелъ въ лицеѣ порядокъ, и нарушенія не проходили безнаказано. Онъ былъ добрый, хотя и неученый нѣмецъ, впрочемъ знавшій порядочно математику и потому ставившій ее выше всѣхъ наукъ. Содержали насъ не дурно, если взять въ расчетъ, что на каждаго воспитанника отпускалось въ сутки не болѣе 10 коп.

Изъ стѣнъ лицея къ роднымъ и знакомымъ отпускали насъ по праздникамъ только на день, и мы не могли отлучаться никуда за предѣлы Царскаго Села и Павловска. Тотъ же порядокъ соблюдался даже и во время вакацій. Это въ сильной степени развивало между тогдашними лицеистами духъ товарищества и было благопріятно для занятій. Но слишкомъ большое разно-

образіе предметовъ, которые намъ преподавались, и какое-то смѣшеніе гимназическаго курса съ университетскимъ вредило основательности ученія: въ составъ нашего курса входили историческія и политическія науки, и право, и высшая математика съ физикой. Изъ древнихъ языковъ насъ учили только латинскому, изъ новыхъ иностранныхъ французскому и нѣмецкому (англійскій былъ введенъ гораздо позднѣе).

Недостатокъ основательнаго обученія вознаграждали мы въ нѣкоторой мѣрѣ свободнымъ чтеніемъ: конечно, многіе ограничивались одними романами, но другіе читали также историческія сочиненія, классическихъ писателей и поэтовъ. Не надо забывать, что мы поступили въ лицей только черезъ 9 лѣтъ послѣ выпуска Пушкина и Дельвига: преданіе о нихъ и ихъ товарищахъ было такъ еще свѣжо и не могло не имѣть большого вліянія на все наше умственное развитіе: любовь къ поэзіи и попытки въ стихотворствѣ сдѣлались между нами тѣмъ болѣе общими, что первый нашъ профессоръ по русской литературѣ — Кошанскій [1])—поощрялъ это направленіе. Между профессорами было нѣсколько очень хорошихъ: Кошанскій по русской и римской литературѣ, Тилло̀ по французской, Шульгинъ по географіи и статистикѣ, Врангель по правамъ и политической экономіи, Архангельскій по математикѣ. Послѣдній, къ сожалѣнію, скоро умеръ. Кошанскій училъ насъ года два, Тилло̀ года четыре. Преемники ихъ—Георгіевскій, Карцовъ и Жилле были совсѣмъ не то, но между тѣмъ первые уже успѣли возбудить въ нѣкоторыхъ изъ насъ любовь къ литературѣ и самостоятельному труду. По крайней мѣрѣ я въ этомъ отношеніи считаю себя много обязаннымъ Кошанскому и Тилло̀.

Способъ преподаванія Кошанскаго и собственное притомъ

---

[1]) Николай Өедоровичъ (ум. 1831 г.). Извѣстно, что онъ былъ преподавателемъ русской и латинской словесности и въ пушкинское время, и преподаваніе его не осталось безъ вліянія на развитіе поэтическаго таланта Пушкина. Срв. о немъ *Я. К. Грота*, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1887, стр. 3, 9, 24, 27, 55—60 и др.

одушевленіе не могли не возбуждать въ молодыхъ людяхъ любви къ поэзіи и литературѣ вообще. На первыхъ порахъ онъ познакомилъ насъ съ сельскими стихотвореніями Жуковскаго, съ Пушкинымъ, съ содержаніемъ поэмъ Гомера, съ Корнеліемъ Непотомъ и съ Федромъ [1]). Не знаю только хорошо ли, что онъ задавалъ намъ сочиненія не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и поданные ему труды разбиралъ съ эстетической точки зрѣнія передъ цѣлымъ классомъ. Разъ онъ прислалъ намъ изъ Петербурга свой отзывъ на взятыя у насъ тетради, и какъ сильно подѣйствовала на насъ эта записка, въ которой между прочимъ была фраза: «Кто молодъ и чувствителенъ, тому стыдно не быть поэтомъ!» Мы всѣ и тянулись за Пушкинымъ, и хоть ни одинъ изъ насъ даже не приблизился къ нему, но мы рано выработали себѣ правильный языкъ и еще на школьной скамьѣ дѣлались литераторами. Въ числѣ лицейскихъ поэтовъ былъ и я; впрочемъ я выбралъ на свою долю скромное поприще баснописца и выступалъ на немъ довольно рѣдко. Уроками Кошанскаго мы пользовались недолго и я горько сожалѣлъ о томъ, кто называлъ меня «золотымъ воспитанникомъ».

Тилло́ въ объясненіяхъ законовъ французской рѣчи требовалъ отъ насъ строгой отчетливости, а чтеніемъ писателей вѣка Людовика XIV и исторіей тогдашней литературы сильно развилъ въ насъ интересъ къ этой блестящей эпохѣ. Благодаря ему узналъ я теорію французскаго языка въ совершенствѣ и рано прочиталъ большую часть французскихъ классиковъ. Онъ самъ по моимъ порученіямъ покупалъ мнѣ въ Петербургѣ книги, на которыя я истрачивалъ всѣ свои маленькія средства.

Изъ наукъ я первое время съ особеннымъ увлеченіемъ занимался географіей и математикой, въ которой, по отзыву уважаемаго профессора Архангельскаго, имѣлъ «весьма основательныя

---

[1]) Латинскимъ баснописцемъ, басни котораго были переведены на русск. языкъ *Н. Ѳ. Кошанскимъ* (въ 1814 г., 2-е изд. 1832, раньше *Барковымъ*). Онъ же перевелъ и Корнелія Непота.

познанія». Любовь къ географіи умѣлъ возбудить во мнѣ своимъ оживленнымъ преподаваніемъ извѣстный профессоръ И. П. Шульгинъ; карты, которыя заставлялъ онъ насъ рисовать, занимали меня самымъ пріятнымъ образомъ. Исторію любилъ я также, но къ сожалѣнію преподаваніе ея мало соотвѣтствовало условіямъ пріобрѣтенія въ ней обширныхъ свѣдѣній.

На нравственное и религіозное мое развитіе, которому хорошее основаніе положено было въ родительскомъ домѣ, дѣйствовалъ много пасторъ Авенаріусъ, частью своимъ преподаваніемъ, частью церковными проповѣдями, иногда очень удачными по исполненію и всегда прекрасными по духу. Изъ гувернеровъ самый почтенный былъ Чириковъ, лицейскій ветеранъ, поступившій еще при первомъ выпускѣ. Онъ училъ рисованью, которому я съ дѣтства предавался страстно, самоучкою. Чириковъ высоко цѣнилъ мои успѣхи въ этомъ искусствѣ; но скоро умственныя занятія совершенно отвлекли меня отъ него. По роду своихъ способностей и живой впечатлительности я пристрастился къ литературѣ, много читалъ, сочинялъ стихи, особенно юмористическіе, издавалъ рукописные журналы, которые самъ переписывалъ. Не будучи особенно прилеженъ и даже подтрунивая надъ болѣе усидчивыми изъ товарищей, я успѣлъ однакожъ и въ лицеѣ удержать пальму первенства по всѣмъ предметамъ, всего же болѣе отличался я въ языкахъ.

Подъ руководствомъ этихъ и другихъ наставниковъ духовное развитіе мое приняло совершенно созерцательное направленіе, къ чему много способствовала затворническая жизнь лицея посреди живописной мѣстности, украшенной еще болѣе историческими воспоминаніями, а съ другой стороны посреди самыхъ преданій заведенія, пріобрѣтавшихъ особенный блескъ отъ поэтической славы Пушкина и извѣстности многихъ другихъ лицъ, которыя тамъ же получили свое образованіе въ первыя времена лицея. Къ этому надобно прибавить, что такъ какъ мы во всѣ 6 лѣтъ узаконеннаго лицейскаго курса не смѣли выѣзжать изъ предѣловъ Царскаго Села, то самый Петербургъ былъ для насъ

какимъ-то отдаленнымъ и чуждымъ міромъ, куда мы могли переноситься только воображеніемъ, и ничто не выводило меня изъ моей чисто созерцательной жизни.

Міръ дѣйствительности ограничивался для меня стѣнами лицея, окружавшими его садами и домомъ матери, которая, отдавъ и второго сына своего въ благородный пансіонъ, сама переселилась въ Царское Село. Я жилъ въ своихъ урокахъ и книгахъ, впрочемъ любилъ и порѣзвиться съ товарищами. Всѣ они считали дни, остававшіеся до выпуска, думали о будущей своей карьерѣ, о чинѣ, который каждаго ожидалъ; но меня это вовсе не занимало; я безпечно предавался своей склонности къ ученію, не думая о будущемъ, но впрочемъ и не отличаясь особеннымъ усердіемъ въ приготовленіи уроковъ. Я больше любилъ чтеніе, имѣвшее какую-нибудь связь съ преподаваніемъ.

Лицейское шестилѣтіе раздѣлялось тогда на 2 курса, изъ которыхъ каждый обнималъ три года. Всѣ воспитанники, независимо отъ неравенства успѣховъ, вмѣстѣ переходили изъ младшаго курса въ старшій. Отношеніе между обоими курсами (такъ назывались оба класса) было чисто патріархальное. Младшіе съ уваженіемъ, иногда даже съ подобострастіемъ смотрѣли на старшихъ, во всемъ брали съ нихъ примѣръ и готовы были слушаться ихъ даже болѣе своихъ наставниковъ. И у меня было между старшими нѣсколько друзей, изъ которыхъ одинъ казался мнѣ настоящимъ идеаломъ совершенства. Въ привязанностяхъ моихъ была съ самаго дѣтства какая-то мечтательная восторженность, придававшая имъ нерѣдко характеръ неограниченной приверженности. Таковы были и мои отношенія къ князю Мещерскому[1]). Онъ былъ также поэтъ, имѣлъ большую начитанность и вписывалъ въ особыя тетради извлеченія изъ книгъ,

---

[1]) Кн. А. В. Мещерскій былъ воспитанникомъ 5 курса (1829). Онъ между прочимъ имѣлъ слабость писать французскіе стихи, что ему отсовѣтовалъ Пушкинъ. Кн. М. позже (въ 40-хъ годахъ) служилъ въ Варшавѣ. Срв. о немъ *Я. К. Грота* «Пушкинъ, etc», стр. 11, 58.

особенно ему нравившихся: я сталъ дѣлать то же, переписавъ сперва почти все изъ его готовыхъ тетрадей.

Уже въ младшемъ курсѣ я постоянно велъ подробныя записки на лекціяхъ русской географіи, читанныхъ профессоромъ Шульгинымъ. Въ старшемъ курсѣ я продолжалъ составлять такія записки по статистикѣ и нравственной философіи. Такъ какъ я ихъ тщательно обработывалъ и переписывалъ, въ неклассное время, то онѣ много способствовали къ облегченію мнѣ искусства владѣть русской прозой. Это напоминаетъ мнѣ одно обстоятельство еще во время моей пансіонской жизни. На 12-мъ году сталъ я переписывать тетрадь, заключавшую въ себѣ географію Россіи. Я до сихъ поръ очень хорошо помню, какъ меня поражала въ ней нѣкоторая неловкость слога и какъ я переписывая ее безпрестанно поправлялъ въ ней выраженія, укорачивалъ или упрощалъ фразы и иногда исключалъ *сей* и *оный*, которыхъ и въ дружеской перепискѣ терпѣть не могъ.

Ту же пользу, какъ записки, имѣли для меня литературные журналы, которые я началъ издавать въ старшемъ курсѣ: кромѣ моихъ собственныхъ опытовъ въ стихахъ и прозѣ, въ нихъ помѣщались труды моихъ товарищей. Эти журналы, подъ заглавіемъ: *Лицейскій Вѣстникъ* и *Муравей*, не имѣли впрочемъ никакого дѣльнаго направленія и были только тѣмъ хороши, что доставляли намъ упражненіе въ изложеніи мыслей и могли служить путемъ къ раскрытію рода и степени нашихъ способностей. Этимъ не ограничивались мои литературные опыты: я написалъ русскими стихами траги-комедію Мидасъ, въ представленіи которой самъ участвовалъ вмѣстѣ съ товарищами въ костюмахъ нами же изготовленныхъ. Это былъ не первый дебютъ мой въ искусствѣ актера: въ младшемъ курсѣ на первомъ году сыграли мы однажды передъ приглашенной публикой расинову трагедію *Esther* (на французскомъ языкѣ), въ которой я исполнилъ роль главной героини; въ другой разъ игралъ я въ расиновой же комедіи: *les Plaideurs*.

Между новыми для меня науками, которыми я занимался съ

особенною охотою въ старшемъ курсѣ, была физика. Въ этотъ же періодъ ученія полюбилъ я нѣмецкую литературу и читалъ съ особеннымъ наслажденіемъ драматическія произведенія Шиллера и Гёте; французская классическая литература стояла для меня уже на второмъ планѣ. Толки о классицизмѣ и романтизмѣ, о субъективной и объективной поэзіи находили отголосокъ и въ нашихъ залахъ. Правда, я не доходилъ до односторонности, которая рѣшительно отвергаетъ достоинство въ произведеніяхъ писателей вѣка Людовика XIV, но мои досуги уже принадлежали предпочтительно Шатобріану, Бюффону, Бернардену, Вальтеръ-Скоту и первымъ представителямъ германской литературы, почему и лекціи нѣмецкаго профессора Оливы пріобрѣли для меня особенную занимательность.

Въ первые годы моего пребыванія въ лицеѣ я, хотя по религіи и протестантъ, по духу и языку былъ болѣе русскій нежели нѣмецъ; въ старшемъ курсѣ я, не переставая признавать Россію своимъ отечествомъ, научился однакожъ цѣнить свое германское происхожденіе въ отношеніи къ языку и наукѣ. Но вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ моихъ товарищей живо уже сочувствовалъ современной русской литературѣ. Не говоря о лучшихъ произведеніяхъ, которыя тогда въ ней появились и которыя мы съ жадностью читали немедленно по выходѣ ихъ, какъ напр. позднѣйшія главы Евгенія Онѣгина, Полтаву,—мы слѣдили и за періодическою литературою: прилежно читали Сѣверную Пчелу, Телеграфъ, Сынъ Отечества, Телескопъ и, кажется, Московскій Вѣстникъ. Особенно интересовала насъ Литературная газета предка нашего по лицею, барона Дельвига, съ которымъ я былъ лично знакомъ; послѣдовавшая вскорѣ неожиданная кончина его произвела на меня сильное впечатлѣніе. Въ его газетѣ въ первый разъ напечатаны были написанныя мною строки: профессоръ Тиллò, желая обличить петербургскаго учителя Ферри де Пиньи, который подъ своимъ именемъ издалъ записки его о французской литературѣ, написалъ объ этомъ статью и просилъ меня перевести ее на русскій языкъ,—этотъ-то переводъ мой и

былъ помѣщенъ въ Литературной газетѣ [1]); кажется, въ этой же газетѣ читалъ я съ бо́льшимъ сочувствіемъ статью Плетнева о смерти Дельвига [2]). Имя Плетнева было также мнѣ извѣстно изъ Сѣверныхъ Цвѣтовъ, которые мы постоянно читали, какъ и всѣ выходившіе въ то время альманахи. Трудно описать свѣжесть и пріятность впечатлѣній, которыя доставляла мнѣ всякая литературная новость, отвѣчавшая потребности молодой души въ эстетическихъ наслажденіяхъ.

Жадность къ расширенію этихъ наслажденій въ области литературы, а можетъ быть и неясная мечта о будущихъ путешествіяхъ, возбудила во мнѣ желаніе узнать еще нѣкоторые изъ европейскихъ языковъ, и я началъ съ итальянскаго. Безъ всякаго живого руководителя я изучалъ этотъ языкъ по однѣмъ книгамъ, но черезъ два или три мѣсяца могъ уже говорить и писать на немъ, какъ оказалось при случайномъ знакомствѣ съ однимъ жившимъ въ Царскомъ Селѣ итальянцемъ. Я читалъ Тасса, Метастазіо, Боккачіо, Манзони и особенно трагедіи Альфіери, о которыхъ къ публичному экзамену написалъ на нѣмецкомъ языкѣ длинное разсужденіе. При изученіи итальянской грамматики мнѣ показалось, что теорія глаголовъ нигдѣ не изложена удовлетворительно, а потому я тогда написалъ на итальянскомъ языкѣ особенное сочиненіе объ этомъ предметѣ, которое до сихъ поръ у меня цѣло. Оно посвящено было одному изъ товарищей моихъ (курляндцу Бреверну) [3]), который также занимался этимъ языкомъ. Не одинъ онъ увлекался моимъ примѣромъ: было три или четыре воспитанника, которымъ я давалъ уроки въ итальянскомъ языкѣ; однакожъ ихъ охота скоро прошла, и ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ замѣтныхъ успѣховъ. Была ли то вина учителя, или учениковъ — не знаю. Но я еще и послѣ лицея усердно продолжалъ свое знакомство съ итальянской литературою

---

[1]) Замѣтка профессора Тилло́ о «Курсѣ французской литературы» Ферри де Пиньи. *Литерат. Газета* бар. Дельвига, 1830 г., № 29, критика, стр. 233—234.

[2]) 1831 г., 16 января, № 4 (некрологъ).

[3]) Христофоръ Ивановичъ Бревернъ, впослѣдствіи сенаторъ.

и даже подбилъ къ тому же брата своего, который оставался послѣ меня въ лицеѣ и далъ уговорить себя переписываться со мной по-итальянски. Изъ біографіи дѣда моего узналъ я послѣ, что и онъ въ молодости своей, по собственной охотѣ, выучился итальянскому языку.

Я вышелъ изъ лицея на 20-мъ году, въ іюнѣ 1832 г. Изъ лицея вынесъ я общую привязанность къ заведенію, къ тамошней жизни, ко всѣмъ наставникамъ, а особливо къ тѣмъ, которые отличались чѣмъ-либо пріятно-оригинальнымъ или, какъ ветераны лицея, служили проводниками его преданій.

Хочу воспользоваться случаемъ, чтобъ уяснить себѣ и другимъ, чѣмъ могъ бы я быть по элементамъ, полученнымъ отъ природы, и чѣмъ сдѣлался по вліянію воспитанія и обстоятельствъ. Я уже сказалъ, что до вступленія въ пансіонъ я имѣлъ очень мало знаній; при всемъ томъ хорошимъ началомъ въ языкахъ (въ грамматикѣ) положено было твердое основаніе будущимъ успѣхамъ въ наукахъ. И въ годы моего пребыванія въ пансіонѣ ученіе мое шло какъ нельзя лучше: при переходѣ въ лицей я для 13-тилѣтняго возраста зналъ я уже довольно изъ исторіи и географіи, изъ геометріи и алгебры, изъ латинскаго языка, и особенно могъ хорошо выражаться не только словесно, но и письменно на трехъ живыхъ языкахъ. Чего не могли бы сдѣлать изъ меня въ лицеѣ съ такими началами при моей любознательности и стремленіи впередъ. Но надобно отдать справедливость тамошнимъ моимъ наставникамъ; всѣ они, за исключеніемъ двухъ или трехъ, очень плохо понимали и цѣль свою и средства, которыя надобно было употреблять при обученіи. Правда, впрочемъ, что и неравенство воспитанниковъ составляло немалое къ тому затрудненіе. Вмѣсто того, чтобы развивать въ насъ охоту распространять чтеніемъ свѣдѣнія по предметамъ преподаванія, они строго держались своихъ краткихъ учебниковъ, большею частію очень плохихъ, какова была особенно *Исторія* Кайданова. Чтеніемъ же нашимъ никто не руководилъ, кромѣ воспитанниковъ старшаго курса, которые также были слишкомъ предоставлены

самимъ себѣ. Мы читали произведенія изящной словесности, но связи между преподаваніемъ и чтеніемъ не искали, или по крайней мѣрѣ не довольно о ней заботились. Кошанскаго скоро смѣнилъ Георгіевскій, человѣкъ очень хорошій, но преподаватель бездарный, и успѣхи мои въ латинскомъ языкѣ тогда же почти остановились на все продолженіе лицейскаго курса.

Самое назначеніе лицея благопріятствовало поверхностно-энциклопедическому ученію. Въ воспитанникахъ господствовало всегда предубѣжденіе противъ латинскаго языка, и къ несчастію — говоря о массѣ — даже противъ прилежанія. Надъ тѣмъ, кто много сидѣлъ за своими занятіями, лѣнивые ученики подтрунивали, а кто хорошо училъ уроки, того называли долбней. Я, не имѣя по живости характера склонности безпрестанно заниматься уроками и еще менѣе слишкомъ буквально держаться тетрадей, не навлекалъ на себя нареканія товарищей. Пользуясь хорошей памятью и понятливостью, я легко схватывалъ уроки, но за то легко и забывалъ ихъ. Еще недоставало мнѣ привычки сосредоточивать вниманіе, такъ что если лекція не была особенно интересна, я слушалъ ее невнимательно, да и во время уроковъ легко развлекался другими предметами. Но легкость пониманія и толковость, которой я отличался, а также знаніе языковъ и умѣніе выражаться, вмѣстѣ съ почтительностью къ наставникамъ и совѣстливостью въ поступкахъ, доставили мнѣ у всѣхъ преподавателей самое блестящее мнѣніе.

Къ стыду моему я долженъ сознаться, что, замѣтивъ такую выгоду, я сталъ ею пользоваться и часто не училъ уроковъ, по крайней мѣрѣ сухихъ и скучныхъ. Такъ И. П. Шульгинъ въ послѣдніе годы совсѣмъ пересталъ меня спрашивать изъ географіи, за то и зналъ я довольно плохо Африку и Австралію. Во время скучныхъ лекцій я читалъ постороннія книги — дѣло очень обыкновенное въ лицеѣ. Такимъ образомъ вышелъ я оттуда съ меньшими познаніями, нежели могло бы быть, еслибъ могли дать лучшее и болѣе серіозное направленіе моей любознательности и еслибъ самое преподаваніе по нѣкоторымъ предметамъ сообщало

болѣе точныя, ясныя, полныя и основательныя свѣдѣнія. Не говорю уже о томъ, что моей любви къ рисованью дали совершенно охладѣть и таланту въ этомъ искусствѣ заглохнуть въ ложномъ убѣжденіи, будто это ни къ чему пригодиться не можетъ.

Изъ профессоровъ послѣдняго времени выше всѣхъ по преподаванію стоялъ И. П. Шульгинъ, который питалъ ко мнѣ особенное расположеніе и безъ всякаго съ моей стороны ходатайства, даже безъ моего вѣдома отрекомендовалъ меня кн. Кочубею, предсѣдателю комитета министровъ, вслѣдствіе чего и поступилъ я въ канцелярію этого комитета. Такъ не осуществилась мечта моя по выпускѣ изъ лицея поступить на дипломатическое поприще, которое нѣкогда проходилъ довольно успѣшно мой дядя Цизмеръ. Съ Шульгинымъ продолжались мои сношенія долгое время послѣ выпуска; я посѣщалъ его на дому и ходилъ иногда слушать его университетскія лекціи по исторіи (когда университетъ былъ еще въ Семеновскомъ полку). Поступивъ подъ начальство управлявшаго дѣлами комитета министровъ, барона Модеста Андреевича Корфа, вышедшаго изъ лицея же вмѣстѣ съ Пушкинымъ, я вскорѣ былъ приближенъ къ нему и получилъ приглашеніе жить у него въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ на дачѣ и такимъ образомъ помогать ему въ его служебныхъ занятіяхъ.

Послѣ выпуска меня особенно занимало усовершенствованіе знаній моихъ въ исторіи, въ латинскомъ языкѣ и изученіе неизвѣстныхъ мнѣ новѣйшихъ языковъ. Прежде всего сталъ я учиться англійскому, опять по однѣмъ книгамъ. Вообще по совѣсти могу сказать, что не только не ослабилъ своихъ занятій, но усилилъ ихъ. Общественныя удовольствія имѣли для меня мало прелести, и я большую часть времени употреблялъ на чтеніе или, вѣрнѣе, на ученіе. Былъ ли я дома (я жилъ съ матерью), или проводилъ день у старой тётки, я уединялся и работалъ. Мнѣ представлялись развлеченія, я могъ посѣщать театры и балы, но часто отказывался отъ этихъ удовольствій, а иногда, будучи уже въ театрѣ или на балѣ, чувствовалъ неодолимое влеченіе къ

своимъ занятіямъ и бѣжалъ домой изъ ложи или залы. Въ этомъ было конечно что-то болѣзненное и впослѣдствіи развилась во мнѣ довольно сильная ипохондрія; но это былъ, какъ я самъ вскорѣ узналъ изъ книгъ, недугъ, неразлучный съ извѣстнымъ періодомъ духовнаго развитія, и послѣ 25-тилѣтняго возраста онъ сталъ уступать мѣсто болѣе нормальному настроенію души.

Англійскому языку выучился я такъ-же скоро, какъ прежде итальянскому, и скоро могъ говорить на немъ такъ, что природные англичане одобряли мой выговоръ, въ чемъ мнѣ помогло посѣщеніе англиканской церкви и слушаніе проповѣдей пастора ея Low. Это дало мнѣ возможность прочесть въ подлинникѣ Байрона и Шекспира.

Такимъ образомъ я кромѣ русскаго зналъ четыре новѣйшіе языка, на которыхъ самъ могъ выражаться почти съ одинакою легкостью, а по-латыни могъ читать, съ помощію словаря, всѣхъ писателей. Я продолжалъ на этомъ языкѣ читать начатую въ лицеѣ Энеиду Виргилія.

Перехожу ко времени моей канцелярской службы. Въ этой особенной жизни все было для меня ново и многое таково, что съ самаго начала должно было внушить мнѣ къ ней нерасположеніе. Ежедневно долженъ былъ я ходить въ канцелярію и часто сидѣтъ тамъ безъ дѣла. Слѣдствіемъ того было, что я туда сталъ носить книги. Съ другой стороны иногда я такъ былъ заваленъ работой (всегда механическою), что я долженъ былъ сидѣть за ней не только днемъ, но и ночью. Но увы! обязанность моя состояла почти только въ перепискѣ бумагъ, къ чему красивый почеркъ, пріобрѣтенный мною благодаря лицейскому учителю каллиграфіи Ф. П. Калиничу, оказался очень пригоднымъ [1]).

---

[1]) По разсказу Якова Карловича случилось, что императоръ Николай Павловичъ спросилъ разъ у Мод. Андр. Корфа: «Кто это у тебя такъ отлично пишетъ? Пріятно читать написанное такимъ почеркомъ». И вотъ съ тѣхъ поръ бо̀льшая часть меморій для Государя переписывалась Яковомъ Карловичемъ, и онъ вписываетъ въ свой дневникъ: «Дни уходятъ, не оставляя ни въ умѣ, ни въ сердцѣ прочныхъ слѣдовъ: за то они оставляютъ по себѣ толстыя кипы исписанной веленевой бумаги; будетъ мнѣ чѣмъ похвастать показывая внуку

По счастію между сослуживцами моими было нѣсколько образованныхъ молодыхъ людей, изъ общества которыхъ я могъ извлечь пользу для распространенія своихъ познаній, но въ томъ родѣ службы, который мнѣ достался, началъ видѣть досадное къ этому препятствіе. Однако съ нѣкоторыми изъ сослуживцевъ я обмѣнивался книгами и журналами. Одинъ изъ нихъ кн. Н. А. Долгорукій, бывшій товарищъ мой по царкосельскому пансіону, былъ большой любитель иностранныхъ литературъ, имѣлъ прекрасную библіотеку и безпрестанно приносилъ съ собой книжныя новинки на французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ языкѣ. Другой Дм. Степ. Протопоповъ († 1871), оцѣненный по достоинству покойнымъ графомъ Киселевымъ и впослѣдствіи пріобрѣтшій почетную извѣстность по дѣятельности въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, а тогда только-что кончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ, почти въ одно время со мною вступилъ въ канцелярію комитета министровъ. Его свѣдѣнія оказались во многомъ основательнѣе моихъ, и я не могъ не сознавать его превосходства въ зрѣлости сужденія,—онъ былъ 5-ю годами старше меня. Мы скоро такъ сошлись, что стали вмѣстѣ проводить вечера въ занятіяхъ; онъ дополнялъ мои знанія въ латинскомъ языкѣ, а я давалъ ему уроки во французскомъ языкѣ. Всегда разговаривая о разныхъ предметахъ, мы потомъ разработывали эти предметы письменно по разнымъ источникамъ и сообщали другъ другу свои записки. Эти занятія имѣли большое значеніе для насъ обоихъ.

Будучи изъ духовнаго званія, Протопоповъ не могъ въ университетѣ пріобрѣсти того лоска образованности, который сообщало воспитаніе лицейское. Кромѣ этого преимущества, я имѣлъ передъ нимъ выгоду знанія языковъ и свѣтской обходительности, которой въ немъ противоположна была какая-то дикая застѣн-

---

или сыну шкапы государственной канцеляріи; съ какою гордостью скажу: «сочинять не сочинялъ, а писывалъ». Невольно приходитъ на мысль: «Ужели на 24-мъ году отъ роду въ лѣто служенія нашего 4-е, воспитавшись въ одномъ изъ первыхъ заведеній, я не могъ бы лучше быть употребленъ на службѣ?»

чивость и недовѣрчивость къ себѣ, заставлявшая его чуждаться общества. Не смотря на такое несходство наше, мы съ нимъ съ первыхъ встрѣчъ сошлись необыкновенно: сперва бесѣдовали и спорили только въ канцеляріи, а потомъ стали и посѣщать другъ друга. Скоро мы такъ сдѣлались нужны другъ другу, что не только видѣлись ежедневно, но сверхъ того еще и переписывались. Протопоповъ любилъ меня съ нѣжностью старшаго и болѣе благоразумнаго брата, а я ему былъ преданъ со всѣмъ жаромъ юношеской дружбы, которая нисколько не нарушалась нѣкоторою школьною шаловливостью въ моемъ обращеніи съ нимъ и тѣмъ, что я, будучи въ то время довольно насмѣшливаго характера, часто позволялъ себѣ посмѣиваться надъ топорностью формъ бывшаго московскаго студента.

Бывъ воспитаны въ двухъ совершенно разныхъ сферахъ, въ двухъ различныхъ краяхъ Россіи, имѣя на все разные взгляды, стоя на двухъ разныхъ степеняхъ образованія, мы должны были каждый внести много новаго въ душу другого. Такъ было въ самомъ дѣлѣ: для каждаго изъ насъ открылся новый міръ въ мірѣ другого. Разсказы Протопопова о Москвѣ, о профессорахъ ея и университетѣ и умныя замѣчанія о разницѣ между нею и Петербургомъ открыли мнѣ глаза на многое и внушили мнѣ сильное желаніе ознакомиться съ древнею столицею. Онъ часто показывалъ мнѣ невѣрность моихъ сужденій и недостаточность знаній; съ другой стороны я знакомилъ его съ иностранными языками, которые онъ вовсе не зналъ, особливо съ французскимъ. Хотя онъ самъ не пробовалъ себя въ стихотворствѣ и не имѣлъ къ тому никакой склонности, онъ любилъ и понималъ поэзію: мы вмѣстѣ читали Ламартина и Пушкина, а въ послѣдствіе Виргилія въ подлинникѣ, послѣдняго по моей настоятельной просьбѣ. Свиданія съ Протопоповымъ составляли для меня лучшее наслажденіе моей тогдашней жизни: они продолжались также постоянно и тогда, когда мы разлучились по службѣ; я перешелъ въ государственный совѣтъ, а онъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Часто водилъ я его во французскій

и нѣмецкій театры, чтобы доставить ему практику въ разговорной рѣчи на этихъ языкахъ. Лѣтомъ, когда я жилъ на дачѣ, онъ, боясь встрѣчи съ семействомъ моего начальника, посѣщалъ меня рѣдко, но тѣмъ усерднѣе мы переписывались, и сверхъ того доставляли другъ другу выписки изъ прочитаннаго и сужденія свои о томъ.

Еще въ лицеѣ испытывалъ я часто свои силы въ поэзіи, держась однакожъ почти исключительно эпическаго рода и иногда только пускаясь въ сатиру. Послѣ выпуска сталъ я писать и лирическія стихотворенія, но на этомъ пути едва не впалъ въ то болѣзненное направленіе, которое, выражаясь уныніемъ страждущей души, увлекало въ то время столькихъ молодыхъ людей. Къ счастію я былъ очень строгъ къ самому себѣ и ничего не отдавалъ въ печать [1]). Я бы легко могъ найти случай познакомиться съ нѣкоторыми литераторами и даже съ Пушкинымъ, но мнѣ казалось совѣстнымъ и не завиднымъ попасть въ этотъ кругъ безъ всякихъ правъ на вниманіе, и потому мнѣ хотѣлось напередъ самому издать что-нибудь достойное извѣстности.

Къ Пушкину я чувствовалъ съ самаго лицея настоящее благоговѣніе. Въ то время, какъ я былъ еще въ младшемъ курсѣ, весною 28-го или 29-го года [2]), онъ однажды навѣстилъ насъ. Мы слѣдовали за нимъ тѣсною толпой, ловя каждое слово его. Пушкинъ былъ въ черномъ сертукѣ и бѣлыхъ лѣтнихъ панталонахъ. На лѣстницѣ оборвалась у него штрипка; онъ остановился, отстегнулъ ее и бросилъ на полъ; я съ намѣреніемъ отсталъ и завладѣлъ этою драгоцѣнностью, которая послѣ долго хранилась у меня. Изъ разговоровъ Пушкина я ничего не помню, да и почти не слышалъ: я такъ былъ пораженъ самымъ

---

[1]) Эти стихотворенія и не сохранились въ бумагахъ Якова Карловича (вѣроятно были имъ уничтожены), ибо дошедшія до насъ, изъ которыхъ нѣкоторыя и печатаются въ настоящемъ изданіи, относятся уже къ нѣсколько позднѣйшей эпохѣ (не ранѣе 1837 г.).

[2]) Вѣрнѣе въ 1828 г., ибо весной 1829 Пушкинъ большею частію былъ въ Москвѣ, занятый мыслями о женитьбѣ и сватовствѣ.

его явленіемъ, что не умѣлъ даже и слушать его, да притомъ по всегдашней своей застѣнчивости шелъ позади другихъ. Вскорѣ послѣ выпуска, изучая англійскій языкъ, сошелся я съ Пушкинымъ въ англійскомъ книжномъ магазинѣ Диксона, куда я любилъ ходить какъ въ особый міръ, полный для меня тайнаго очарованія. Увидя Пушкина, я забылъ свою собственную цѣль и весь превратился во вниманіе: онъ требовалъ книгъ, относящихся къ біографіи Шекспира, и говоря по-русски, разспрашивалъ о нихъ книгопродавца. Какъ интересны казались мнѣ эти книги и какъ хотѣлось подойти къ Пушкину и отрекомендовать себя ему какъ лицейскаго, уже принимавшаго его въ лицеѣ! Но на это не стало у меня духа. Въ другой разъ, когда я проводилъ лѣто на Карповкѣ у барона Корфа, Пушкинъ, жившій на Каменномъ Островѣ и часто ходившій туда изъ города пѣшкомъ, шелъ мимо сада, когда я стоялъ у калитки. Онъ взглянулъ на меня и я, повинуясь невольному движенію, снялъ передъ нимъ почтительно шляпу. Онъ учтиво отдалъ мнѣ поклонъ и скоро скрылся изъ моихъ глазъ. Вотъ три главныя мои встрѣчи съ Пушкинымъ. Еще видывалъ я его въ Царскомъ Селѣ, когда онъ въ 1831 году, живя тамъ съ молодою и прекрасною женою, гулялъ по воспѣтымъ имъ аллеямъ; встрѣчалъ я его и въ Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ, но тѣ три встрѣчи были болѣе непосредственны и всего живѣе запечатлѣлись у меня въ памяти. Сколько разъ я жалѣлъ, по кончинѣ Пушкина, что не воспользовался ни одною изъ нихъ для ближайшаго съ нимъ знакомства!

Въ 1834 году баронъ Корфъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ и перевелъ меня къ себѣ въ государственную канцелярію. Три лѣта сряду жилъ я у него на дачѣ (на Аптекарскомъ островѣ), исполняя обязанности секретаря, и очень сблизился съ его семействомъ, въ которомъ увидѣлъ образецъ патріархальныхъ семейныхъ нравовъ. Благоволеніе ко мнѣ бар. Корфа перешло и на семейство мое, которое тоже жило одно

лѣто на дачѣ со мною, а сестру мою полюбившая ее баронесса Ольга Θедоровна Корфъ пригласила съ собою за границу.

Канцелярскія занятія мои и тутъ ограничивались почти одною перепискою, да и живя на дачѣ у барона Корфа мнѣ не разъ случалось просиживать цѣльныя ночи за перепискою журналовъ, назначенныхъ для представленія Государю. Тѣмъ болѣе влекло меня къ литературнымъ занятіямъ.

Первый трудъ, который я предпринялъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ издать его, былъ переводъ байроновой поэмы *Мазепа*. Когда я достаточно изучилъ англійскій языкъ для пониманія Байрона, онъ сдѣлался на нѣкоторое время исключительнымъ моимъ чтеніемъ, и я читалъ не только его, но и главныя книги о немъ написанныя, особенно записки Томаса Мура и статью Вашингтона Ирвинга «Newstead Abbey». Такъ какъ я въ занятіяхъ своихъ тогда уже искалъ предметовъ, имѣющихъ какую-нибудь связь съ русской исторіей, то и выбралъ для перевода Мазепу, и началъ его въ 1835 году. Прежде перевелъ я оду Байрона на *Наполеона*, но не показывалъ ее никому, кромѣ одного лицейскаго товарища (Комовскаго). Окончивъ Мазепу, я долго еще держалъ этотъ трудъ втайнѣ для окончательной отдѣлки.

Еще не выпуская его изъ рукъ, я уже вступалъ въ новую, мало извѣстную, но богатую область литературы. Это былъ міръ скандинавскій. Сидячая жизнь въ лицеѣ и внушенная мнѣ воспитаніемъ ложная мысль о слабости моей груди помѣшали полному развитію моихъ физическихъ силъ. Чувствуя послѣ выпуска потребность въ укрѣпленіи ихъ и въ удаленіи отъ себя той тѣлесной хилости, которая не соотвѣтствовала моему характеру, я сталъ упражняться въ верховой ѣздѣ и въ гимнастикѣ. Посѣщая заведеніе шведа Паули, имѣлъ я случай узнать кое-что о шведской литературѣ и пожелалъ учиться шведскому языку. Для этого Паули далъ мнѣ одну часть стихотвореній Рунеберга и Тегнѣрову *Фритіофссагу*. Слышавъ много о послѣдней, о которой и Гёте писалъ съ большею похвалою, я съ жа-

ромъ принялся читать эту поэму, досталъ себѣ нѣмецкій переводъ ея и скоро такъ увлекся этимъ произведеніемъ, что рѣшился перевести его на русскій языкъ. Тогда же перевелъ я стихами три пѣсни. Между тѣмъ я увидѣлъ необходимость изучить напередъ скандинавскія древности, особенно миѳологію, и усовершенствоваться въ шведскомъ языкѣ.

Служба въ государственной канцеляріи имѣла одну очень пріятную сторону: болѣе двухъ мѣсяцевъ каникулъ, которыми пользовались всѣ чиновники. Въ 1837 году дилижансъ, ѣздившій между Петербургомъ и Выборгомъ, подалъ мнѣ идею воспользоваться вакаціями государственнаго совѣта для поѣздки на Иматру вмѣстѣ съ сослуживцемъ моимъ и бывшимъ лицейскимъ товарищемъ Комовскимъ [1]).

Отправившись въ Выборгъ въ дилижансѣ, мы однако прибыли туда въ телѣгѣ, такъ какъ у дилижанса за нѣсколько десятковъ верстъ до цѣли нашего путешествія загорѣлась ось и надо было бросить этотъ рыдванъ. Въ Выборгѣ охота постранствовать, да еще съ приключеніями, такъ разыгралась въ насъ, что мы рѣшились пуститься въ почтовой таратайкѣ сперва на Иматру, а воротясь оттуда, въ Гельсингфорсъ, о которомъ мы прежде вовсе не думали. Но юность готовится недолго. Сказано, сдѣлано. Можно представить себѣ, какъ живы были впечатлѣнія двухъ юношей путешествовавшихъ въ первый разъ, и при томъ по странѣ, гдѣ все было для нихъ ново: много веселыхъ, неизгладимыхъ впечатлѣній доставила намъ эта поѣздка, которой вторая половина соединена была съ дѣйствительной опасностью на морѣ.

Съ кошелькомъ уже довольно истощеннымъ поскакали мы въ Гельсингфорсъ (день и ночь), пробыли тамъ одни сутки и должны были спѣшить обратно, чтобы не просрочить отпуска.

---

[1]) Александръ Дмитріевичъ, служившій позже, съ 1840 г. по морскому министерству, у князя А. С. Меньшикова — старшимъ чиновникомъ военно-походной по флоту канцеляріи.

Парохода было ждать долго, — онъ только-что прибылъ изъ Петербурга; мы подрядили чухонскую лайбу, которая, выгрузивъ муку, должна была въ тотъ же день плыть обратно въ Петербургъ. Шкиперъ взялся доставить насъ туда на слѣдующія сутки; но мы по неопытности не замѣтили, что онъ пустился въ путь безъ балласта, и не осмотрѣли каютъ, которыя были невообразимо грязны. Погода казалась привѣтливою, но скоро задулъ противный и довольно свѣжій вѣтеръ, пошелъ дождь и по мѣрѣ усиленія бури насъ стало нести назадъ. Тутъ я излилъ свои впечатлѣнія въ стихотвореніи «Тоска на морѣ», которое отослалъ сестрѣ за границу, описавъ ей подробно наши приключенія [1]).

Съ трудомъ уговорили мы шкипера высадить насъ на какой-то островокъ Финскаго залива, гдѣ онъ нашелъ товарищей рыбаковъ и они начали вмѣстѣ пьянствовать. Наконецъ удалось намъ найти охотниковъ доставить насъ на берегъ, до котораго было болѣе 4-хъ верстъ, въ лодочкѣ и при сильномъ волненіи. Высадившись близъ деревушки, мы наняли телѣгу и, проѣхавъ верстъ 60, благополучно возвратились въ Петербургъ. Въ чемоданѣ моемъ былъ и *Фритіофъ* и листы начатаго мною перевода, но я ни ихъ, ни подлинника не развертывалъ во всю дорогу. Главнымъ плодомъ этой поѣздки было убѣжденіе, что я долженъ еще разъ побывать въ Финляндіи, чтобы хорошенько усвоить себѣ шведскій языкъ и приготовиться къ переводу начатой поэмы *Фритіофа*. Такимъ образомъ я по возвращеніи еще усерднѣе прежняго принялся за работу.

Вскорѣ занятія мои въ государственномъ совѣтѣ получили нѣсколько иной характеръ: меня повысили въ должность помощника экспедитора, а потомъ экспедитора (по тогдашнему столоначальника), и обязанностью моею было составленіе меморій (т. е. извлеченіе изъ журналовъ совѣта) для Государя Императора. Но и эта работа меня не удовлетворяла, такъ какъ для того, чтобы меморія отвѣчала своей цѣли, необходимо было въ точно-

---

[1]) См. ниже въ отдѣлѣ «Стихотвореній».

сти знать направленіе, данное дѣлу въ совѣтѣ, а мнѣ это оставалось неизвѣстнымъ: оттого трудъ мой при всемъ моемъ стараніи часто оказывался напраснымъ и приходилось его передѣлывать. Такимъ образомъ служба эта, не требовавшая почти никакой самостоятельной дѣятельности, оказывалась очень мало полезной и для пріобрѣтенія служебной опытности. Все, что я извлекъ изъ нея для моего умственнаго развитія, заключалось въ нѣкоторомъ редакторскомъ искусствѣ, въ умѣніи ясно и сжато излагать всякое дѣло. Въ этомъ отношеніи баронъ Корфъ, будучи самъ ученикомъ Сперанскаго, могъ служить хорошимъ образцомъ. А между тѣмъ я долженъ былъ ежедневно проводить все утро въ канцеляріи, тогда какъ страсть къ литературнымъ занятіямъ не давала мнѣ покоя.

Я еще не имѣлъ никакихъ литературныхъ связей. Но оконченный мною въ 1837 году стихотворный переводъ *Мазепы* Байрона скоро доставилъ мнѣ первое знакомство этого рода. Однажды, я въ театрѣ встрѣтился съ лицейскимъ товарищемъ (однимъ курсомъ старше меня) М. Д. Деларю († 1868), который самъ писалъ и печаталъ стихи и позже пострадалъ за одно изъ своихъ произведеній. Узнавъ отъ меня о моемъ переводѣ, который незадолго передъ тѣмъ былъ также читанъ и одобренъ сослуживцемъ моимъ К. П. Масальскимъ, Деларю пожелалъ его прочесть и передалъ мою рукопись Плетневу, который тогда готовился издавать Современникъ и къ которому я, по трудамъ его, давно чувствовалъ влеченіе. Плетневъ пожелалъ познакомиться со мною, пригласилъ меня къ себѣ [1]) и выразилъ готовность напечатать мой переводъ въ Современникѣ, гдѣ онъ и явился въ началѣ 1838 года [2]). Съ этихъ поръ я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ Современника до перехода его, въ 1847 году, въ другія руки.

---

[1]) Онъ тогда жилъ близь Обухова моста, въ домѣ извѣстной Агафоклеи Марковны Сухаревой, близь пресловутыхъ бань ея. *Прим. Я. Г.* (А. М. Сухарева — предсѣдательница Спб. женскаго Патріотическаго Общества).

[2]) Современникъ, 1838 г., т. IX, стр. 94—128.

Этотъ первый напечатанный трудъ мой обратилъ на себя нѣкоторое вниманіе въ литературномъ мірѣ. Сенковскій при многихъ гостяхъ отозвался объ немъ съ похвалою. Кукольникъ позвалъ меня къ себѣ на вечеръ, на которомъ я увидѣлъ многихъ изъ тогдашнихъ литературныхъ и художественныхъ тузовъ. Я сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ субботнихъ вечеровъ князя Одоевскаго. Въ то время готовились матеріалы для Отечественныхъ Записокъ, которыми очень интересовался Одоевскій. Зная, что я занимаюсь скандинавской литературой, онъ просилъ меня перевести для этого журнала Сагу Рагнара Лодброка, но у него было только латинское изданіе ея, и я, переведя нѣсколько главъ, заявилъ, что на такой трудъ не стоитъ тратить времени, потому что онъ не даетъ понятія о подлинникѣ. Вмѣсто того, я черезъ нѣсколько времени написалъ для новаго журнала, по поводу книги Бергмана, большую статью о поэзіи и миѳологіи древнихъ скандинавовъ [1]). Эта статья, заставившая меня прочитать многое и стоившая мнѣ немало труда, положила твердое основаніе моимъ дальнѣйшимъ занятіямъ въ этой области. Канцелярская служба и перспектива лестной карьеры не могли уже отвлечь меня отъ науки и литературы.

Баронъ Корфъ, замѣтивъ это, въ разговорѣ съ Плетневымъ не безъ сожалѣнія сказалъ обо мнѣ, махнувъ рукою: «Пропалъ для службы!» Дѣйствительно по пословицѣ: «какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ», я сталъ серіозно стремиться къ такому положенію, которое давало бы мнѣ возможность совершенно посвятить себя любимымъ занятіямъ и удалиться отъ сферы, гдѣ, какъ я давно замѣчалъ, успѣхи часто зависятъ болѣе отъ извѣстной ловкости и нѣкоторой хитрости, чѣмъ отъ истинныхъ заслугъ и добросовѣстнаго исполненія обязанностей. Жить и дѣйствовать въ такой средѣ было мнѣ тяжело и не разъ припоминался мнѣ стихъ:

---

[1]) Поэзія и миѳологія Скандинавовъ. Исландскія поэмы. *Отечеств. Записки* 1839 г., т. IV, № 6.

Служить я радъ, прислуживаться тошно!

Съ тѣхъ поръ въ моей духовной жизни началась новая эпоха, въ которой главнымъ для меня лицомъ былъ Плетневъ. Къ Протопопову я чувствовалъ все ту же дружбу, но его служебная дѣятельность, сопряженная съ усиленными трудами, уже отвлекала его болѣе и болѣе отъ литературы и приближалось время, когда намъ надобно было совсѣмъ разстаться.

Въ началѣ 1838 года Плетневъ доставилъ мнѣ знакомство съ Жуковскимъ, и онъ, отъѣзжая за границу съ Наслѣдникомъ, взялъ съ собою мой переводъ бо̀льшей части пѣсенъ *Фритіофа*. Изъ Венеціи онъ написалъ Плетневу:

«Пишу къ Вамъ, любезный Петръ Александровичъ, по обыкновенію своему нѣсколько строкъ, чтобы попросить Васъ передать приложенный манускриптъ нашему молодому поэту, котораго я прошу убѣдительно продолжать прекрасный трудъ свой и не выпускать его изъ рукъ, пока его поэтическая совѣсть не будетъ совершенно въ ладу сама съ собою».

Послѣ личнаго знакомства моего съ поэтомъ, онъ указывалъ мнѣ на исторію Карамзина, какъ на богатый источникъ художественнаго творчества, и совѣтывалъ мнѣ продолжать заниматься поэзіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣтилъ, что у меня не совсѣмъ здоровый видъ и совѣтывалъ мнѣ отдохнуть и полѣчиться. Дѣйствительно, слишкомъ сидячая жизнь и умственное напряженіе, особливо послѣднее время, вмѣстѣ съ пребываніемъ лѣтомъ на сырыхъ невскихъ островахъ, начали отзываться на мнѣ ревматизмами. Почти всю предыдущую зиму и весну я трудился надъ *Фритіофомъ* и такъ усердно, что иногда по цѣлымъ недѣлямъ не выходилъ изъ дому. Вмѣстѣ съ тѣмъ я много работалъ по должности, которая, впрочемъ, уже позволяла мнѣ заниматься на дому. Вслѣдствіе того, баронъ Корфъ испросилъ мнѣ пособіе на путешествіе, и докторъ Зейдлицъ, которому меня рекомендовалъ Жуковскій, послалъ меня въ Одессу купаться въ морѣ. Но не туда направляла меня судьба.

Собравшись въ Одессу, я рѣшился воспользоваться случаемъ, чтобы хорошенько познакомиться съ Москвой и ея древностями, которыя произвели на меня сильное впечатлѣніе и много распространили мои свѣдѣнія о русской старинѣ. Другъ мой Протопоповъ далъ мнѣ рекомендацію къ нѣсколькимъ изъ своихъ университетскихъ товарищей, и они съ большой любезностью возили меня по всѣмъ замѣчательнымъ мѣстамъ не только въ самой Москвѣ, но и въ ея окрестностяхъ. Проведя тамъ около мѣсяца въ домѣ родной сестры Протопопова (Ступишиной), я уже готовился къ отъѣзду въ Одессу, когда неожиданно московскіе доктора (Отрадинскій и Гречищевъ) объявили мнѣ, что по состоянію моего здоровья я долженъ отправиться не на югъ, который только разслабитъ меня и сдѣлаетъ чувствительнѣе къ петербургскому климату, а на сѣверъ, чтобы купаться въ Финскомъ заливѣ. По умственнымъ интересамъ, которые меня въ то время увлекали, никакой совѣтъ не могъ быть мнѣ пріятнѣе. Я обрадовался и, возвратясь въ Петербургъ, моремъ пустился въ знакомый мнѣ Гельсингфорсъ. Такъ невѣдомо для меня самого вдругъ рѣшилась будущая моя судьба и карьера.

Въ Гельсингфорсѣ, незадолго передъ тѣмъ, устроено было заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ съ купаньями. Я очень усердно пользовался этимъ учрежденіемъ и въ самомъ дѣлѣ значительно поздоровѣлъ. Мой возрастъ, выгодное служебное положеніе и нѣкоторое знаніе шведскаго языка доставили мнѣ отличный пріемъ въ финляндскомъ обществѣ. Между прочимъ я познакомился съ нѣкоторыми учеными и по окончаніи лѣченія предпринялъ съ однимъ изъ нихъ, Цигнеусомъ[1]), который былъ и поэтъ, поѣздку внутрь края въ городъ Борго, чтобъ познакомиться съ Рунебергомъ[2]). Эту поѣздку и это знакомство описалъ я въ статьѣ, которая вскорѣ была напечатана въ Со-

---

1) Доцентомъ Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ, ректоромъ высш. элемент. школы, поэтомъ (ум. 1881 г.).

2) Знаменитымъ финляндскимъ поэтомъ.

временникѣ[1]). Я вывезъ изъ Финляндіи разныя шведскія книги и такимъ образомъ могъ уже вполнѣ предаться изученію предметовъ, которые меня наиболѣе занимали.

Передъ оживленными литературными интересами, передъ любовью къ природѣ и поэзіи, съ которыми я воротился въ Петербургъ, канцелярская служба, состоявшая въ занятіяхъ почти механическихъ, становилась для меня болѣе и болѣе постылою. Въ головѣ моей серіозно развивался планъ покинуть службу и посвятить себя литературѣ. Напрасно Плетневъ представлялъ мнѣ, какъ такой шагъ невыгоденъ въ разныхъ отношеніяхъ; но я оставался твердъ въ своемъ намѣреніи, не смотря на то, что новая должность доставляла мнѣ 1500 р. жалованья, а доброе расположеніе начальника обѣщало всякія блага впереди.

Лѣто 1839 года я опять провелъ въ Финляндіи, которая уже манила меня, какъ знакомый край; ей я обязанъ былъ и улучшеніемъ здоровья, и многими интересными знакомствами; изученіе этого особеннаго міра съ двумя разнородными языками, съ цѣлой скандинавской литературой, сулило мнѣ много умственныхъ наслажденій. Въ этотъ разъ я опять пилъ вòды и купался въ морѣ, но кромѣ того успѣлъ недѣли двѣ прожить въ сельскомъ уединеніи Рунеберга и объѣхать бóльшую часть южной Финляндіи. Свободно уже читая по-шведски и узнавъ изъ рукописнаго прозаическаго перевода (которымъ снабдилъ меня профессоръ исторіи Рейнъ) финскую эпопею Калевалу, я привезъ въ Петербургъ обильный запасъ матерьяловъ для будущихъ работъ. Благодаря имъ, я написалъ цѣлый рядъ статей, касавшихся финляндской и шведской литературы, которыя были помѣщены въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ въ Современникѣ, а отчасти въ Отечественныхъ Запискахъ, какъ то: *Знакомство съ Рунебергомъ*, *Гельсингфорсъ*, *о Финнахъ и ихъ національной поэзіи*, *о Скандинавской миѳологіи*, *Разсказы изъ Шведской исто-*

---

[1]) Современникъ 1839, т. XIII.

ріи, переводъ пьесы Рунеберга: *Вечеръ на Рождество* и проч. Нравы и образъ жизни въ Финляндіи, какъ и характеръ ея жителей, лучшимъ представителемъ котораго былъ для меня спокойный и глубокій поэтъ Рунебергъ, имѣли въ моихъ глазахъ много привлекательнаго.

Съ другой стороны недавнее знакомство съ Москвою сдѣлало то, что я сталъ прилежно заниматься русской исторіей. О переходѣ въ ученое сословіе я прежде часто уже думалъ, хотя не смѣлъ останавливаться на этой мысли.

Внезапно встрѣтилась случайность, ускорившая перемѣну, которой я такъ пламенно желалъ и для которой пришлась такъ кстати подготовка, мною между тѣмъ безсознательно пріобрѣтенная. Разъ въ воскресенье утромъ зашелъ я къ Плетневу (въ то время уже ректору СПбургскаго университета, но онъ жилъ еще на вольной квартирѣ въ Михайловской ул.) [1]) и засталъ у него прибывшаго изъ Гельсингфорса профессора русской словесности въ тамошнемъ нуиверситетѣ Сергѣя (кажется Өедоровича) Соловьева. Онъ сообщилъ намъ, что намѣренъ въ скоромъ времени оставить эту каөедру. Тотчасъ у меня мелькнула мысль сдѣлаться его преемникомъ, о чемъ я послѣ сообщилъ Плетневу. Повидимому предположеніе Соловьева тѣмъ легче должно было осуществиться, что въ Петербургѣ очищалось мѣсто профессора той же части въ Педагогическомъ институтѣ и Соловьевъ явился искателемъ его. Онъ даже прочелъ въ Институтѣ пробную лекцію о Петрѣ Великомъ, на которой я присутствовалъ; она показалась мнѣ очень удачною, но Соловьевъ сохранилъ свою каөедру въ Гельсингфорсѣ: причина тому осталась мнѣ неизвѣстною.

Тогда, по рекомендаціи Жуковскаго, гр. Ребиндеръ [2]) приду-

---

[1]) Повидимому это было еще въ декабрѣ 1839 г. (ибо въ другомъ мѣстѣ Я. К. говоритъ объ этомъ, какъ о случившемся «въ концѣ» 1839 г.). Въ такомъ случаѣ Плетневъ еще не былъ тогда ректоромъ, ибо на эту должность онъ былъ избранъ въ февр. 1840 г.

[2]) Гр. Робертъ Ив. былъ министромъ ст.-секрет. В. К. Финляндскаго и испр. д. Канцлера Императ. Александр. Университата († 1841 г.).

малъ мнѣ другое положеніе. Онъ предложилъ мнѣ занять при немъ пока мѣсто чиновника особыхъ порученій, съ тѣмъ, чтобы со временемъ получить должность (которая еще не была учреждена, но имѣлась въ виду) инспектора финляндскихъ училищъ по преподаванію русскаго языка. Я охотно согласился и, скрѣпя сердце, однажды утромъ вошелъ въ кабинетъ бар. Корфа, чтобы сообщить ему свое рѣшеніе. Онъ конечно удивился, но прямо не сталъ отговариватъ меня, а только спросилъ, обдумалъ ли я зрѣло этотъ шагъ, довольно ли вѣрно и обезпечено будетъ мое новое положеніе.

И такъ я перешелъ Рубиконъ. Вѣсть о моемъ переходѣ быстро разнеслась между моими знакомыми. Всѣ были поражены, не могли никакъ понять, какъ я рѣшаюсь жертвовать своею карьерою, находили, что я поступаю опрометчиво, а иные считали меня просто сумасбродомъ. Впослѣдствіи я узналъ, что до одного изъ бывшихъ моихъ товарищей, находившагося тогда въ Италіи, дошелъ даже слухъ, что я помѣшался. Мнѣ было тяжело являться въ общество; вездѣ меня допрашивали о моемъ намѣреніи, выражали свое недоумѣніе, на что же я надѣюсь. Тогдашній директоръ департамента народнаго просвѣщенія (В. Д. Комовскій), братъ моего лицейскаго товарища, замѣтилъ мнѣ, что онъ меня не понимаетъ, что въ нашемъ обществѣ званіе ученаго еще не пользуется достаточнымъ уваженіемъ и что, конечно, я современемъ раскаюсь въ томъ, что дѣлаю. Все это однакожъ нисколько меня не смущало: такъ сильно я чувствовалъ, что исполняю неотразимое требованіе своей природы и съ свѣтлою юношескою довѣрчивостью глядѣлъ на будущее. Но дѣло было сдѣлано: баронъ Корфъ написалъ будущему моему начальнику чрезвычайно лестный обо мнѣ отзывъ, и вотъ я уже принадлежу къ вѣдомству Финляндскаго статсъ-секретаріата.

Гр. Ребиндеръ предоставилъ мнѣ жить гдѣ я захочу: въ Петербургѣ или въ Финляндіи. Я рѣшился переѣхать въ Гельсингфорсъ, чтобъ удобнѣе продолжать свои занятія по изученію скандинавскаго сѣвера. Со мною рѣшилась переселиться и мать

моя, хотя ей было уже 60 лѣтъ и она никогда не выѣзжала изъ Петербурга. Раздѣляя общій взглядъ на положеніе чиновника, какъ самое выгодное и почетное, старушка не могла вполнѣ одобрять моего дѣйствія; но вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ довольно спокойно подчинилась странному рѣшенію сына, съ которымъ ни за что не хотѣла разстаться. И будущее показало, что положеніе ея перемѣнилось не къ худшему. Тогда какъ въ Петербургѣ скромныя средства заставляли ее безпрестанно мѣнять квартиры, жить уединенно и въ высокихъ этажахъ, въ Гельсингфорсѣ она нашла самый радушный пріёмъ въ образованномъ кругу тамошняго общества, пользовалась общимъ уваженіемъ и гораздо бо́льшимъ жизненнымъ комфортомъ и хозяйственными удобствами, чѣмъ въ Петербургѣ. Сама она сознавала это къ великому моему утѣшенію. Сестра же на первый случай не поѣхала съ нами, а отправилась съ Корфами за границу, и присоединилась къ намъ только осенью, когда мы окончательно устроились. Братъ[1]) мой служилъ тогда въ Митавѣ.

Отправивъ на парусномъ суднѣ часть своей мебели въ Гельсингфорсъ, мы сами въ іюнѣ мѣсяцѣ 1840 года поѣхали туда сухимъ путемъ и кое-какъ устроились на новомъ мѣстѣ[2]). Пріѣздъ мой сначала нисколько не удивилъ финляндцевъ, такъ какъ въ то время дѣлались приготовленія къ празднованію 200-лѣтняго юбилея Гельсингфорскаго университета и по этому случаю ожидалось много пріѣзжихъ. Юбилейныя празднества справлялись очень великолѣпно съ соблюденіемъ средневѣковыхъ обычаевъ скандинавскихъ университетовъ. Центромъ этихъ празднествъ была еще не освященная въ то время просторная соборная церковь Св. Николая; тамъ между прочимъ совершались и отложенныя нарочно до этого торжества такъ называемыя промоціи.

---

[1]) Константинъ Карловичъ.

[2]) Объ этомъ въ первомъ письмѣ Якова Карловича отъ 18 іюня въ перепискѣ его съ П. А. Плетневымъ, имѣющей вскорѣ быть изданной.

Блестящія церемоніи, сопровождавшія юбилей, описаны въ Современникѣ 1840 года[1]). Въ Гельсингфорсъ съѣхались тогда представители всѣхъ русскихъ университетовъ и къ нимъ присоединились и нѣкоторые литераторы, неофиціально посѣтившіе тогда этотъ городъ[2]). Не помню, по чьему именно почину состо-

---

[1]) Современн. 1840, т. XX. (статья П. А. Плетнева).

[2]) Любопытно, какъ отзывается объ этихъ празднествахъ въ своихъ воспоминаніяхъ финляндецъ *Авг. Шауманъ* (*Aug. Schaumann*: Från sex årtionden i Finland, Helsingfors, 1892, s. 146, 147 и сл.). Приводимъ его разсказъ, въ которомъ живо характеризуется тогдашняя роль Якова Карловича въ Гельсингфорсѣ. «Депутатами на юбилейныхъ торжествахъ (Алекс. универ.) были: изъ Петербурга: ректоръ Плетневъ и два представителя отъ Академіи Наукъ—Фуссъ и нашъ соотечественникъ Шёгренъ, отъ Дерпта проф. Эрдманъ и Преллеръ; изъ Кіева проф. Траутфеттеръ, а изъ Упсалы библіотекарь проф. Шрёдеръ. Кромѣ того 8 студентовъ изъ Дерпта и 6 изъ Петербурга. Между гостями неофиціальными: членъ петерб. Академіи Наукъ Ленцъ, извѣстный романистъ Булгаринъ, который въ это время началъ часто посѣщать Финляндію, также какъ и нѣкоторые молодые русскіе литераторы: камергеръ князь Одоевскій, камеръ-юнкеръ Сологубъ, надворн. сов. Гротъ и др.

Самымъ многозначительнымъ и достойнымъ упоминанія эпизодомъ этихъ праздниковъ было дружеское сближеніе между гостившими у насъ русскими съ финскими учеными и литераторами. Здѣсь первое мѣсто посредника и соединителя принадлежитъ безспорно Я. Гроту. Совсѣмъ еще молодой человѣкъ, недостигшій и тридцати лѣтъ, тонко образованный и въ полномъ смыслѣ джентельменъ во всемъ своемъ существѣ, онъ рано познакомился съ шведскимъ языкомъ и литературой и былъ извѣстенъ какъ переводчикъ на русскій языкъ саги Фритіофа. Уже въ 1838 году посѣтилъ онъ впервые Финляндію и между прочимъ въ Борго завязалъ знакомство съ Рунебергомъ, котораго онъ изобразилъ съ восторженной теплотой въ одномъ русскомъ журналѣ. Въ то же время познакомившись съ Цигнеусомъ, Ленротомъ, Нервандеромъ—онъ всѣмъ имъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе и сердечную пріязнь. Личными связями своими и языкознаніемъ онъ такимъ образомъ приготовилъ себѣ положеніе, какое тогда не возможно было и предполагать: къ занятію каѳедры при нашемъ университетѣ. И такъ какъ онъ вполовину былъ у насъ какъ дома, то и былъ особенно способенъ сблизить нашихъ финскихъ литераторовъ съ своими соотечественниками. Съ обѣихъ сторонъ наилучшія и самыя теплыя отношенія оживляли всѣхъ на этихъ празднествахъ, сгладившихъ всѣ неровности и братски соединившихъ финновъ съ русскими. Высшаго пункта достигли эти сердечныя отношенія, когда въ воскресенье 19 іюня, въ свободный отъ промоціонныхъ торжествъ день, часть русскихъ литераторовъ, между которыми были Плетневъ, кн. Одоевскій, гр. Сологубъ, Я. Гротъ и другіе, пригласили на обѣдъ Францена, Рунеберга, Ленрота и многихъ другихъ финскихъ ученыхъ. На этомъ обѣдѣ произнесено было Я. Гротомъ теплое стихотвореніе и состоялось соглашеніе, чтобы въ

ялся обѣдъ небольшого общества русскихъ и финляндскихъ литераторовъ; первые были: Плетневъ, князь Одоевскій, гр. Сологубъ и я; вторые: Ленротъ, извѣстный собиратель пѣсенъ и филологъ, поэтъ Рунебергъ, Кастренъ, лекторъ гимназіи Эманъ и пріѣхавшій изъ Швеціи также знаменитый поэтъ, епископъ Францѐнъ (родомъ финляндецъ). Всѣ эти лица на дружеской сходкѣ согласились написать по статьѣ для напечатанія въ одной книгѣ въ память юбилея. Изданіе было поручено мнѣ. Собрать всѣ статьи было дѣло нелегкое; наконецъ однакожъ мнѣ удалось получить обѣщанные вклады, и книга была издана мною сперва по-русски, а потомъ и по-шведски (причемъ всѣ сочиненія явились съ переводами) и посвящена Августѣйшему Канцлеру университета [1]). Моя статья, озаглавленная: *Воспоминанія Александровскаго университета*, самая обширная въ Альманахѣ, была составлена по подлиннымъ документамъ университетскаго архива, а отчасти и по печатнымъ шведскимъ источникамъ [2]).

По поводу этого юбилея Плетневъ подалъ проэктъ учрежденія при университетѣ каѳедры ординарнаго профессора русскаго языка, словесности и исторіи. Я былъ назначенъ профессоромъ этой каѳедры 3 апрѣля 1841 года, лекціи же началъ 8 сентября того же года. Временемъ до начатія лекцій воспользовался я

память юбилея изданъ былъ международный альманахъ съ участіемъ русскихъ и финскихъ писателей. Редакція сборника, который долженъ былъ выйти на двухъ языкахъ — русскомъ и шведскомъ, поручена была Гроту. И дѣйствительно, альманахъ вышелъ на обоихъ языкахъ, ранѣе весны 1842 года съ посвященіемъ Его Высочеству Канцлеру университета Государю Наслѣднику. Въ самомъ дѣлѣ казалось наступило время настоящаго братскаго единенія въ будущемъ и сближенія между русскими и нашими литературными силами или скорѣе пріобщеніе нашей литературы къ русской. Но вотъ протекло съ тѣхъ поръ пятьдесятъ лѣтъ и альманахъ Грота остался одинокимъ явленіемъ, которому не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ подражанія!».

[1]) Альманахъ въ память 200-лѣтняго юбилея Импер. Александр. университета. Гельсингфорсъ, 1842. (Kalendar till minne af Kejserliga Alexanders-Universitetets andra secularfest. Utgifven af J. Grot, Helsingf. 1842).

[2]) Финляндцы до сихъ поръ считаютъ эту статью лучшимъ очеркомъ старой исторіи ихъ университета.

для окончательной отдѣлки и изданія *Фритіофа* (Гельсингфорсъ, 1841)[1]).

Между тѣмъ лекціи мои, которыхъ часть я долженъ былъ читать по необходимости на шведскомъ языкѣ, требовали отъ меня большихъ усилій и постояннаго упражненія въ практикѣ этого языка, притомъ я въ каждый курсъ составлялъ новыя записки и готовилъ ихъ къ изданію на шведскомъ языкѣ, что отчасти и исполнилъ. Такъ какъ въ университетѣ факультетскіе экзамены производились на латинскомъ языкѣ, то я вынужденъ былъ сильно налечь на этотъ предметъ, чтобы усовершенствоваться въ свободной латинской рѣчи. Кромѣ того прилежно изучалъ языки финскій и польскій, а позже и всѣ славянскія нарѣчія, начиная съ чешскаго. Все это вмѣстѣ не позволяло мнѣ начать никакого большого труда, и я ограничивался статьями по русской и шведской исторіи и литературѣ, изслѣдованіями по русскому языку (теорія глаголовъ), описаніемъ моихъ путешествій по Финляндіи и Швеціи и переводами изъ шведскихъ поэтовъ, особенно изъ Рунеберга. Они появлялись въ Современникѣ, въ Отечественныхъ Запискахъ, въ Москвитянинѣ, въ журналѣ Министерства Просвѣщенія, въ Сѣверномъ Обозрѣніи и въ С.-Петерб. Вѣдомостяхъ. Кромѣ того я печаталъ статьи и стихотворенія по дѣтской литературѣ въ «Звѣздочкѣ» (*Ишимовой*), а въ 1847 году я издалъ въ Петербургѣ отдѣльной книгой мои «Переѣзды по Финляндіи», описаніе путешествія моего отъ Ладожскаго озера до Торнео вмѣстѣ съ знаменитымъ Ленротомъ.

Не могу также не упомянуть о важномъ трудѣ, которому я посвятилъ немало времени: при Финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ составлялся шведско-русскій словарь. Я изъявилъ согласіе читать одну корректуру. Въ 1844 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о напечатаніи его *подъ моимъ надзоромъ*, и я,

---

[1]) *Фритіофъ, скандинавскій богатырь.* Поэма Тегнера въ русскомъ переводѣ, Гфорсъ 1841 (отзывъ о немъ *Бѣлинскаго* см. Отеч. Зап. 1841 и «Сочиненія» ч. V (М. 1860, стр. 327 и сл.). Второе исправл. изданіе «Фритіофъ, скандин. витязь.» Ворон., 1874 (оттискъ изъ Сборника скандинав. поэзіи).

какъ сказано въ предисловіи, «при чтеніи корректурныхъ листовъ взялъ на себя участіе въ окончательной обработкѣ самаго содержанія». Онъ вышелъ подъ заглавіемъ: Шведско-русскій словарь по Высочайшему повелѣнію составленный при Финляндскомъ Статсъ-Секретаріатѣ. Часть 1-я *A* — L. Гфорсъ 1846. Часть 2-я *M*—*Ö*. Гфорсъ 1847. (Ö есть послѣдняя буква шведскаго алфавита).

Осенью 1847 года посѣтилъ я въ первый разъ Швецію и объ этомъ путешествіи напечаталъ нѣсколько статей въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ слѣдующаго года. Одна изъ нихъ попала въ Сѣверное Обозрѣніе, а другая «Стокгольмъ» помѣщена въ Москвитянинѣ. Въ слѣдующемъ году сильно мечталъ я о путешествіи въ европейскія страны, чтобъ еще расширить область знаній и кругозоръ свой. Но событія 1848 года вызвали особенную строгость правительства въ отпускахъ и, не смотря на ходатайство Канцлера, императоръ Николай Павловичъ не соизволилъ дать разрѣшеніе и посовѣтовалъ отложить поѣздку до болѣе благопріятнаго времени, а оно наступило для меня не ранѣе 1860 г.

По части исторіи русской литературы помѣщалъ я статьи въ Современникѣ (*Державинъ*), въ Спб. Вѣдомостяхъ (*«Фонъ Визинъ»* князя Вяземскаго). По части исторіи въ Журналѣ Министерства Просвѣщенія (*Дѣйствительно ли Мартинъ Беръ авторъ хроники?* Также нѣсколько библіографическихъ статей).

Въ пособіе къ преподаваемымъ мною предметамъ напечаталъ я на шведскомъ языкѣ первоначальный учебникъ русскаго языка для начинающихъ Финляндцевъ (Theoretisk och praktisk Lärobok i ryska språket) въ 1848 и второе изданіе его въ 1849, а также *Русскую Исторію* (Ryska Rikets historia) до Петра Великаго.

Въ томъ же 1848 году собралъ я напечатанныя въ «Звѣздочкѣ» Ишимовой [1]) статьи мои въ прозѣ и стихахъ подъ загла-

---

[1]) Съ Ал. Ос. Ишимовой, талантливой и плодовитой писательницей для дѣтей († 1881 г.) Я. К. познакомился и сблизился черезъ П. А. Плетнева въ

віемъ Rysk Läsebok innehållande smärre arbeten på prosa och vers af J. Grot Helsingf., 1848. Къ этой книжкѣ издалъ я въ томъ же году составленный мною небольшой Русско-шведскій Словарчикъ: Lexikon till Rysk Läsebok, Helsingf. 1848. Эта же книжка напечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и для русскихъ читателей подъ заглавіемъ: *Литературные Опыты Я. Грота*, книжка I-я. Чтеніе для юношества. Гельсингф. 1848.

По отношенію къ филологіи чрезвычайно благопріятнымъ для меня обстоятельствомъ было сближеніе мое съ Каэтаномъ Андреевичемъ Коссовичемъ, впослѣдствіи профессоромъ С.-Петербургскаго университета. Давно чувствовалъ я неудобство незнанія греческаго языка и кажется это незнаніе удерживало меня отъ болѣе постоянныхъ занятій филологіей; время же не позволяло мнѣ приняться за этотъ языкъ хорошенько.

Лѣтомъ 1849 г. въ началѣ іюня совершилъ я сначала поѣздку на Валаамъ съ А. В. Головнинымъ [1]), который просилъ у брата рекомендательнаго письма ко мнѣ, а около половины іюня поѣхалъ вторично въ Москву съ намѣреніемъ оттуда продолжать путешествіе на югъ Россіи. Но познакомившись съ Коссовичемъ, а черезъ него съ началами санскритскаго и греческаго языковъ, я уже отложилъ намѣреніе ѣхать далѣе и остался въ Москвѣ. Я рѣшился прогуляться только по Московской губерніи и предложилъ Коссовичу мѣсто въ своемъ экипажѣ. Съ обыкновеннымъ своимъ радушіемъ онъ принялъ мое предложеніе и мы вмѣстѣ посѣтили Можайскъ, Бородино, Саввинъ монастырь, Звенигородъ, Рузу, Новый Іерусалимъ и нѣкоторыя другія мѣста. На переѣздахъ, между привалами Коссовичъ со свойственнымъ ему увлеченіемъ и по самой удобнѣйшей методѣ объяснилъ мнѣ греческую грамматику, заставляя меня постепенно повторять выслушанное. Такимъ образомъ получилъ я понятіе о всей

эпоху своего переселенія въ Финляндію (1840) и пребыванія тамъ, переписывался съ ней, а съ 1842 г. въ основанномъ ею журналѣ «Звѣздочка» сталъ ея дѣятельнымъ сотрудникомъ.

[1]) Впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія.

этимологіи греческаго языка. По возвращеніи изъ поѣздки, я подъ его же одушевленнымъ руководствомъ началъ разбирать Иліаду, а самъ про себя читалъ Кюнерову грамматику, чтеніе, которое потомъ продолжалъ во всю дорогу изъ Москвы до Гельсингфорса, пока не кончилъ этой грамматики. Незадолго передъ тѣмъ вышла Одиссея въ переводѣ Жуковскаго. Можно представить себѣ, съ какимъ наслажденіемъ сравнивалъ я нѣкоторыя пѣсни съ подлинникомъ.

Такимъ-то образомъ, благодаря обстоятельствамъ столько же, сколько и себѣ самому, положено было твердое основаніе моимъ филологическимъ занятіямъ и сравнительному изслѣдованію русскаго языка. Къ предпочтенію этого рода занятій побуждаетъ меня ясное сознаніе, что къ языкамъ у меня наиболѣе способностей. При изслѣдованіяхъ въ этой вѣтви знанія я всегда по чутью слѣдовалъ тѣмъ началамъ, которыя многіе почерпаютъ только изъ книгъ. Кругъ моихъ изслѣдованій обнимаетъ теперь болѣе или менѣе всѣ извѣстные индо-европейскіе языки. Извѣстны мнѣ изъ нихъ: съ дѣтства русскій, нѣмецкій, французскій въ равной степени. Изъ лицея сверхъ того—латинскій и итальянскій, послѣдній почти въ равной степени, какъ и первые. Латинскій же сперва только для чтенія, въ должности же профессора я уже могъ свободно экзаменовать на немъ. Послѣ лицея почти наравнѣ съ другими живыми языками усвоилъ я себѣ англійскій; потомъ еще въ бо́льшей степени ближе всего къ русскому, французскому и нѣмецкому — шведскій; другіе скандинавскіе языки—книжнымъ образомъ. Такимъ же образомъ изучилъ я польскій языкъ (въ немъ первыя знанія пріобрѣлъ я отъ С. И. Барановскаго), греческій и первыя начала санскритскаго. Финскій языкъ знаю я отчасти и практически, но рѣдко имѣлъ случай говорить на немъ. Въ Гельсингфорсѣ же изучилъ я грамматически церковно-славянскій языкъ и нѣкоторыя славянскія нарѣчія, особливо имѣлъ позже хорошій случай изучить чешскій языкъ и войти въ сношенія съ Прагой и тамошними учеными.

Я не говорю подробнѣе о результатахъ моей профессорской дѣятельности въ Гельсингфорсѣ и моихъ объѣздовъ финляндскихъ училищъ, испытавъ на самомъ себѣ, что распространеніе и утвержденіе русскаго языка въ иноплеменномъ краю не можетъ быть дѣломъ одного человѣка. Конечно, присутствіе въ Финляндіи русскаго ученаго, которому открытъ былъ міръ скандинавской науки и къ которому въ каждомъ сомнительномъ случаѣ касательно Россіи здѣшніе ученые могли обращаться за объясненіями, было не безъ значенія. Но прочные успѣхи русскаго языка могутъ быть достигнуты только послѣдовательными и терпѣливо направляемыми къ тому мѣрами самого правительства и его учрежденій, поддерживаемыхъ собственнымъ сознаніемъ страны въ ихъ необходимости.

Самымъ важнымъ результатомъ моего опредѣленія въ Гельсингфорскій университетъ я считаю то, что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все населеніе Гельсингфорса, пріобрѣло русскую библіотеку, основанную моими стараніями и изъ которой всякій можетъ безплатно получать книги. Удобствомъ этимъ пользуются особенно военные и свеаборгскіе моряки, но есть и другіе читатели. Прочіе результаты остаются до сихъ поръ въ области возможности.

Со всѣми сослуживцами моими я былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Въ консисторіи мнѣніе мое всегда принималось съ уваженіемъ, хотя я имѣлъ правиломъ высказываться прямо и независимо. Большинство профессоровъ нашихъ были люди съ высокимъ достоинствомъ, и между ними у меня было много друзей: кромѣ Тенгстрёма, — Лаурель, Рейнъ, Гейтлинъ, Нервандеръ, Ильмони, Лилле[1]). Въ 1847 году была рѣчь объ избраніи меня въ почетные докторы, и всѣ единогласно одобрили это. Даже въ мою пользу говорилъ наиболѣе чуждый мнѣ старый профессоръ

---

[1]) Ив. Як. Тенгстрёмъ—профессоръ философіи; Аксель Лаурель—богословія; Гавр. Рейнъ — исторіи; Гавр. Гейтлинъ — восточныхъ языковъ; Иванъ Як. Нервандеръ—физики; Эмм. Ильмони—теорет. и практ. медицины; Б. Лилле—церковной исторіи.

(*краснорѣчія*) Линсе́нъ. Но кромѣ меня предложено было нѣсколько другихъ извѣстныхъ именъ и по поводу одного изъ нихъ возникли горячіе споры и пререканія. Такимъ образомъ, чтобы не огласить слишкомъ рѣзкія мнѣнія, рѣшились оставить все это дѣло. Да я и не желалъ воспользоваться честью, въ которой будетъ отказано людямъ высоко цѣнимымъ соотечественниками.

Съ самого моего переселенія въ Финляндію я былъ очень радушно принимаемъ въ высшемъ кругу тамошняго общества, имѣлъ много дружескихъ связей въ ученомъ мірѣ и можетъ быть навсегда остался бы въ этомъ краю, еслибъ обстоятельства не сложились самымъ благопріятнымъ образомъ, чтобъ возвратить меня въ отечество. Хотя я постоянно по два раза въ годъ ѣздилъ въ Петербургъ на нѣсколько недѣль, однакожъ признаюсь, что въ чуждой для меня средѣ финской жизни я чувствовалъ себя одинокимъ и, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Гельсингфорсѣ, меня сильно влекло на родину. Это влеченіе еще усилилось, когда въ одно изъ моихъ пребываній въ Петербургѣ, въ началѣ 1850 года, я женился на русской (*Натальѣ Петровнѣ Семеновой*) [1]) и вмѣстѣ съ нею вернулся въ Гельсингфорсъ. Лѣтомъ того же года ѣздили мы съ женою въ деревню, въ Рязанскую губернію къ роднымъ ея, у которыхъ она, будучи сиротою, провела нѣсколько лѣтъ по выпускѣ изъ института. Въ первый разъ удалось мнѣ прожить болѣе двухъ мѣсяцевъ въ настоящей русской деревнѣ и узнать ближе коренной русскій сельскій людъ. Весною 1852 года родился у насъ сынъ Николай и съ тѣхъ поръ желаніе наше возвратиться въ Россію сдѣлалось конечно еще сильнѣе. Но такъ какъ старушка маменька для меня переселилась въ Финляндію, то мы съ женою положили не помышлять ни о какой перемѣнѣ, пока она жива. Такъ прожили мы въ Гельсингфорсѣ мирно и счастливо около трехъ лѣтъ. Маменька

---

[1]) Дочери *Петра Николаевича Семенова*, служившаго въ Измайловскомъ полку, автора пьесы «Жидовская корчма», пародіи «Митюха Валдайскій», и проч. (умеръ въ 1832 г.). Братья ея—Николай и Петръ Петровичи Семеновы, нынѣ сенаторы.

сама крестила малютку и послѣдніе мѣсяцы жизни наслаждалась посланною ей Богомъ радостью увидѣть наконецъ желаннаго внука.

Осенью 1852 года (24 августа) старушка скончалась отъ свирѣпствовавшей въ тотъ годъ въ городѣ эпидеміи, а въ концѣ октября получилъ я отъ Броневскаго, директора лицея, предложеніе занять въ лицеѣ каѳедру русской словесности, чего давно желалъ принцъ Ольденбургскій. Я однако не рѣшался слишкомъ опрометчиво на такой промѣнъ каѳедры университетской на лицейскую, не будучи увѣренъ, зачтутся ли мнѣ годы моей финляндской службы на полученіе пенсіи и переписывался объ этомъ съ Плетневымъ, который тѣмъ горячѣе желалъ моего перехода въ Петербургъ, что въ октябрѣ лишился единственной, любимой дочери, бывшей замужемъ за В. Б. Лакіеромъ. Когда я еще колебался принять вызовъ лицея, вдругъ получаю письмо отъ Плетнева, которое начиналось такъ: «Только два слова: уже два года у меня лежало на сердцѣ доставить въ лицѣ твоемъ Государю Наслѣднику достойнѣйшаго наставника для его дѣтей, какимъ былъ Жуковскій для него самого». Далѣе говорилось, что генералъ Зиновьевъ пріѣзжалъ къ нему совѣтываться о выборѣ учителя русскаго языка, на что Плетневъ выразилъ мысль, какъ важно сосредоточить ученье въ вѣдѣніи одного лица и повторилъ эту мысль Великому Князю Наслѣднику, призвавшему его къ себѣ. Августѣйшему Канцлеру нашему эта мысль понравилась, и онъ велѣлъ Плетневу окончить дѣло съ Зиновьевымъ. Но послѣдній умолялъ Плетнева упросить меня на первый разъ не требовать званія инспектора, пока онъ лично не познакомится со мною и не приметъ въ сердце убѣжденія, что можетъ безпрепятственно передъ Россіей назвать меня инспекторомъ ученія будущаго наслѣдника престола. Плетневъ, вѣря въ благородство его, и что онъ оцѣнитъ меня и труды мои, подался на его убѣжденія и заключалъ письмо свое словами: «Пріѣзжай же скорѣе. Теперь два побужденія».

И такъ, взглянувъ на такое стеченіе обстоятельствъ, какъ

на промыслъ свыше направляющій судьбу мою, я тотчасъ отправился въ Петербургъ. Тутъ я узналъ отъ Зиновьева, что такъ какъ Великая Княгиня находитъ, что въ возрастѣ Августѣйшихъ дѣтей ея всего полезнѣе, чтобы бо́льшая часть преподаванія была сосредоточена въ рукахъ одного лица, то онъ можетъ предложить мнѣ пока должность преподавателя нѣсколькихъ предметовъ, именно: русскаго языка, исторіи всеобщей и русской, географіи и нѣмецкаго языка съ тѣмъ, что всѣми этими предметами я долженъ заниматься отдѣльно съ каждымъ изъ двухъ старшихъ великихъ князей: Николаемъ и Александромъ Александровичемъ. При этомъ онъ прибавилъ, что я, какъ человѣкъ носящій нѣмецкую фамилію и мало извѣстный, не могу по предположенію Плетнева занять мѣсто инспектора классовъ, а долженъ довольствоваться званіемъ учителя.

Неопытный въ дѣлахъ дворскихъ и привыкши думать болѣе о наилучшемъ исполненіи взятаго на себя дѣла, чѣмъ о своей личной выгодѣ, я не сдѣлалъ заранѣе никакихъ условій и принялъ предлагаемое скромное положеніе, по которому мнѣ назначено было за всѣ предметы преподаванія вмѣстѣ — даже менѣе, чѣмъ я имѣлъ въ Финляндіи, такъ что при дороговизнѣ петербургской жизни сравнительно съ гельсингфорской, невозможно было жить на эти средства [1]). Вотъ что вынудило меня принять вмѣстѣ и лицейскую каѳедру, хотя это совершенно разрывало мое время и не позволяло употребить свои силы исключительно на высокое служеніе дѣтямъ будущаго Государя.

Наслѣдникъ, Канцлеръ нашъ, которому я представился и которому, конечно, выставленъ былъ главнымъ поводомъ моего вызова лицей, обошелся со мной очень милостиво, распрашивалъ объ университетѣ, выразилъ сожалѣніе, что я его покидаю, и надежду, что я буду такъ же полезенъ заведенію, въ которомъ воспитывался. Разговоръ заключилъ онъ словами: «Поручаю

---

[1]) Довольно сказать для сравненія, что мы, имѣя въ Финляндіи 2500 р., нанимали особый домъ въ 10 комнатъ съ большимъ дворомъ и садомъ, держали экипажъ и пару лошадей и послѣднее кое-какъ сбыли за безцѣнокъ.

вамъ моихъ ребятишекъ и увѣренъ, что вы съ совершеннымъ успѣхомъ будете заниматься ими». При этомъ онъ выразилъ желаніе, чтобы я переѣхалъ какъ можно скорѣе, и началъ свои уроки, если можно, уже въ концѣ января.

Раззоривъ свое гнѣздо въ Гельсингфорсѣ и наскоро продавъ имущество, мы пустились въ Петербургъ въ сильнѣйшіе морозы съ 9-тимѣсячнымъ малюткой сыномъ и благополучно прибыли на мѣсто, а съ 1-го февраля я уже приступилъ къ новымъ занятіямъ. Въ Петербургѣ началась для меня новая жизнь, не легкая по множеству лежавшихъ на мнѣ обязанностей.

Поступивъ одновременно профессоромъ въ лицей и наставникомъ къ великимъ князьямъ, я четыре дня въ недѣлю долженъ былъ заниматься во дворцѣ съ 7-ми часовъ утра и до 2-хъ съ небольшими промежутками для отдыха, а остальные два утра читать лекціи въ двухъ старшихъ курсахъ лицея. Служба эта была особенно трудна отъ мая до ноября, а иногда даже и до декабря, такъ какъ я долженъ былъ либо ѣздить въ Царское Село, Петергофъ и даже Гатчину уже наканунѣ, чтобъ быть во дворцѣ въ 7 часовъ утра, либо, переѣзжая съ семействомъ, заранѣе нанимать себѣ квартиру въ мѣстахъ загороднаго пребыванія, откуда два раза въ недѣлю переноситься въ лицей. Стоявшіе тогда во главѣ воспитанія генералы: Н. В. Зиновьевъ и Г. Ѳ. Гогель не считали нужнымъ освободить меня отъ матерьяльныхъ заботъ, очень сложныхъ и обременительныхъ при необходимости частой перемѣны мѣста, и объявили мнѣ, что я, какъ *учитель*, не имѣю права на квартиру за городомъ. А между тѣмъ, лѣтніе мѣсяцы (каникулъ у великихъ князей не полагалось) воспитатели особенно пользовались моимъ присутствіемъ, чтобы замѣнять другихъ уѣхавшихъ на лѣто преподавателей и мнѣ приходилось брать на себя ихъ уроки, напримѣръ по французскому и англійскому языку и вообще повторенія по всѣмъ предметамъ. При поѣздкахъ же въ Гапсаль и на коронацію въ Москву къ занятіямъ со мною присоединялся и Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Особенно трудно было мнѣ въ пер-

вый годъ новой дѣятельности. За неимѣніемъ въ то время хорошихъ учебниковъ, я самъ писалъ для каждаго великаго князя, сообразно съ степенью его развитія и знаній,—*записки* по всѣмъ предметамъ и въ то же время составлялъ подробный курсъ русской литературы для двухъ старшихъ классовъ лицея. Этимъ всегда спѣшнымъ и напряженнымъ трудомъ объясняется болѣзнь правой руки моей (Schreibkrampf), начавшаяся еще въ 1853 году, постепенно усиливаясь, и уже лѣтомъ 1854 г. заставившая меня прибѣгнуть къ упражненію лѣвой руки [1]). Только съ 1865 года я вполнѣ освободился отъ этой болѣзни [2]).

Такъ продолжалось три года, когда въ концѣ 1856 года призванъ былъ для завѣдыванія ученьемъ великихъ князей бывшій константинопольскій, а теперь штудгардскій посланникъ В. П. Титовъ, который сдѣлалъ меня своимъ помощникомъ и облегчилъ мои занятія по преподованію. Получивъ должность наблюдателя классовъ при всѣхъ четырехъ старшихъ великихъ князьяхъ, я присутствовалъ на урокахъ другихъ преподавателей, на приготовленіяхъ великихъ князей, наблюдалъ за порядкомъ распредѣленія часовъ, съ обязанностью замѣнять отсутствующихъ учителей. Но такъ какъ теперь частое присутствіе мое во дворцѣ становилось еще необходимѣе, то я передалъ въ лицеѣ половину лекцій (въ младшемъ курсѣ) вмѣстѣ съ половиной жалованья Перевлесскому: такимъ образомъ матерьяльное положеніе мое улучшилось только тѣмъ, что мнѣ стали давать квартиру за городомъ (въ Петергофѣ въ натурѣ, а въ Царскомъ Селѣ деньгами). Изъ предметовъ преподаванія я сохранилъ

---

[1]) Яковъ Карловичъ имѣлъ терпѣніе начать учиться писать лѣвой рукой по всѣмъ правиламъ каллиграфіи съ черточекъ, кружковъ, крупныхъ буквъ между двумя линейками и достигъ того, что лѣвой рукой владѣлъ вполнѣ свободно, писалъ чётко, хотя и не такъ скоро и красиво, какъ правой. Не только «записки» великихъ князей, но и половина трудовъ по изданію Державина написаны имъ лѣвой рукой.

[2]) Живя въ деревнѣ въ Рязанской губ., гдѣ Якову Карловичу съ женою удалось купить маленькое имѣніе, и гдѣ онъ въ саду часто работалъ топоромъ и пилою.

только исторію, а русскій языкъ переданъ былъ Классовскому, но за болѣзнію его отъ конца 1858 г. до сентября 1859 г. возвратился ко мнѣ. При Титовѣ сдѣлано было множество перемѣнъ въ ходѣ ученія, приглашено множество новыхъ лицъ для преподаванія, еще болѣе дѣлалось самыхъ разнородныхъ проэктовъ, и наконецъ имъ же вызванъ былъ изъ-за границы для какихъ-то воспитательныхъ совѣщаній нѣкто г. Гриммъ, вовсе не знавшій русскаго языка, но слывшій почему-то отличнымъ педагогомъ. Онъ былъ въ числѣ наставниковъ Великаго Князя Костантина Николаевича и проживалъ на пенсіи въ Дрезденѣ. Пребываніе Титова при дворѣ было кратковременно (отъ осени 1856 г. до весны 1858 г.) и вскорѣ послѣ появленія г. Гримма— этотъ новый педагогъ занялъ его мѣсто на всѣхъ правахъ, которыя его предшественникъ, какъ бывшій посланникъ, себѣ выговорилъ. Я сохранялъ свое прежнее положеніе до совершеннолѣтія Наслѣдника, когда участіе мое въ воспитаніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ кончилось (8-го сентября 1859 года). По просьбѣ графа Строганова составлена было мною краткая записка о ходѣ ученія Его Высочества Наслѣдника Цесаревича, о его познаніяхъ, свойствахъ ума и способностяхъ.

Государь былъ такъ милостивъ, что оставилъ мнѣ въ пенсію все жалованье, которое я получалъ послѣднее время какъ наблюдатель классовъ (т. е. 3000 р.). Въ 1862 году рѣшился я оставить службу и въ лицеѣ, чтобъ имѣть возможность посвящать все свое время ученымъ занятіямъ при Академіи Наукъ, куда я былъ избранъ въ члены въ 1855 году по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности [1]).

По смерти И. И. Давыдова, когда предсѣдательствующимъ Отдѣленія въ 1859 году назначенъ былъ покойный П. А. Плетневъ, мнѣ поручено было по вызову моему и по составленному

---

[1]) Уже въ 1852 г. (находясь еще въ Гельсингфорсѣ) Я. К. былъ избранъ въ *члены-корреспонденты* Академіи Наукъ по II Отдѣленію, а еще въ началѣ того года приглашенъ къ участію въ изданіи «Извѣстій» II-го Отдѣленія.

мною плану заняться полнымъ критическимъ изданіемъ сочиненій Державина въ повременномъ порядкѣ. При содѣйствіи родственниковъ поэта и множества другихъ лицъ, сочувственно откликнувшихся на предпріятіе Академіи, мнѣ удалось вскорѣ собрать всѣ сохранившіяся послѣ знаменитаго писателя бумаги, составившія вмѣстѣ съ другими документами, до него относившимися, огромную коллекцію рукописей. Приготовительная разработка ихъ въ связи съ исторіею событій, въ которыхъ онъ участвовалъ (напр. Пугачевщины), и съ литературой, относящейся къ его дѣятельности, потребовала нѣсколько лѣтъ. Много времени было употреблено мною, между прочимъ, на изученіе подлинныхъ документовъ въ государственномъ архивѣ. Задача еще усложнялась тѣмъ, что къ изданію опредѣлено было приложить рисунки, найденные при рукописныхъ тетрадяхъ поэта. Кромѣ того, для подготовленія полной біографіи Державина, я посѣтилъ постепенно всѣ мѣста, гдѣ въ разныя эпохи протекала жизнь его, именно приволжскія губерніи, отъ Казани до Саратова, Тамбовъ, Петрозаводскъ и Званку. Изъ архивовъ петрозаводскаго и тамбовскаго извлечено мною много матерьяловъ для біографіи поэта.

Съ наступленіемъ 1864 года начали появляться томы приготовленнаго такимъ образомъ роскошнаго изданія сочиненій Державина съ моими примѣчаніями. Съ того времени почти ежегодно выходило по одному тому, а въ 1872 году VII томомъ, содержащимъ труды Державина въ прозѣ, закончилось изданіе самыхъ сочиненій его. Затѣмъ въ 1880 году готовъ былъ VIII томъ, въ который вошла біографія поэта, и вскорѣ затѣмъ IX съ примѣчаніями и указателемъ. Согласно съ первоначальнымъ планомъ, появилось и другое общедоступное изданіе безъ рисунковъ.

Работая надъ изданіемъ Державина, я не оставлялъ однакоже своихъ изслѣдованій по языку, которыя и изданы были въ 1873 году отдѣльнымъ томомъ подъ заглавіемъ: *Филологическія Разысканія*. Вскорѣ понадобилось второе изданіе этой книги.

По этому поводу одна изъ статей ея, касавшаяся исторіи русскаго правописанія, была совершенно переработана мною по новымъ изслѣдованіямъ о звукахъ языка на физіологическомъ основаніи. Мнѣ казалось необходимымъ приложить къ русскому языку плодотворное направленіе филологіи, въ послѣдніе годы получившее столь значительное развитіе въ западной Европѣ. Передѣланная съ этой точки зрѣнія статья моя разрослась въ цѣлую книгу, такъ что второе изданіе моихъ Филологическихъ Разысканій и вышло въ 1876 году уже въ двухъ томахъ.

Въ 1865 году празднованіе столѣтней годовщины смерти Ломоносова было началомъ цѣлаго ряда юбилеевъ знаменитыхъ русскихъ дѣятелей прошлаго времени. Академія Наукъ принимала участіе въ этихъ литературныхъ празднествахъ. Въ 1866 году она устроила торжественное собраніе въ честь Карамзина, въ 1867 году Отдѣленіе русскаго языка и словесности почтило нѣсколькими рѣчами память митрополита Евгенія. Въ 1868 г. Академія праздновала столѣтній юбилей Крылова, въ 1872 двухсотлѣтнюю годовщину дня рожденія Петра Великаго[1]). На всѣхъ этихъ торжествахъ я принималъ участіе въ произнесеніи посвященныхъ этимъ дѣятелямъ рѣчей. Кромѣ того, къ юбилею Карамзина было приготовлено мною вмѣстѣ съ Пекарскимъ изданіе подлинныхъ писемъ нашего историка къ Дмитріеву, а по поводу юбилея митрополита Евгенія издалъ я собраніе его писемъ къ Державину и другимъ лицамъ.

Послѣ того, печатая по переданнымъ мнѣ рукописямъ сочиненія и неизвѣстныя до тѣхъ поръ письма Хемницера, я прочелъ въ одномъ изъ годичныхъ собраній Академіи составленное мною жизнеописаніе его, а въ другомъ — характеристику Державина, какъ поэта. Въ подобныхъ же академическихъ засѣданіяхъ, въ предшедшіе годы читалъ я, въ составѣ написанныхъ мною отчетовъ о дѣятельности Отдѣленія, некрологи Востокова, графа

---

[1]) Позже отпразднованы съ участіемъ Якова Карловича юбилеи Жуковскаго, Батюшкова, а въ Москвѣ открытіе памятника Пушкина.

разныхъ періодическихъ изданіяхъ; въ 1860 г. въ первый разъ посѣтилъ я многія страны Европы отъ Копенгагена до Швейцаріи, до Лондона и Парижа, въ Германіи слушалъ университетскія лекціи и велъ дневникъ, часть котораго была напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ; въ 1876 году побывалъ наконецъ въ Италіи, для посѣщенія которой приготовился еще въ лицеѣ изученіемъ языка ея; въ 1877 году ѣздилъ опять въ Швецію, на этотъ разъ депутатомъ отъ Академіи Наукъ по случаю 400-тълѣтняго юбилея Упсальскаго университета, и отдалъ въ этой поѣздкѣ отчетъ въ Запискахъ Академіи [1]).

По смерти Плетнева въ 1865 году занялъ я мѣсто предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности.

Въ Академію поступилъ я въ 1855 году, въ послѣднее время секретарства академика Миддендорфа, который послѣ моего избранія въ адъюнкты привѣтствовалъ меня нѣсколькими весьма лестными строками, относившимися столько же къ трудамъ моимъ, сколько и къ нравственному характеру. Весьма естественно, что Миддендорфъ, какъ остзейскій уроженецъ, поддерживалъ антирусскій духъ Академіи и тщательно охранялъ германскую науку и

---

[1]) Кромѣ этихъ поѣздокъ, Академія Наукъ еще два раза командировала Якова Карловича на археологическіе съѣзды: въ Кіевъ въ 1874 году и въ Тифлисъ въ 1881, и это дало ему благопріятный случай ознакомиться съ Кіевомъ, Кавказомъ и южнымъ берегомъ Крыма.

Въ автобіографіи не упомянута еще одна общественная заслуга Якова Карловича. Ему обязано наше общество иниціативой къ возобновленію подписки на памятникъ Пушкина и сооруженію его въ Москвѣ. На товарищескомъ обѣдѣ воспитанниковъ первыхъ курсовъ лицея 19 отября 1870 года, ожививъ память поэта, генію котораго онъ всегда горячо поклонялся, онъ предложилъ возобновить заглохшую подписку на памятникъ. Единодушно откликнулись товарищи на это предложеніе и съ Высочайшаго одобренія образованъ былъ, по мысли К. К. Грота, Комитетъ подъ главнымъ вѣдѣніемъ Е. В. Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, подъ предсѣдательствомъ бар. М. А. Корфа и при участіи Матюшкина, товарищей Пушкина по лицею. Душою этого комитета былъ Яковъ Карловичъ: всѣ проэкты сношеній и протоколы писаны его рукою; раздача книжекъ и подписка пошли такъ быстро, что памятникъ уже въ 1880 году красовался въ Москвѣ на Тверской площади. Оставшаяся по сооруженіи памятника сумма употреблена была на образованіе при Академіи Наукъ премій имени Пушкина за выдающіяся литературныя произведенія.

въ ней издавна занятое ея представителями положеніе. Старинныя традиціи не измѣнились и послѣ него, и Отдѣленіе русскаго языка и словесности даже въ печати называлось *состоящимъ при Академіи Наукъ*.

При гр. Уваровѣ и гр. Литке господствующее направленіе въ Академіи Наукъ можетъ быть выражено словами: поклоненіе германскому ученому міру. Графъ Уваровъ былъ ослѣпленъ блескомъ западной цивилизаціи. Дорожа славой европейскаго ученаго и покровителя европейской, преимущественно нѣмецкой науки въ Россіи, онъ подчинился вліянію непремѣннаго секретаря Фусса и вообще нѣмецкихъ академиковъ. Русскихъ ученыхъ и труды ихъ, за весьма немногими исключеніями, онъ мало цѣнилъ, чему можетъ служить доказательствомъ то странное положеніе, какое онъ далъ въ средѣ Академіи Наукъ Отдѣленію русскаго языка и словесности,—положеніе, которое въ настоящее время, черезъ 40 лѣтъ послѣ его учрежденія, является уже полнымъ анахронизмомъ.

Графъ Блудовъ, по другимъ важнымъ обязанностямъ, не могъ посвящать много времени Академіи Наукъ. Взглядъ его на ея назначеніе лучше всего видимъ изъ рѣчи, произнесенной имъ при вступленіи въ должность президента: не отрицая необходимости науки въ чистомъ ея значеніи, онъ, однакоже, особенно дорожилъ ея популяризаціей, мечталъ о томъ, чтобы наука, въ сочетаніи съ изящной литературой, становилась достояніемъ общества; однимъ изъ главныхъ призваній Отдѣленія русскаго языка и словесности, по мнѣнію графа Блудова, было изданіе сборниковъ или выбранныхъ мѣстъ изъ русскихъ писателей. Къ счастью, гр. Блудовъ не былъ упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ и не настаивалъ на осуществленіи этихъ мыслей.

Гр. Литке былъ такъ же, какъ и гр. Уваровъ, горячимъ почитателемъ германской науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ совершенно чуждъ суетности и славолюбія. И въ его глазахъ также—настоящую Академію составляли только физико-математическое и историко-филологическое отдѣленія, и онъ постоянно

участвовалъ въ ихъ еженедѣльныхъ засѣданіяхъ, никогда не присутствуя въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности. Такое отношеніе его къ послѣднему было тѣмъ страннѣе, что гр. Литке нѣкогда былъ горячимъ любителемъ русской литературы и прилежно изучалъ ея писателей; напримѣръ, когда появилась Одиссея въ переводѣ Жуковскаго, онъ внимательно читалъ ее и отмѣчалъ стихи, въ которыхъ вмѣсто шести стопъ было ихъ семь. По какому то непонятному предубѣжденію, которое, конечно было ему внушено, онъ считалъ занятія русской и славянской филологіей менѣе почтенными, чѣмъ занятія какою бы то ни было другою отраслью языкознанія. Но я спѣшу прибавить, что гр. Литке съ такимъ взглядомъ въ дѣйствіяхъ своихъ соединялъ рѣдкое безпристрастіе и справедливость: онъ никогда не только не затруднялъ дѣятельности Отдѣленія, но и всѣ ходатайства его всегда исполнялъ съ величайшею готовностью. Бывъ въ теченіе всѣхъ 18-ти лѣтъ его президентства и съ самой смерти Плетнева исполнявшимъ должность предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи и его докладчикомъ, я ни разу не встрѣчалъ съ его стороны отказа. Слѣдуетъ однакожъ оговорить, что когда въ 1869 году приняты были мѣры къ улучшенію штатовъ по I-му и III-му Отдѣленіямъ, то я лишь случайно узналъ о томъ. Такъ какъ дѣло было уже въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, то я счелъ своей обязанностью представить Товарищу Министра (въ то время И. Д. Делянову) записку о необходимости увеличить при этомъ случаѣ средства II-го Отдѣленія, но къ Президенту отправилъ я копію съ этой бумаги. Къ чести гр. Литке, я долженъ упомянуть, что онъ нисколько не оскорбился этимъ и способствовалъ къ исполненію моего ходатайства прибавленіемъ 5000 р. къ отпускавшимся Отдѣленію суммамъ[1]).

---

[1]) На этомъ прерываются эти позднѣйшія автобіографическія замѣтки Якова Карловича, составляющія краткое продолженіе ранѣе (въ нач. 50-хъ годовъ) написаннаго имъ очерка, и лишь нѣсколькими отрывочными фразами говорится о вступленіи въ управленіе Академіею графа Д. А. Толстого.

II.

СЛУЧАЙНЫЯ ЗАМѢТКИ И МЫСЛИ

1840—1846 гг.

(ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ПРЕДЫДУЩЕМУ ОЧЕРКУ).

С.-Петербургъ, 4 апрѣля 1840 г.

Сегодня рѣшился, наконецъ, тотъ переломъ судьбы моей, котораго я такъ давно желалъ и такъ долго не могъ дождаться. Сброшены цѣпи бездушныхъ, тягостныхъ занятій, поглощавшихъ столько драгоцѣннаго времени; они самымъ непріятнымъ образомъ безпрестанно прерывали мое духовное существованіе, останавливали мое ученіе, ссорили меня съ самимъ собою и съ людьми, убивали мою дѣятельность, мѣшали мнѣ подвигаться на поприщѣ, которое всегда казалось мнѣ моимъ назначеніемъ. Какъ часто въ минуты этихъ занятій, съ безпокойствомъ искалъ я способовъ освободиться отъ положенія столь мучительнаго, какъ часто доведенный до высшей степени раздраженія, бросалъ дѣло и долженъ былъ бѣгать изъ дому, искать успокоенія въ прогулкѣ, бездѣльѣ или обществѣ; какъ часто опять вооружался терпѣніемъ, покорялся необходимости, молился, мечталъ и надѣялся. Въ послѣднее время, въ особенности, началъ я свыкаться съ своею обязанностью; но едва мелькнула возможность приблизиться къ цѣли, какъ я весь запылалъ желаніемъ осуще-

ствить давнишнюю мечту мою, и съ жаркой молитвой простерся передъ Господомъ. Долго оставался я въ горькой неизвѣстности, долго испытывалось съ новою жестокостью терпѣніе мое. Наконецъ рѣшено: я переселяюсь въ Финляндію и получаю тамъ должность, которая, не противорѣча моимъ склонностямъ, будетъ, вѣроятно, оставлять мнѣ много свободнаго времени для моихъ задушевныхъ занятій.

Свѣтъ удивляется моему выбору, не понимаетъ, осуждаетъ меня. Что же тутъ страннаго при общемъ направленіи вѣка, когда все счастье человѣка полагаютъ въ чинахъ, въ деньгахъ, во власти, въ блескѣ? Я поступилъ не по прихоти, я повиновался голосу, который ужъ столько лѣтъ слышу въ груди моей. *Не внѣшнихъ сокровищъ домогаюсь: хочу сокровищъ знанія, внутренняго мира, ищу истины и добра;* хочу усладить вѣкъ мой созерцаніемъ прекраснаго въ твореніи, изученіемъ лучшихъ произведеній духа человѣческаго; буду стараться и самъ создать что-нибудь достойное памяти: признаюсь, слава меня привлекаетъ, но она не главное мое побужденіе; чувствую въ себѣ возможность быть счастливымъ и безъ нея, независимо отъ молвы и мнѣній людскихъ. Молюсь только, чтобъ Богъ всегда сохранилъ во мнѣ тѣ утѣшительныя чувства, то стремленіе къ нравственному совершенствованію, то презрѣніе къ пороку, которыя онъ, въ минуты моего унынія, вложилъ въ сердце мое, слишкомъ рѣдко прибѣгавшее къ Нему.

Да, теперь убѣдился я въ необходимости часто молиться, часто благодарить, часто размышлять о самомъ себѣ и испытывать свои дѣйствія, чтобы не падать безпрерывно, хотя и непримѣтно, чтобы не склоняться мало по малу къ унизительной испорченности, не погружаться глубже въ нравственный сонъ, отъ котораго вдругъ пробуждаешься съ ужасомъ на краю пропасти. О, еслибъ я и впредь во всю жизнь, какъ въ теченіе этого поста, не проводилъ ни одного дня безъ раскаянія, безъ добрыхъ намѣреній, безъ чтенія книгъ, которыя такъ сильно поддерживаютъ насъ въ добрѣ! Пусть книги, какъ Св. Писаніе, Подражаніе Христу, Dei doveri

degli uomini и др., всякій день хотя на нѣсколько мгновеній становятся моими наставниками. Пусть всѣ мои часы служатъ впредь или для труда, для заботъ о милыхъ мнѣ, или для отдыха, для освѣженія души, для доставленія ей новыхъ силъ; но пусть искушенія будутъ далеки отъ меня, пусть я буду съ самимъ собою бороться и побѣждать себя, какъ вѣрный! Пусть праздность и скука никогда не будутъ извѣстны мнѣ! Въ занятіяхъ моихъ я долженъ для этого наблюдать какъ можно болѣе разнообразія, долженъ начертать себѣ опредѣленный планъ и твердо, но безъ педантизма, слѣдовать ему. Обозначу здѣсь, хотя неокончательно, тѣ предметы, которые на первое время должны войти въ кругъ моей дѣятельности.

Кончить переводъ Frithiofs-Saga, прилежно читать русскихъ извѣстнѣйшихъ писателей, особенно *Исторію* Карамзина, съ которой начать, учиться финскому языку, скандинавскому (исландскому), греческому, латинскому, приготовлять матеріалъ для печати о Финляндіи, изучать шведскую литературу, читать Шекспира, Гёте, Шиллера и др. нѣмецкихъ писателей, знакомиться съ философіей древней и новой, изслѣдовать русскую грамматику, писать бесѣды.

С.-Петербургъ, 1840 г.

Нѣтъ! если многіе алкаютъ и остаются неутоленными, то это ихъ собственная вина, или вина тѣхъ, отъ кого зависѣло ихъ воспитаніе: въ обширной степи, по которой они проходятъ, есть множество источниковъ; но одинъ только назначенъ для нихъ, одинъ только можетъ ихъ утолить. Ихъ изсохшія, горячія уста прикасаются поперемѣнно ко всѣмъ тѣмъ источникамъ, кромѣ именно этого, и не освѣжившись, снова оставляютъ ихъ, снова ищутъ, и не находятъ. Мучительное положеніе!

И я его знаю; но путь мой еще не конченъ; но надежда для меня еще не закатилась. Пусть трудъ будетъ *моимъ посохомъ*, и можетъ быть изъ скалы невѣдомой источится вода живительная.

Еслибы можно было сосчитать книги, которыя я начиналъ и не оканчивалъ, и тѣ, которыя я на своемъ вѣку прочиталъ цѣликомъ, то безъ сомнѣнія число первыхъ чрезвычайно превзошло бы число послѣднихъ. И теперь на столѣ моемъ (а что еще въ шкапахъ?) лежитъ около 10-ти книгъ, — каждая съ закладкою. Ужели прочитать книгу такой великій трудъ? По крайней мѣрѣ при нынѣшней моей методѣ, или при совершенномъ отсутствіи методы, можетъ ли вниманіе съ успѣхомъ раздѣляться между столькими предметами? Конечно, принимаясь за одну книгу, я даю отдыхать другой; но такимъ образомъ каждое новое впечатлѣніе изглаживаетъ предыдущее, которое, будучи произведено не цѣлымъ предметомъ, не полнымъ твореніемъ, котораго всѣ части между собой тѣсно связаны, а только однимъ рѣзко вырваннымъ клочкомъ, никогда не можетъ быть прочно или приносить зрѣлые плоды.

Гельсингфорсъ, 1840 г.

Дай мнѣ, Господи, Христовой кротости и снисхожденія, чтобы никакой недостатокъ другихъ не могъ раздражать меня. Дай мнѣ видѣть безпрестанно и неизмѣнно цѣль жизни въ добрыхъ дѣлахъ, въ дѣлахъ любви, а не въ учености и славѣ. Довольно уже я жертвовалъ этимъ кумирамъ, — могу сказать, что пріобрѣлъ нѣсколько вѣрныхъ понятій и опытности. Пусть же теперь стараюсь примѣнять ихъ на дѣлѣ, не заботясь суетно о пріобрѣтеніи безплодныхъ знаній. Труды свои пусть обращаю на пользу своихъ. Ежели еще не поздно, молю Тебя, Боже, дай возможность исправить ошибки юности. Дай мнѣ часто, ежедневно, ежеминутно размышлять о томъ, что я дѣлаю и что долженъ дѣлать. Научи меня ежедневно молиться съ усердіемъ о помощи Твоей и раскаяваться въ моихъ прегрѣшеніяхъ.

Если я немедленно не исправлюсь, то наступитъ время, когда я прокляну теперешнюю свою дѣятельность. Къ чему суетливость, къ чему безпокойство? Умѣй *наслаждаться* посылаемыми благами и не заботься слишкомъ о будущемъ.

Къ чему всѣ книги, меня окружающія? Развѣ мудрости нельзя достигнуть безъ книгъ? Древніе читали не много, но это не мѣшало имъ быть мудрыми и развивать свои дарованія. Даже для славы многое чтеніе и безпрерывные труды не составляютъ необходимаго условія. Таланты и помимо груды книгъ проложатъ себѣ путь къ свѣту.

Какъ-бы сдѣлать, чтобы ко всему въ жизни сохранить участіе? чтобы не становиться одностороннимъ и мелкимъ?

Избѣгая случаевъ посѣщать знакомыхъ, конечно избавляешь себя отъ многихъ скучныхъ часовъ, но также лишаешь себя многихъ пріятныхъ, живительныхъ плодотворныхъ минутъ, лишаешь себя множества случаевъ сдѣлать пріятное.

Какъ я избалованъ судьбою и какъ не умѣю пользоваться ею! Что можетъ быть независимѣе и пріятнѣе теперешняго моего положенія? Никакой обязанности, никакого стѣсненія! Зачѣмъ же не умѣю цѣнить его, зачѣмъ не умѣю извлечь изъ него всевозможную пользу, для поправленія всего, что испорчено прежними обстоятельствами? Я бы долженъ теперь отложить всѣ свои недостатки и думать только объ укрѣпленіи души и тѣла, разстроенныхъ прежнею жизнью. Но таковъ человѣкъ! Если ему не вредятъ обстоятельства, онъ долженъ вредить самъ себѣ, и то зло, за которое прежде горько винилъ судьбу, причинять себѣ самъ. Зачѣмъ не освобождаюсь я теперь отъ тѣхъ недостатковъ, которые приписывалъ прежде силѣ обстоятельствъ?

Гельзингфорсъ, 1840 г.

Оторванный отъ пріятнаго занятія, я былъ золъ на бывшихъ со мной и вообще на людей, мѣшающихъ мнѣ предаваться своей страсти къ книгамъ. Но хорошо-ли? Если, при жизни въ обществѣ, это—необходимое зло (а можетъ быть и добро), то не лучше-ли переносить его философски, не сердясь, а напротивъ стараясь и изъ этого положенія извлечь всю пріятность и пользу, какую только можно въ немъ представить себѣ. Вообще, чтобъ

быть счастливымъ, надобно каждое обстоятельство принимать такъ, какъ еслибъ мы его прежде сами желали. Что цѣль жизни? Счастіе! Кто счастливѣе? Тотъ-ли кто будетъ безпрестанно недоволенъ? Или кто будетъ самыя непріятности превращать въ удовольствія? Послѣдній; но этого можно достигнуть не иначе какъ мудростію, какъ рѣшимостію видѣть въ каждомъ дневномъ событіи — благо, будетъ-ли это событіе соотвѣтствовать моему желанію или нѣтъ, лишь бы оно не составляло дѣйствительнаго несчастія, лишь бы оно при извѣстныхъ условіяхъ могло быть желаннымъ и мною. Притомъ: отъ безпрерывныхъ занятій не только *здоровье* страдаетъ, но сверхъ того: 1) *притупляется наслажденіе* занятія, оно обращается въ тягость, ибо всякое благо должно имѣть противуположность; иначе оно теряетъ цѣну; вездѣ нужна борьба; самая жизнь потеряла бы сладость, еслибъ не было смерти; 2) притупляются способности. Всѣ три невыгоды я уже испыталъ на *опытѣ*, и такъ пусть будетъ священною дня меня обязанностію — *работать* съ *промежутками*, никакого *препятствія работѣ* не считать зломъ, потому что оно только *поддерживаетъ и изощряетъ охоту*, аппетитъ къ труду, который безъ сопротивленія теряетъ сладость; искать развлеченія въ *семейныхъ радостяхъ*, въ *обществѣ*, въ *прогулкѣ*, въ *устроеніи* порядка въ своихъ дѣлахъ; умѣть во всякомъ положеніи сохранять *веселость*, ибо она синонимъ *мудрости;* Богу угоднѣе будетъ, если я буду всегда доволенъ, всегда буду благодарить Его за жизнь, нежели если проглочу всю книжную мудрость; если и не находишь удовольствія въ чемъ-либо, то стараться самого себя обманывать, чтобы быть счастливымъ; всегда ясно видѣть, что во всемъ есть хорошая сторона, что мы, живя въ безпрестанныхъ заботахъ, живемъ противно назначенію Божію и гнѣвимъ его. Дай Богъ, чтобы эти правила мудрости всегда оставались доступными мнѣ; всѣ убѣжденія ума и честолюбія противъ нихъ — одна ложь. Я написалъ великую правду: о, еслибъ часто обращался къ этимъ листамъ! Эти правила надобно было бы золотыми буквами начер-

тать на моихъ стѣнахъ. Что не должно сердиться на случающіяся *contrariétés*—тому лучшимъ убѣжденіемъ служитъ еще и то, что гнѣвъ ни къ чему не служитъ: лучше же извлечь изъ положенія удовольствіе. Что неизбѣжно, то надобно сдѣлать пріятнымъ.

Гельсингфорсъ, 1840 г.

Первою обязанностью къ себѣ должна быть безпрестанная мысль о самоусовершенствованіи, безпрестанная забота не унизить какъ-нибудь достоинства духа, Богомъ сотвореннаго, а напротивъ, по мѣрѣ способностей своихъ, облагораживать, возвышать и освящать то, что плоть силится осквернить. Не надобно никогда забывать, что это возвышеніе должно касаться не исключительно одной какой-нибудь стороны души, напримѣръ ума, а совокупныхъ силъ ея. Вотъ что должно быть цѣлью всей жизни. Всякое другое стремленіе—исканіе славы, богатства, почестей—есть тяжелый грѣхъ.

Но есть важный разрядъ обязанностей—обязанности къ *отечеству*, къ обществу, которое доставляетъ намъ всѣ блага, услаждающія намъ жизнь, слѣдственно и къ Государю, какъ главѣ общества,—это еще обязанность благодарности. Исполнять обязанность къ отечеству значитъ стараться быть ему полезнымъ, стараться содѣйствовать и своими силами къ общему его благу. Чтобы успѣшно употреблять силы свои, надобно напередъ убѣдиться, къ чему мы наиболѣе способны и послѣ того обратить дѣятельность свою на преимущественное развитіе главныхъ нашихъ силъ.

Вотъ на чемъ долженъ быть основанъ выборъ званія. Избравъ званіе по глубокомъ размышленіи, должно стараться въ этомъ родѣ дѣятельности принести обществу наилучшую пользу по нашимъ способностямъ.

Исполненіе всѣхъ обязанностей должно быть содержаніемъ жизни, времени, даннаго намъ свыше на самоусовершенствова-

ніе. Слѣдовательно вотъ на чемъ должно быть основано раздѣленіе времени,—предметъ столько затруднявшій меня. Никакая обязанность не должна быть исполняема на счётъ другихъ, ибо всѣ онѣ равно важны для душевнаго нашего блага.

Первое условіе для соразмѣрнаго ихъ исполненія есть частое размышленіе и молитва, источникъ благодати: ибо какъ дѣйствовать правильно, когда всѣ дѣйствія не истекаютъ изъ одного, все располагающаго, все соразмѣряющаго, все возвышающаго начала—*разума?* Только погружаясь въ самихъ себя и мыслію направляя каждый шагъ свой въ духовномъ значеніи, можемъ мы заслужить названіе—*подобія Божія.* Ибо во всѣхъ дѣлахъ Господа видна дивная гармонія, проистекающая изъ премудраго Разума, сосредоточивающагося въ самомъ себѣ. И мы должны искать во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ—нашихъ созданіяхъ—гармоніи, которая невозможна безъ размышленія и его ангела—молитвы. Я назвалъ дѣйствія наши—созданіями. Да, вотъ въ какомъ отношеніи всякій человѣкъ есть творецъ. Произведенія искусства и науки—это только созданія одной стороны духа; но у кого эта сторона въ слабой степени, тотъ все-же можетъ быть творцомъ и творцомъ—въ благороднѣйшемъ смыслѣ, ибо добрыя дѣла выше какихъ бы ни было созданій искусства.

Но и развитіе и созданія ума могутъ входить въ составъ обязанностей. По основательномъ изслѣдованіи себя, я избралъ поприщемъ своимъ *преподаваніе* въ обширнѣйшемъ смыслѣ.

Я долженъ посвящать ему ту часть времени, которая будетъ въ моемъ распоряженіи при исполненіи и всѣхъ другихъ обязанностей. Для правильнаго наполненія этой части времени я долженъ начертать себѣ

Планъ занятій.

Я взялся учить финляндцевъ русской словесности. Итакъ, первою моею обязанностію должно быть совѣстливое пріобрѣтеніе къ тому всѣхъ способовъ,—основательное изученіе пред-

мета — русскаго языка и литературы. Я долженъ вполнѣ приготовить себя къ исполненію этой обязанности. Итакъ

1-е занятіе — для меня есть *изученіе русскаго языка*, *русской исторіи*, *вообще Россіи* — такъ, чтобъ быть въ состояніи наилучшимъ образомъ сообщать другимъ свѣдѣнія объ этихъ предметахъ.

2-е занятіе — *дѣйствительно сообщать* эти свѣдѣнія, какъ непосредственнымъ преподаваніемъ, такъ и распространеніемъ въ публикѣ, чрезъ журналы и устными разговорами, истинныхъ понятій о русскихъ, русской литературѣ и т. п.

3-е занятіе — по указанію самого положенія моего и обстоятельствъ стараться о сближеніи Финляндіи и вообще сѣвера съ Россіею такъ, чтобы и русскіе имѣли способы узнать Финляндію и скандинавскія земли во всѣхъ отношеніяхъ. Для того сперва изучить ихъ самому основательно со всѣхъ сторонъ и послѣ писать о нихъ.

4-е занятіе — заботиться о разностороннемъ и усовершенствованномъ образованіи себя для пріобрѣтенія болѣе ясныхъ и вѣрныхъ обо всемъ понятій, и дѣйствія ими на массу. Для того учиться исторіи, философіи, изучать разные предметы, важные для человѣчества и писать о нихъ статьи особо или для «Современника». Но писать не прежде, какъ обнявъ предметъ со всѣхъ сторонъ и перечитавъ все, что объ немъ уже написано.

5-е занятіе — писать друзьямъ письма и вести журналъ, записывая сверхъ того отдѣльно мысли и впечатлѣнія. При всѣхъ этихъ занятіяхъ менѣе обращать вниманіе на количество употребленнаго на нихъ времени, нежели на качество сдѣланнаго, и вообще въ распредѣленіи времени особенно смотрѣть на то, чтобъ оно всегда было посвящаемо исполненію какой-нибудь обязанности—для обязанности, а не другихъ какихъ-нибудь цѣлей. Причемъ и излишней заботливости о томъ, когда то и то кончится, и вообще заботы о будущемъ, не должно позволять себѣ.

Гельсингфорсъ, 1841 г.

На нынѣшнюю зиму я выбираю для занятій: исторію, Шекспира, Гёте, Шиллера, Данте, русскихъ поэтовъ и шведскій языкъ.

Если у человѣка нѣтъ общей постоянной цѣли, онъ долженъ назначать себѣ *частныя цѣли на извѣстные сроки.*

Не отступать отъ того, что однажды предположено, развѣ будутъ къ тому важныя причины и совершенное убѣжденіе въ ошибочности намѣреній.

Лучше прочесть въ день хотя 10 строкъ, нежели ничего не сдѣлать. Все, что ведетъ къ одной и той же цѣли, равно хорошо: не въ томъ дѣло, что̀ прежде, что̀ послѣ, а въ томъ, чтобы безпрестанно подвигаться впередъ.

Вздумано сдѣлано!

Чѣмъ много думать за что приняться, скорѣе приняться за что-нибудь.

Въ наукѣ каждое понятіе то же, что единица въ милліонѣ: набавляя одну на другую, непримѣтно дойдешь до цѣлой суммы.

Въ ученіи я бы хотѣлъ походить на скупого, который накопляетъ свои богатства по копѣечкѣ.

Бодрствованіе безъ дѣятельности есть дремота души.

Огромнѣйшій трудъ можно исчерпать каплями.

Въ нашей жизни каждый день составляетъ отдѣльную жизнь, которой предшествуетъ и за которою слѣдуетъ *кратковременная смерть*[1]); но у всякаго человѣка былъ день, которому предшествовало долгое ничтожество, — у всякаго будетъ день, за которымъ послѣдуетъ долгая смерть.

Живи каждый день такъ, какъ будто это послѣдній твой день, какъ будто это цѣлая твоя жизнь, — и ты исполнишь свое назначеніе.

Пусть каждый вечеръ судъ твоей совѣсти будетъ для тебя *страшнымъ судомъ.*

---

[1]) Черезъ нѣсколько дней нашелъ эту мысль въ Макбетѣ, актъ II, явл. 2.
Прим. Я. Г.

Извлекай каждый вечеръ изъ денной своей жизни правила на завтра и чтò найдешь — записывай.

Будь увѣренъ, что какъ бы ты хорошо ни провелъ день, ты бы могъ провести его еще лучше, и старайся усовершенствоваться завтра.

Примѣчай за собою ежеминутно, а вечеромъ припоминай всѣ свои ошибки.

Мысль Гёте: время безконечно долго, и каждый день есть сосудъ, въ который можно влить очень много, если подлинно хочешь наполнить его.

Гельсингфорсъ, 1841 г.

Эпиграфомъ одной части автобіографіи Гёте служитъ нѣмецкая поговорка:

„Чего желаешь въ молодости, того въ старости будешь имѣть въ волю„.

Вотъ какъ онъ объясняетъ это:

Желанія наши бываютъ предчувствіями тѣхъ способностей, которыми мы надѣлены, предвѣстниками того, что мы въ состояніи будемъ совершить.

Воображеніе наше представляетъ намъ внѣ насъ, въ будущемъ—то, къ чему мы способны, чего мы желаемъ; мы чувствуемъ стремленіе къ тому, что невѣдомо самимъ себѣ уже имѣемъ. Если какое-либо рѣшительное направленіе заключается въ самой природѣ нашей, то съ каждымъ шагомъ нашего развитія мы приближаемся болѣе и болѣе къ своей цѣли, при благопріятныхъ обстоятельствахъ прямымъ путемъ, при неблагопріятныхъ — косвеннымъ, но который постепенно склоняется къ первому. Такимъ образомъ люди постепенными усиліями достигаютъ земныхъ благъ — богатства, блеска, почестей. Другіе еще вѣрнѣе стремятся къ цѣлямъ духовнымъ, пріобрѣтаютъ ясныя понятія о предметахъ, достигаютъ успокоенія духа и внутренней независимости.

Но есть еще третій родъ направленія, въ которомъ сливаются оба предыдущіе и которое еще вѣрнѣе достигаетъ цѣли. Именно, когда молодость человѣка принадлежитъ эпохѣ, кипящей дѣятельностью, эпохѣ, въ которую болѣе производится, нежели разрушается,—и когда въ немъ родится во-время предчувствіе, чего такая эпоха требуетъ и что она обѣщаетъ, — то онъ, побуждаемый извнѣ къ дѣятельному участію, принимается то за одно, то за другое, и въ немъ появляется желаніе обращать свои силы въ разныя стороны. Но тутъ къ человѣческой ограниченности присоединяется еще столько случайныхъ препятствій, что онъ бросаетъ или оставляетъ неоконченнымъ то одно, то другое, и отказывается то отъ одного, то отъ другого желанія. Но если эти желанія истекали изъ чистаго сердца и соотвѣтствовали потребностямъ времени, то можно спокойно смотрѣть на такія неудачи и быть увѣреннымъ, что не только оставленное снова займетъ насъ, но что появится еще и много другихъ родственныхъ предметовъ, о которыхъ мы прежде и не думали. И когда мы въ продолженіе жизни открываемъ, что другіе приводятъ въ исполненіе то, къ чему нѣкогда сами мы чувствовали призваніе, но по разнымъ обстоятельствамъ не могли слѣдовать этому призванію, то въ насъ родится прекрасное чувство, что только цѣлое человѣчество составляетъ истиннаго человѣка, и что каждый отдѣльно тогда только можетъ быть вполнѣ доволенъ и счастливъ, когда онъ въ состояніи чувствовать себя въ цѣломъ.

Гельсингфорсъ, мартъ 1842 г.

Чего желаешь ты? счастія. Но въ чемъ полагаешь ты счастіе? въ безпрерывномъ удовольствіи.

Ничто внѣшнее не можетъ доставить тебѣ такого удовольствія.

Если ты вдругъ разбогатѣешь, такъ въ первую минуту конечно почувствуешь удовольствіе.

Но скоро ты привыкнешь къ своему новому положенію, и снова начнешь желать.

За деньги ты пріобрѣтешь разнаго рода имущество, но вмѣстѣ съ нимъ накупишь столько всякихъ заботъ, что опять не будешь счастливъ.

Почести и слава также не удовлетворятъ тебя: онѣ принесутъ тебѣ столько завистниковъ и недоброжелателей, или трудовъ и отвѣтственности, что ты не разъ подумаешь: этого ли я желалъ?

Думая о счастіи жизни, мы напрасно ее воображаемъ обыкновенно на большомъ пространствѣ времени. Вѣрнѣе было бы представлять себѣ ее по отдѣльнымъ днямъ. Что тебѣ нужно дабы прожить одинъ день счастливо? Если ты встанешь здоровъ и веселъ, если поддержишь свое расположеніе духа благимъ трудомъ, если ничѣмъ не встревожишь своей совѣсти, не нарушишь своего спокойствія никакою страстью и отойдешь ко сну доволенъ днемъ своимъ, съ признательною молитвою, не желая ничего, кромѣ такого же завтра, то не будешь ли ты достоинъ имени счастливца?

Безъ желаній жить нельзя, но, желая, надо всегда быть готовымъ къ нѣкоторой уступкѣ обстоятельствамъ, необходимости: вотъ главное условіе счастія.

Умѣренность—великая добродѣтель, она должна руководить насъ и въ желаніяхъ.

Выше спокойствія душевнаго, выше одобренія совѣсти на землѣ желать нечего; совѣсть есть Богъ въ насъ живущій, а угожденіе Богу должно быть цѣлію всей жизни нашей. Угождая Богу, мы всего вѣрнѣе угождаемъ и себѣ. Вотъ одно только безпрерывное удовольствіе, какое возможно.

Угождая страстямъ, мы оскорбляемъ совѣсть свою, а слѣдовательно Бога—и можемъ не иначе примириться съ нимъ, какъ посредствомъ раскаянья.

Раскаяніе есть плачъ души о собственной своей слабости передъ обвиняющею совѣстью, вопль падшаго о своемъ паденіи, торжество Бога въ человѣкѣ и сознаніе нашего съ нимъ родства.

Кто научится всегда быть въ мирѣ съ своею совѣстью, тотъ будетъ счастливъ и вмѣстѣ мудръ.

И такъ въ *мудрости* заключается счастье.

Мудрость даромъ не дается, а бываетъ плодомъ долгихъ усилій и заблужденій и новыхъ напряженій.

Стремиться къ мудрости значитъ стремиться къ *усовершенію* себя.

Вполнѣ достигнуть мудрости нельзя, но можно только приблизиться къ ней.

Одно изъ главныхъ ея средствъ и вмѣстѣ одна изъ принадлежностей есть *самообладаніе*, плодъ твердой рѣшимости и твердой воли.

Самообладаніе родитъ между прочимъ *умѣренность*.

Для поддержанія его надобно безпрестанно помнить и высшую цѣль свою и ничтожество всѣхъ земныхъ суетныхъ наслажденій.

Начало всего есть убѣжденіе въ истинѣ,—оно же пріобрѣтается ученіемъ, опытностью и размышленіемъ.

Счастіе есть гармонія,—согласіе всѣхъ дѣйствій съ сознаваемою истиной, т. е.—мудростію.

Человѣкъ родится ни добрымъ, ни злымъ, а только съ возможностію быть тѣмъ или другимъ. Степень его въ цѣпи нравственныхъ существъ еще не опредѣлена; ему даны высокія средства, но не дано *достоинства;* онъ самъ долженъ себѣ доставить его; онъ можетъ стать и *выше* всѣхъ существъ земныхъ, но можетъ стать и ниже всѣхъ—съ своимъ умомъ и съ своими способностями, если не воспользуется ими, если, имѣя разумъ, не будетъ разумнымъ, и имѣя способность къ добру, не будетъ добрымъ.

Всякая страсть есть *ложь*, ибо ея исполненіе ведетъ къ злу и къ несчастію.

Передъ всякимъ дѣломъ обдумывай спокойно, къ чему оно окончательно можетъ привести тебя.

Гельсингфорсъ, 4 авг. 1845 г.

Я нахожусь теперь въ здоровомъ состояніи тѣла и духа, и еслибъ впредь сталъ поступать по тѣмъ воззрѣніямъ, которыя теперь у меня развились, то вѣрно былъ бы болѣе прежняго доволенъ собою и счастливъ.

Что мѣшало прежде моему полному счастью въ моемъ кругѣ дѣйствія? то, что я, набирая добровольно слишкомъ много дѣла, не могъ дѣйствовать по всѣмъ предположеннымъ направленіямъ, а по многимъ дѣйствовалъ кое-какъ. Отъ того въ моемъ распредѣленіи времени, въ моихъ занятіяхъ происходила или путаница или слишкомъ большое однообразіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во всемъ, что окружаетъ меня—въ моихъ вещахъ, бумагахъ и книгахъ, являлся большой безпорядокъ, который съ одной стороны много мѣшалъ мнѣ наслаждаться моими трудами, а съ другой еще увеличивалъ въ нихъ путаницу. Замѣтивъ это, я по возвращеніи сюда [1]) двѣ недѣли тому назадъ, прежде всего принялся усердно за устройство порядка въ моемъ имуществѣ. Какой-то авторъ замѣтилъ, что внѣшній порядокъ много содѣйствуетъ какъ пріятности, такъ и успѣшности умственныхъ занятій. Я очень вѣрю этому, и теперь намѣренъ обращать особенное вниманіе на поддержаніе у себя порядка и въ вещахъ и въ дѣлахъ.

Для этого главное условіе: 1) не откладывать исполненія какого-бы ни было дѣла, какое представится, въ какомъ-бы ни было кругѣ дѣятельности; 2) неотложно же всегда убирать всякую вещь, которая болѣе не нужна, давая ей назначенное, по ея роду, мѣсто. Медленность, нерѣшительность, опасеніе потерять нѣсколько минутъ въ этомъ дѣлѣ — есть большая ошибка въ расчетѣ, потому что при другомъ подобномъ упущеніи труда будетъ вдвое, и наконецъ безпорядокъ дойдетъ до того, что на

---

[1]) Послѣ поѣздки лѣтомъ въ Петербургъ для свиданія съ Плетневымъ.

устраненіе его понадобятся цѣлыя недѣли, какъ теперь и было у меня.

Что касается до самыхъ занятій, то необходимо: 1) быть умѣреннымъ въ количествѣ ихъ, 2) умѣть ограничиваться въ ихъ разнообразіи. Въ первомъ отношеніи очень важно частое прерываніе сидѣнья: не надобно никогда отдавать всей жизни одному какому-нибудь частному направленію; надобно помнить права и требованія всѣхъ составныхъ частей нашего бытія,—помнить, для чего мы живемъ и что для цѣли существованія нашего — совершенствованія — нужно совокупное дѣйствіе всѣхъ нашихъ силъ, безъ перевѣса одной надъ другими. Когда меньше занимаюсь—бываю добрѣе, болѣе имѣю времени думать объ обязанностяхъ человѣка и сына. Кромѣ того, для успѣха самыхъ умственныхъ занятій, нуженъ отдыхъ тѣхъ способностей, которыя въ нихъ напрягаются. Когда встрѣтится при нихъ какое-нибудь неожиданное препятствіе или развлеченіе, напр. когда кто-нибудь меня посѣтитъ не во время, я не только не долженъ сердиться, но даже радоваться. Это доставляетъ моей здѣшней жизни то разнообразіе, въ которомъ она нуждается.

Въ отношеніи къ разнообразію въ занятіяхъ, излишнее мѣшаетъ успѣху ихъ. Однакожъ есть дѣла, которыя и при важныхъ трудахъ никогда не должны быть упускаемы особливо ученымъ. Таково, напримѣръ, чтеніе или лучше пробѣганіе газетъ и журналовъ. Часто одно упущеніе въ этомъ дѣлѣ лишаетъ очень нужнаго свѣдѣнія о какой-нибудь книгѣ, о какомъ-нибудь фактѣ, литературномъ или политическомъ. Таково также писаніе писемъ къ роднымъ, друзьямъ или вообще по дѣлу или по другимъ отношеніямъ. Время, употребляемое на письма къ друзьямъ, никакъ не можетъ считаться потеряннымъ: такая переписка есть необходимая замѣна общества, или лучше—это самое благородное, самое пріятное, самое свободное, душепитательное общество; а на общество люди позволяютъ себѣ употреблять такъ много времени! Такая переписка не только должна входить въ кругъ занятій моихъ, но должна быть производима съ особен-

нымъ тщаніемъ, безъ спѣха, con amore. Это важное средство къ взаимному и къ само-усовершенствованію.

Чтобы умѣть управлять временемъ, надобно умѣть обозрѣвать его *en grand*—видѣть передъ собою длинную его перспективу, чтобы съ одной стороны помнить ограниченность его, а съ другой не придавать слишкомъ высокаго значенія отдѣльнымъ часамъ и получасамъ, которые всегда могутъ быть вознаграждены въ будущемъ. Нѣтъ, порядокъ, умѣренность, постоянство въ добрыхъ привычкахъ, гостепріимство, здоровье—вотъ принадлежности жизни, которыя ни чѣмъ не могутъ быть замѣнены.

(Того же времени, но неизвѣстнаго года).

О какъ благодарю я Тебя, Всевышній, за тѣ отрадныя чувства, которыя въ эти минуты наполняютъ грудь мою! Да, я убѣжденъ, что они ниспосланы мнѣ Тобою! Вижу, до какой степени душа можетъ охладѣть среди безпрестанныхъ примѣровъ эгоизма и безчувствія! вижу, какъ разсѣянная жизнь общества можетъ усыпить въ человѣкѣ лучшія побужденія добродѣтели! вижу, какъ суета міра можетъ заглушить въ сердцѣ самый голосъ крови, притупить чувство семейнаго счастія—единаго прочнаго здѣсь на землѣ!

До сихъ поръ я почти ни въ чемъ не терпѣлъ нужды, желанія мои по большей части исполнялись, и при всемъ томъ, когда я оставался наединѣ съ самимъ собою, я чувствовалъ, что чего-то недостаетъ для счастія моего! Размышленіе и сердце показали мнѣ, чего мнѣ не доставало:—этого тихаго спокойствія, этой душевной радости, которыя происходятъ отъ сознанія въ добромъ дѣлѣ. Такъ, это не пустыя названія, эти слова имѣютъ смыслъ глубокій: пусть я буду недоволенъ своими знаніями, своимъ умомъ и тѣми дѣйствіями, которыя отъ ума истекаютъ, но я долженъ быть доволенъ своею совѣстію, своею нравственностію, по крайней мѣрѣ — сколько позволяетъ несовершенство человѣка.

Эгоизмъ, корысть, скупость, гордость! Лукавые враги человѣчества, прочь отъ меня навѣки! Ваша власть надо мною кончилась! хочу, чтобъ каждое мое чувство, каждая мысль и желаніе были благородны, возвышенны, достойны человѣка!

Сентябрь 1846 г.

Я желалъ бы заниматься немногимъ, но все дѣлать съ участіемъ и любовью. Сладость труда заключается не въ количествѣ, даже и не совсѣмъ въ качествѣ производимаго, но въ усердіи, съ какимъ мы работаемъ. Можно по временамъ пристращаться исключительно къ одному труду, но съ тѣмъ, чтобы послѣ и другіе предметы, достойные нашего вниманія, пріобрѣли опять права свои. Преимущественно надобно заниматься тѣмъ, что мы по особеннымъ нашимъ знаніямъ, обстоятельствамъ, положенію можемъ исполнить лучше другихъ.

Я не могу простить себѣ равнодушія, съ какимъ я иногда смотрю на «Современникъ». Другъ мой [1]) имѣетъ полное право ожидать отъ меня участія къ своему изданію, особенно къ своимъ собственнымъ трудамъ, которые онъ помѣщаетъ въ немъ. Что можетъ быть для насъ дороже, что болѣе можетъ поддерживать нашу дѣятельность, какъ не участіе близкаго намъ человѣка? Сохрани меня Богъ отъ холодности, которая бы могла разочаровать моего друга. Пусть даже онъ не оказываетъ къ моимъ трудамъ всего того участія, котораго я желалъ бы: всетаки я хочу быть полонъ вниманія къ его дѣятельности и долженъ бы чаще доставлять ему статьи для его журнала. Отчеты о томъ, что я узнаю интереснаго касательно предметовъ, почти для одного меня въ Россіи доступныхъ, всего болѣе соотвѣтствовали бы моей обязанности въ этомъ отношеніи.

---

[1]) П. А. Плетневъ.

Человѣкъ тѣмъ выше и тѣмъ счастливѣе, чѣмъ болѣе онъ способенъ уважать, почитать, благоговѣть; тѣмъ болѣе у него предметовъ благороднаго стремленія. Жалко нынѣшнее молодое поколѣніе, которое въ своей самонадѣянности ничего не уважаетъ, ничему не удивляется.

Я хочу всегда быть исполненъ смиренномудрія и скромности въ обращеніи съ другими людьми; хочу быть чисто *человѣкомъ* въ моихъ къ нимъ отношеніяхъ, забывая всѣ мелкія преимущества, какія можетъ мнѣ давать мое положеніе въ обществѣ или въ службѣ.

Но дѣлая себя равнымъ съ низшими, я желаю сохранять въ отношеніи къ высшимъ всѣ тѣ знаки уваженія, которыхъ они въ правѣ ожидать отъ меня. Во всякомъ случаѣ я готовъ даже равнымъ уступать первенство, которымъ они дорожатъ и которое въ сущности ничего не значитъ.

Домашнія несогласія происходятъ большею частію отъ того, что мы не умѣемъ представить себѣ всей важности мира и спокойствія. Они составляютъ такое неоцѣненное благо, что для нихъ должно быть не трудно отказаться не только отъ своего мнѣнія, но во многихъ случаяхъ и отъ собственной своей воли. А отъ чего и нарушается по большей части домашнее согласіе, какъ не отъ слишкомъ большого упорства въ мнѣніяхъ и въ желаніяхъ, — отъ неуступчивости?

Большая часть людей такъ ложно представляетъ то, что требуетъ отъ насъ Христосъ. Не безпрестаннаго совершенія тяжкихъ дѣлъ хочетъ Онъ: нѣтъ, Онъ хочетъ только, чтобы каждый изъ насъ очертилъ около себя маленькій кружокъ отношеній и обязанностей и въ этомъ кружкѣ дѣйствовалъ постоянно въ духѣ Христа! Посмотрите, какъ самъ Онъ былъ простъ и безъ усилій спокоенъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ и словахъ! Изучимъ всю Его *личность* и будемъ подражать Ему.

Системы филисофіи! какъ всѣ онѣ жалки и какъ излишни послѣ той божественной мудрости, какую передалъ намъ Христосъ въ своемъ ученіи! Не есть ли нѣкоторымъ образомъ идолопоклонникъ всякій, кто весь отдается какому-нибудь другому ученію. Быть гегелистомъ, шеллингіаномъ! Возможно ли это для истиннаго *христіанина?*

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1837 г.

ДАНЬ ПУШКИНУ.

(Посвящено лицейскимъ товарищамъ).

Вотъ онъ, друзья, нашъ пѣвецъ бездыханенъ, недвиженъ и
блѣденъ,
Сжаты навѣки уста, потрясавшіе словомъ намъ душу;
Смолкнулъ плѣнительный голосъ, широкую Русь облетавшій,
Голосъ, коему съ дѣтства привыкли внимать мы съ улыбкой.
Ахъ! и не онъ ли впервые поэзіи жаръ пробудилъ въ насъ?
Помните-ль, братья, тѣ дни, какъ за тихой оградой Лицея,
Тамъ, гдѣ нѣкогда цвѣлъ вдохновенный Каменами отрокъ,
Съ жаждой прекраснаго въ сердцѣ пѣсни его повторялись?
Помните-ль, какъ ослѣпляясь громкой судьбою поэта,
Силъ не измѣривъ своихъ, мечтали порой мы о славѣ?
Помните-ль, какъ онъ однажды, вѣрный завѣтному чувству,
Дѣдовскимъ ларамъ притекъ поклониться межъ внуковъ ве-
селыхъ?
Мнилось, самъ богъ пѣснопѣнья съ горнихъ высотъ посѣтилъ
насъ.....
Други, его уже нѣтъ! Молодого, кипящаго жизнью,
Полнаго замысловъ пылкихъ Смерть удержала въ стремленьи!
Сколько прекрасныхъ начатковъ новой блистательной славы
Въ гробъ онъ уноситъ съ собой! Для чего же ты, Смерть, не-
насытно
Цвѣтъ человѣчества косишь? Но безотвѣтна могила—
И передъ нами лежитъ облеченный саваномъ Пушкинъ.
Муза уныло склонилась надъ прахомъ его и рыдаетъ,
Вѣтвь кипариса сплетая съ лавромъ надъ тихой главою.

Жизни обманчивый сонъ ужъ болѣ его не тревожитъ;
Жаркая кровь ужъ остыла; вмѣстилище мысли могучей —
Бренный сосудъ разрушёнъ; но утѣшимся, мысль намъ осталась;
Древо разбито грозой, но плоды отъ него уцѣлѣли.
Младости бурной порывы, сердца печальныя думы,
Взглядъ самобытный на міръ, — на призывы природы свой откликъ, —
Все завѣщалъ намъ поэтъ — и почилъ. Съ какою любовью
Юноши, дѣвы и старцы, влекомые генія силой,
Дань воздаютъ удивленья передъ гробницею ранней!
Миръ-же тебѣ, о нашъ бардъ, за таинственной гранію Стикса,
Тамъ, гдѣ давно по тебѣ воздыхалъ, сиротѣя, Державинъ.
Дивныя тѣни! ликуйте-жъ вмѣстѣ о юной Россіи,
Вами прославленной въ гимнахъ, васъ прославляющей нынѣ!

ПРЕДВѢЩАНІЕ.

Терпѣнье! скоро день настанетъ,
Что наша сѣверная рѣчь
Полміра собственностью станетъ
И загремитъ, какъ русскій мечъ.
Близка пора, что поколѣнья,
Которыхъ мы какъ дѣти чтимъ,
Отплатятъ подать удивленья
Давнишнимъ данникамъ своимъ.
Близка пора, что Западъ хилый
Къ Востоку взоры устремитъ,
Какъ старецъ безъ огня и силы
На бодрость юности глядитъ.

ДУМА.

Есть много ликовъ, впечатлѣнныхъ
Глубоко въ памяти моей;
Но на ея страницахъ тлѣнныхъ
Одинъ сіяетъ всѣхъ яснѣй.
Ужель и онъ — промолвить больно —
Исчезнетъ тамъ когда-нибудь?
Не вѣрю; но могу-ль невольно
При этой мысли не вздохнуть?
Увы! какъ въ морѣ передъ нами
Волна смѣняется волной,
Такъ люди мимо насъ со днями
Проходятъ быстрой чередой.
Бываетъ, существо родное
Случайно встрѣтимъ мы въ пути;
Но жизни слово роковое
Велитъ намъ розно съ нимъ итти.
Мелькаютъ образы другіе,
И тотъ, кто прежде былъ намъ милъ —
Его умчали годы злые....
Куда? быть можетъ въ край могилъ!
Что нужды намъ? когда-бы снова
Насъ жребій свелъ случайно съ нимъ,
Ужъ онъ бы въ насъ нашелъ чужого,
И былъ-бы самъ для насъ чужимъ.
И сколько въ мірѣ есть созданій,
Съ кѣмъ первой юности порой,
Въ дни сладкихъ, пылкихъ ожиданій,
Мы дружно шли рука съ рукой,
Съ кѣмъ мы и въ радости и въ горѣ
Дѣлить хотѣли каждый часъ,

Пока внезапно жизни море
Не оторвало ихъ отъ насъ!....
Пройдутъ года, и вдругъ проселкомъ
Сойдемся мы, но ужъ не тѣ!
Испытаны судьбой осёлкомъ
Въ холодной свѣта суетѣ, —
Мы, столь веселые бывало,
Столь откровенные друзья,
Теперь стоимъ съ улыбкой вялой
И мысль: «кто лучше? онъ иль я»?
Не дастъ обняться намъ, какъ прежде;
Мы чуть другъ друга узнаемъ;
Другъ друга судимъ по одеждѣ,
И хладно врозь опять идемъ!

ВИДѢНЬЕ.

Краса-ль природы вдругъ увяла?
Въ пустынѣ-ль темной я стою?
Иль вѣчной ночи покрывало
На вѣжду налегло мою?
О здѣсь ли ты, мой ангелъ—дѣва?
Со мной ли посланный мнѣ другъ?...
«Терпи безъ ропота и гнѣва»!
Знакомый гласъ шепнулъ мнѣ вдругъ.

«Вокругъ тебя все также чудно,
Но свѣта ты лишенъ навѣкъ:
Не хочетъ промыслъ правосудный,
Чтобъ здѣсь блаженъ былъ человѣкъ!

За то любви и дружбы сладость
Въ удѣлъ досталися тебѣ;
Цѣпей твоя избѣгнетъ младость,
Но будешь въ тихой жить судьбѣ»!

И съ плачемъ я къ землѣ приникнулъ,
Безумно рвалъ себѣ власа;
«Отдай мнѣ день! Отдай»! воскликнулъ:
«Хочу смотрѣть на небеса;
Хочу смотрѣть на радость—море,
И на тебя, о дѣва—свѣтъ»!
Напрасны крики: горе! горе!
Нигдѣ отъ тьмы исхода нѣтъ.

Проснулся я съ холоднымъ потомъ,
И трепетъ проникалъ меня;
Но былъ ужъ часъ дневнымъ заботамъ,
И скоро смыли волны дня
Съ моей души сіе видѣнье:
Я зналъ опять безумный смѣхъ,
Опять ловилъ я наслажденье,
Гдѣ, какъ змѣя, гнѣздится грѣхъ.

Но всякій разъ, когда весельемъ
Душа моя горитъ свѣтло,
И счастье сладостнымъ похмѣльемъ
Нисходитъ на мое чело,—
Я трепещу — и голосъ чудный
Твердитъ мнѣ: «Счастье не навѣкъ,
Не хочетъ промыслъ правосудный,
Чтобъ здѣсь блаженъ былъ человѣкъ»!

ТОСКА НА МОРѢ [1]).

Межъ скалъ Финляндіи угрюмой
Стою одинъ на кораблѣ —
Одинъ съ тоскующею думой
О близкой, милой мнѣ землѣ.
Все грусть на сердце навѣваетъ:
Вокругъ лишь камни да лѣса,
Протяжно вѣтеръ завываетъ,
Нѣтъ солнца: мутны небеса,
Неугомонно плещутъ волны,
И птицы жалобно свистятъ;
А тамъ въ дали мелькаютъ челны,
Чернѣетъ дымъ рыбачьихъ хатъ.
Давно опущены вѣтрила;
Трусливо нашъ корабль стоитъ;
Далёко кормчій отъ кормила
И беззаботно шкиперъ спитъ.
Въ каютѣ мой товарищъ бойкій,
Качаясь, дремлетъ на спинѣ,
И въ душномъ смрадѣ финской койки
Быть можетъ видитъ рай во снѣ.
Мнѣ грустно, — предаюсь невольно
Мечтамъ о милыхъ, о родныхъ:
Не мочь обнять ихъ сердцу больно,
Когда такъ близокъ я отъ нихъ!
Ахъ, нынѣ мнѣ милѣе втрое
Все то, что мило мнѣ давно!

---

[1]) Сочинено во время возвращенія изъ Гельсингфорса въ Петербургъ въ бурю на чухонской лайбѣ въ 1837 г. (съ лицейскимъ товарищемъ Комовскимъ) о чемъ см. Автобіографическія замѣтки, стр. 23—24.

О мать, въ комъ небо мнѣ второе
Здѣсь вмѣстѣ съ жизнію дано!
Къ тебѣ я мыслью улетаю,
Тебя зоветъ сердечный гласъ,
И слышу откликъ я, и знаю:
Съ тоскою въ этотъ самый часъ
О сынѣ ты воспоминаешь
И мыслишь: гдѣ-то онъ теперь?
И слухъ·волнуясь преклоняешь,
Чуть заскрыпитъ случайно дверь...
Приду, приду: ужъ парусъ вьется,
Оторванъ якорь ото дна,
Морской нашъ конь опять несется—
Предъ нимъ смирилася волна.
Такъ завтра, милые, я съ вами:
Я къ вамъ присяду подъ окномъ
И разскажу безъ лжи, по чести
О первомъ странствіи моемъ:
Объ Иматрѣ, о добрыхъ финнахъ,
О городахъ ихъ и землѣ,
О ихъ гранитныхъ исполинахъ
И о чухонскомъ кораблѣ,
Гдѣ тѣсно, душно, безотрадно,
Какъ узнику въ его тюрьмѣ,—
Гдѣ сыро, холодно и смрадно,
Гдѣ только качка на умѣ!
А тамъ подумаемъ мы, други,
Какъ вновь бы намъ пуститься въ путь,
И гордо презирая вьюги,
Далеко за море шагнуть!

1838 г.

Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!
О, то не звуки лишь пустые!
Я самъ въ себѣ святыхъ чудесъ .
Символы чувствую живые.
Молитвѣ внявъ, опять съ небесъ
Ко мнѣ сошла любовь Господня,
И вмѣстѣ съ міромъ мнѣ сегодня
Душа твердитъ: Христосъ воскресъ!

МОЛЬБА.

Образъ милый, незабвенный,
На душевной глубинѣ
У меня похороненный,
Вотъ мольба, внемли ты мнѣ:
Въ дни, когда я буду въ мирѣ
Самъ съ собою и съ людьми,
И въ моемъ сердечномъ мірѣ
Господиномъ надъ страстьми,—
Ты, какъ перло дорогое,
Съ дна души не возставай,
И меня въ моемъ покоѣ
Не тревожь, не возмущай.....
Но когда соблазнъ украдкой
Станетъ влечь меня къ землѣ,

Иль нечистый демонъ сладко
Мнѣ начнетъ шептать о злѣ, —
Ты по борющимся волнамъ
Съ дна души моей всплыви,
И надъ ней въ сіяньи полномъ
Мнѣ на мигъ себя яви!
Какъ смирившаяся влага,
Стихнетъ духъ; краса твоя
Мнѣ напомнитъ прелесть блага
И останусь чистымъ я.

1839 г.

ДВѢ ЭПИТАФІИ.

I.

Надъ нимъ сіялъ прекрасный лучъ надежды,
Свѣтло взошла весны его *заря*,
Но рано онъ смежилъ младыя вѣжды,
И встрѣтилъ *день*—у Вышняго Творца!

II.

Послѣдній милый гость въ кругу семьи своей,
Какъ мало онъ гостилъ на здѣшнемъ скорбномъ пирѣ:
Предтеча матери и братьевъ и друзей,
На новый пиръ ужъ самъ онъ ждетъ ихъ въ лучшемъ мірѣ...

Прекрасенъ неба сводъ, когда
Свѣтило дня на немъ пылаетъ;
Но на закатѣ иногда
Красою новой онъ сіяетъ:
Пурпурныхъ облаковъ гряда
Его въ ту пору украшаетъ,
И взору будто-бы вѣщаетъ,
Что день исчезъ не навсегда,
Что завтра утро встанетъ снова
Изъ лона моря голубого.

Прекрасенъ ликъ людской, когда
Душа въ очахъ его пылаетъ;
Но онъ по смерти иногда
Красою новою сіяетъ:
Улыбка тихая тогда
Его привѣтно озаряетъ,
И сердцу будто-бы вѣщаетъ,
Что духъ исчезъ не навсегда,
Что утро жизни встанетъ снова
Ему изъ лона Всеблагого.

ЖУКОВСКОМУ [1].

Благодарю тебя, возвышенный поэтъ!
Едва ступилъ я шагъ на поприщѣ, мнѣ новомъ, —
И вотъ ужъ слышу я твой ласковый привѣтъ,
И силъ мнѣ придалъ ты своимъ волшебнымъ словомъ.

Благодарю! священъ мнѣ мудрый твой совѣтъ:
Я душу закалить хочу въ трудѣ суровомъ,
Награды только въ немъ искать даю обѣтъ,
Отъ суетности онъ пусть будетъ мнѣ покровомъ.

Я радуюсь! сбылись давнишнія мечты:
Того, чье имя мнѣ такъ драгоцѣнно было,
Кто пѣлъ такъ сладостно, такъ звонко, такъ уныло,

Того узналъ и я: сей гласъ, сіи черты
Не въ силахъ я забыть; а съ памятью ихъ милой
Мнѣ будетъ спутникомъ и Геній красоты.

---

[1]) Написано по поводу одобреннаго Жуковскимъ перевода Фритіофа, см. Автобіографич. Замѣтки, стр. 27.

1840 г.

Я убѣжалъ отъ шума свѣта,
Отъ блеска званій и чиновъ:
Милѣй мнѣ тихій міръ поэта,
Милѣй мнѣ область думъ и сновъ
Въ уединеньи кабинета.

Пускай бранитъ меня молва
И называетъ сумасбродомъ!
Молчу: зачѣмъ бросать слова?
Увы! душа надъ смертнымъ родомъ
Теряетъ нынѣ всѣ права!

Кто въ сердцѣ носитъ жаръ высокій,
Не кстати тотъ въ нашъ вѣкъ рожде́нъ;
Онъ отъ людей одни упрёки,
Насмѣшки слышать осужденъ,
Онъ въ жизни путникъ одинокій!

Покуда, разумомъ водимъ,
Свой жаръ заботливо онъ прячетъ,
И втайнѣ лишь, никѣмъ не зримъ,
О принужденной долѣ плачетъ, —
Холодный міръ доволенъ имъ.

Но пусть внезапно увлеченный
Тревожнымъ голосомъ души,
Онъ обнаружитъ — дерзновенный —
Все, чѣмъ давно питалъ втиши
Свой духъ, судьбой не побѣжденный, —

Пускай покажетъ предъ толпой,
Что презрѣлъ онъ ея кумиры,
Что чуждъ всегда ей былъ душой,
Что межъ людей онъ былъ, какъ сирый!...[1])
. . . .

СОНЪ.

Я видѣлъ страшный сонъ. Мнѣ снилось,
Что я по площади бродилъ;
Народа тьма на ней тѣснилась
И къ тучамъ говоръ восходилъ.
У всѣхъ угрюмы были лица
И въ вопль сливались голоса;
Рыдала цѣлая столица
И укоряла небеса.

---

[1]) Остановившись на этомъ стихѣ, авторъ говоритъ, что не окончилъ стихотворенія потому, что задумалъ другое, которое и слѣдуетъ здѣсь. Но мы всетаки помѣстили и это, какъ выражающее его настроеніе въ важную минуту перелома всей судьбы его, въ эпоху перехода его съ гражданской службы на ученое поприще.

«Здѣсь — Духъ шепнулъ мнѣ — рынокъ счастья;
Сюда приходятъ добывать
Сребра, честей и сладострастья;
Сюда — душою торговать». —
«Зачѣмъ же съ воплемъ и слезами
Они толпятся вкругъ меня,
Съ богатствомъ ходятъ бѣдняками,
Безбожно жребій свой кляня?» —

«Затѣмъ, — шепнулъ мнѣ Духъ — что злоба,
Коварство, зависть, клевета
Грызутъ, какъ червь добычу гроба,
Ихъ грудь, гдѣ хладъ и темнота!
Затѣмъ, что здѣсь — вертепъ разврата,
Гдѣ сверженъ Истины алтарь,
Любовь и Дружба — лишь для злата,
Одинъ порокъ — всесильный царь!» —

«О, горе! здѣсь душѣ кладбище!»
Воскликнулъ я, оцѣпенѣвъ:
«Въ какое мрачное жилище
Меня забросилъ Божій гнѣвъ!
Я не могу любить порока, —
Добро и правду я люблю;
Я все, что свято и высоко,
Какъ рая лучъ — въ груди таю».

«Ты можешь маніемъ Десницы
Все измѣнить, о мой Судья!
Расторгни-жъ стѣны сей темницы,
Дай выйти къ Солнцу бытія!»

Я палъ — и мгла сошла на землю,
И громъ раздался съ высоты;
Замолкъ — я робко взоръ подъемлю,
Встаю..... о чудо красоты!....

Какая дивная картина
Открылась мнѣ со всѣхъ сторонъ!
Я на горѣ; внизу равнина,
Вотъ океанъ, вотъ небосклонъ.
О, гимнъ таинственный Природы!
Въ какую музыку слили
Лазурь небесъ, земля и воды
Живыя прелести свои!

Все было тихо; день былъ знойный;
Въ лѣсу ни листикъ не дрожалъ;
И синій океанъ спокойно,
Какъ спящій левъ, въ брегахъ лежалъ,
Небеснымъ пламенемъ облитый,
Сверкалъ, какъ гривой золотой,
И красовался подъ защитой
Своей завѣсы голубой.

Вдали, какъ бы изъ волнъ возросшій,
Виднѣлся городъ на водахъ,
Но океанъ сей бренной ноши
Не чувствовалъ на раменахъ.
Хребта единымъ потрясеньемъ,
Ее онъ въ бездну-бъ свергнуть могъ,
Но онъ держалъ ее съ презрѣньемъ,
Какъ падшій съ дерева листокъ!

Вдругъ оглянулся я. За мною
Два было новыхъ существа:
Одно — съ плѣнительной красою,
Съ улыбкой ясной божества;
Другое — съ выраженьемъ мира
На грустномъ, полномъ думъ челѣ;
Казалось, изъ другого міра
Они скитальцы на землѣ.

И справа мнѣ предстала дѣва,
Въ рукахъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ;
И юноша предсталъ мнѣ слѣва,
Вѣнокъ дубовый онъ принесъ.
Привѣтно дѣва мнѣ сказала:
«Дарю тебѣ вѣнокъ Любви!»
Она, смѣясь, меня вѣнчала,
Промолвивъ: «Счастіе лови!»

Потомъ и юноша привѣтно
Сказалъ мнѣ: «Милый намъ пришлецъ!
Чтобъ счастья ты искалъ не тщетно,
Я Дружбы сплелъ тебѣ вѣнецъ!»
Умолкли сладкіе ихъ звуки,
Но я недвижимо стоялъ,
И вдругъ простеръ къ обоимъ руки—
И въ ихъ объятія упалъ...

ПОСВЯЩЕНІЕ [1].

Тому, кто въ нашъ холодный вѣкъ
Сберегъ средь общаго разврата,
Средь жажды почестей и злата
Все, чѣмъ возвышенъ человѣкъ;
Тому, кто въ свѣтѣ не для свѣта,
Но для прекраснаго живетъ,
Кто гражданина и поэта
Себѣ вѣнокъ безъ шуму вьетъ;
Тому, чьей дружбы я не стою,
Но кто мнѣ братски руку далъ
Въ тѣ дни, когда я сиръ душою,
Родной души въ пустынѣ звалъ....
Его я сердцемъ именую,
Я тихо имя то шепчу,
Но будто тайну дорогую
Молвѣ довѣрить не хочу.

НА ГРОБНИЦУ МЛАДЕНЦА [2].

Здѣсь ангелъ спитъ. На жизнь земную
Ему лишь мигъ былъ удѣленъ—
И улетая изъ пеленъ,
Земного праха въ жизнь иную
На чистыхъ крыльяхъ не взялъ онъ.

---

[1] Авторъ мысленно посвящалъ *Фритіофа* другу своему Плетневу.
[2] *Современникъ* 1840 т. XVIII, стр. 254.

СТОЛПЪ АНГЕЛА.

Кто въ семъ мѣстѣ воздвигъ, Циклоповъ труды побѣждая,
Будто Атланта скалу однокаменный столпъ?
Равнаго смертные въ мірѣ не знаютъ; небесъ досягая
Ангеламъ самымъ въ подножіе сталъ Исполинъ?—
Братъ здѣсь воздвигъ его Брату, какъ памятникъ вѣчной любови
Къ духу, отшедшему къ горнимъ селеніямъ звѣздъ.
Чтожъ означаетъ сей Ангелъ, тамъ на вершинѣ стоящій
Въ свѣтѣ ѳирномъ, средь златозарныхъ лучей?
Къ небу подъята десница, чело наклонилося долу,
Шуя же змѣя разитъ благодатнымъ крестомъ?
Знай, этотъ Ангелъ—ликъ Брата, чья въ звѣздныхъ селеньяхъ обитель,
Міръ побѣждавшаго съ вѣрою въ духѣ Христа:
Взоромъ прощальнымъ даритъ онъ блуждающихъ здѣсь еще въ скорби,
И указуетъ на небо, отчизну свою.
Имя же... имя не нужно! Вселенная знаетъ, чья воля —
Братская нѣжность поставила памятникъ сей.
Есть лишь единая Братьевъ чета, столь высокая въ мірѣ,
Какъ и столпъ сей единъ безъ сравненья въ своей высотѣ.

ПРИВѢТСТВІЕ [1].

(На обѣдѣ, данномъ русскими литераторами финляндскимъ по случаю празднованія 200-лѣтняго юбилея Александровскаго Университета въ Гельсингфорсѣ).

Сыны племенъ, когда-то враждовавшихъ,
Мы встрѣтились, какъ старые друзья,
На празднествахъ наукъ, толпы созвавшихъ
Въ гостепріимные сіи края,
И не давно-ль божественныя музы
Насъ подлинно сравнили межъ собой?
Привѣтъ-же вамъ! скрѣпимъ святыя узы:
Кто чувствами возвышенъ, тотъ намъ свой.

Здѣсь, на концѣ Россіи исполинской,
Мы руку жмемъ вамъ нынѣ отъ души,
Вамъ, украшенье старой вѣтви финской,
Развившей сладкіе плоды втиши.
Межъ сихъ плодовъ сіяетъ цвѣтъ душистый:
То пѣсенъ даръ, излитый въ вашъ народъ,
Чтобъ радостнѣй являлся брегъ скалистый
И черный боръ и блѣдный неба сводъ.

Хвала тебѣ, о старецъ знаменитый!
На зло лѣтамъ, отъ Готовъ ты притекъ
Въ родимый край, тобой не позабытый,
Чтобъ вновь принять лавровый здѣсь вѣнокъ,

---

[1]) *Соврем.* 1840 т. XX, стр. 17 — 19, въ статьѣ Плетнева «Двухсотлѣтній юбилей Александровскаго Университета». (См. также его Сочиненія, т. I, стр. 440—442), срв. выше Автобіогр. Замѣтки, стр. 34.

Живи, Франценъ![1]) мы помнить будемъ вѣчно
Твой кроткій ликъ, твой внятно-тихій гласъ,
И прочитавъ твой стихъ простосердечный,
«Онъ весь тутъ» мы проговоримъ не разъ.

Какъ вкругъ отца почтительные дѣти,
Вокругъ тебя мы юные сидимъ.
Ты не исчезнешь въ памяти столѣтій:
Гордимся мы присутствіемъ твоимъ.
На поприщѣ, едва начатомъ нами,
Тобой, пѣвецъ, достигнутъ ужъ предѣлъ;
Благослови жъ, покрытый сѣдинами,
Ты нынѣ насъ для свѣтлыхъ думъ и дѣлъ.

О Рунебергъ,[2]) безпечный другъ природы!
Тебя намъ сладко видѣть предъ собой:
Ты русскихъ музъ прекраснѣйшіе годы
Напомнилъ намъ и ликомъ и душой.
Въ твоихъ чертахъ есть что-то намъ родное,
Въ твоей груди любовь и теплота;
Съ участьемъ ты объемлешь все земное,
Но въ мысль твою не входитъ суета.

Ты Ленротъ![3]) Богъ съ тобой въ путяхъ далекихъ,
Гдѣ ты свершаешь подвигъ вѣковой!
Прямой мудрецъ! въ своихъ лѣсахъ глубокихъ
Умѣешь ты пренебрегать молвой.

---

[1]) Знаменитый шведскій поэтъ, еписк. Гернесандскій, финляндскій уроженецъ, увѣнчанный на юбилеѣ 1840 года — магистерскимъ лавровымъ вѣнкомъ (черезъ 52 года послѣ перваго увѣнчанія).

[2]) Славный финляндскій поэтъ († 1877).

[3]) Знаменитый собиратель финскихъ народныхъ пѣсенъ, открывшій эпосъ *Калевалу* († 1884).

Домашній кровъ тебѣ давно былъ тѣсенъ:
Изъ школы ты съ клюкою въ степь побрелъ;
Ты ничего не жаждалъ, кромѣ пѣсенъ
И съ кантелой въ рукахъ назадъ пришелъ.

И вы, сподвижники сихъ трехъ избранныхъ!
Богъ помочь вамъ въ возвышенныхъ трудахъ!
Ихъ мзда—не шумъ похвалъ непостоянныхъ,
Но жатва истинныхъ, душевныхъ благъ!
Счастливцы! здѣсь, среди гранитовъ мшистыхъ
Корысти червь не пожираетъ васъ,
И чуждый вѣку жаръ стремленій чистыхъ,
Спасительный межъ нами не погасъ.

Друзья! нальемъ огнистой влагой чаши
И весело подымемъ ихъ къ устамъ.
«Да здравствуютъ» воскликнемъ, «братья наши
По сѣверу и девяти сестрамъ».
Отнынѣ намъ милѣе Финновъ скалы;
Да будетъ ввѣкъ сей край благословенъ!
Ура! осушимъ полные бокалы
За дружество полуночныхъ Каменъ.

КРАСАВИЦА

изъ Рюккерта.

Что ни вздумаю. — все дивно.
Дивны всѣ мои дѣла:
Люди шепчутъ безпрерывно:
«Какъ она мила!»

Этотъ хвалитъ ростъ и плечи.
Тотъ — глаза. а третій — станъ:
Иль у зеркала нѣтъ рѣчи.
Иль оно — обманъ?

Я, туда взглянувъ. открою
Сто разъ болѣе сама.
Чѣмъ всѣ тѣ. кого собою
Я свожу съ ума.

Ахъ, меня-бъ вы услаждали
Похвалами безъ конца.
Лишь-бы въ нихъ не забывали
Сердца для лица!

Для лица у всѣхъ готова
Дань похвалъ; вся честь — ему:
Но никто не скажетъ слова
Сердцу моему!

ЭКСПРОМПТЪ.

(на заданныя риѳмы).

Поэзіи полны и благовонный *садъ*,
И темный лѣсъ, и громкій *водопадъ*,
Но мнѣ дороже ихъ сердечная *слеза*:
Мнѣ въ ней сто разъ понятнѣй *небеса*.

О, ежели въ душѣ твоей горитъ
Жаръ творчества и жажда пѣснопѣній,
И тайный гласъ въ ней громко говоритъ,
Что созданъ ты для сладкихъ вдохновеній,
Ты въ сѣнь свою смиренно отойди,
И тамъ, презрѣвъ мірскихъ заботъ тревогу,
Пустынный храмъ искусства учреди
И въ немъ поставь алтарь святому богу,
И содержи на жертвенникѣ тамъ,
Пока живешь, огонь неугасимый,
И будь ты жрецъ въ трудѣ неутомимый
И помни: твой пріютъ есть храмъ!
. . . .

КЪ ***

Какъ счастли́ва ты, Заира!
Ты прекрасна и умна;
Всѣ прямыя блага міра
Обняла твоя весна,
И сіяя льется съ ними,
Какъ потокъ, который мчитъ
Злато съ волнами своими,
Не дробяся о гранитъ.
Нашъ гранитъ — то свѣтъ коварный,
Но его не знаешь *ты;*
Будто звѣзды, лучезарны
Думы, чувства и мечты,
Восходящія на чистый
Небосклонъ души твоей.
Какъ весной цвѣтокъ душистый
Средь полуночныхъ полей,
Всѣхъ счастливишь ты сіяньемъ
Взоровъ быстрыхъ, огневыхъ,
Всѣхъ живишь ты обаяньемъ
Яркихъ прелестей своихъ.
Зависть предъ тобой нѣмѣетъ,
И послушной клеветы
Въ первый разъ призвать не смѣетъ
Къ омраченью чистоты.
Да, съ собою, какъ денница,
Жизнь и радость ты ведешь:
Безъ короны ты—царица
Всѣхъ къ ногамъ своимъ влечешь.
Взглядомъ — ты вѣнцы даешь.....

Безъ короны? нѣтъ, Заира,
Ты блестишь въ вѣнцѣ златомъ;
Два въ немъ чудные сапфира,
Красота и юность — въ немъ!

. . . .

Но придутъ иные годы:
Время, сей нещадный жнецъ,
Въ дни осенней непогоды
Истребитъ и тотъ вѣнецъ.
О Заира, чтò тогда ты
Обрѣтешь въ самой себѣ
Для замѣны той утраты,
Для услады въ той судьбѣ?
Жалко думать! статься можетъ,
Скорбь иль суетная страсть
Грудь твою тогда встревожитъ,
И возьметъ надъ сердцемъ власть!
Нѣтъ, я знаю: ты богата
Не одной красой лица,
Не страшна тебѣ утрата
Только тлѣннаго вѣнца!
Лишь лелѣй ты непрестанно
Духа свѣтлую красу,
Какъ вѣнокъ благоуханный,
Милымъ поданный въ лѣсу;
Береги ты, будто око,
Кладъ сердечной простоты,
Непорочности высокой
Неподдѣльной теплоты!
Чтобъ проживъ часы заката
Солнца прелести твоей,
Не была ты вдругъ объята
Мракомъ безъ его лучей.

Чтобъ, какъ дивную отраду,
Обрѣла ты въ эту ночь
Средь души своей лампаду —
Неба пламенную дочь!

ИЗЪ РУНЕБЕРГА.

О, родимое растенье
Непривѣтливый шиповникъ!
Но я мыслю такъ порою:
Взоръ весны тебя коснется,
Пустишь ты листы и розы,
И другого не найдется
Столь прелестнаго растенья,
Столь любимаго, какъ ты.

О, какъ много во вселенной
Есть нагихъ, терновыхъ стеблей,
И одной любви имъ нужно,
Нужно теплаго лишь взгляда,
Чтобы розами одѣться,
Чтобы стать отрадой всѣхъ.

ДВА ГОДА.

Посмотрите: старый, хилый,
Съ трона Годъ сойти готовъ,
И на близкій одръ могилы
Смотритъ мрачно, хмуря бровь;
А за нимъ уже надъ лономъ

Тайной вѣчности встаетъ
И съ улыбкой и съ поклономъ —
Весь надежда — Новый Годъ.
Здравствуй, юный вѣка сыне!
Съ виду ласковъ ты,—открой:
Что ты намъ готовишь нынѣ,
Что кому несешь съ собой?
Говори: кому веселье
Въ кубокъ жизни ты нальешь,
И кому лишь скорби зелье? —
И кому ты гробъ несешь? —
Но, привѣтливо очами
Лишь мигая, ты молчишь,
И склонясь, мѣшокъ съ дарами
Изъ предвѣчныхъ безднъ влачишь.
Правъ ты, правъ! когда бъ мы знали,
Что несешь ты намъ, — тебя
Мы бъ съ улыбкой не встрѣчали,
Можетъ статься, у себя.
Но теперь мы всей душою
Рады гостю: рой заботъ
Забываемъ предъ тобою
И пируемъ твой приходъ.
Все-жъ намъ жаль, что безъ возврата
Хочетъ смерть у насъ отнять
Твоего сѣдого брата;
Все-жъ намъ жаль его терять,
Потому — что вмѣстѣ съ горемъ
Онъ намъ много счастья далъ,
Потому—что онъ былъ моремъ,
Гдѣ челнокъ нашъ не пропалъ.

Маркизѣ М. А. де-ТРАВЕРСЕ[1]).

Какъ заходящее свѣтило
Готовы скрыться Вы отъ насъ:
Дай Богъ, чтобъ море возвратило
Намъ вскорѣ какъ аврору Васъ!
Чтобъ вновь взошли Вы солнцемъ края,
Чтобъ какъ денницею луна —
Такъ въ Васъ была краса земная
Красой души побѣждена.

ПЕРО [2]).

„...И незабвенъ былъ вечеръ сей
Подъ кровомъ набожныхъ людей;
Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Здѣсь добрый Ангелъ пировалъ.
. . . .
Такъ чудно было, такъ свѣтло!"

Вечеръ на Рождество, Рунеберга.

Вчера таинственно влетѣло
Ко мнѣ прекрасное перо,
И стебль его изъ кости бѣлой,
И сталь внизу и серебро.
Вверху, подъ склономъ расширеннымъ,
Есть краткій стихъ и точекъ рядъ —
И много чувствамъ умиленнымъ
Слова простыя говорятъ.
Тамъ въ чуждыхъ звукахъ я читаю
«Такъ было весело, свѣтло!....»
И дивный Вечеръ вспоминаю
И вижу Ангела чело.

---

[1]) На готовившійся отъѣздъ ея въ Петербургъ, состоявшійся въ началѣ 1841 г. (см. ниже относящіяся къ нему стихотворенія 1841 года).

[2]) По поводу святочнаго подарка (юлклапа), по финляндскому обычаю, подброшеннаго автору отъ неизвѣстнаго. Напеч. въ *Соврем.* 1841 г., т. XXI, стр. 222—224.

Но кто же ты, кто такъ прекрасно
Мнѣ вѣсть участья нынѣ шлешь,
И одобренья знакъ такъ ясно
И такъ умно мнѣ подаешь?
Кто бъ ни былъ ты—счастливъ подаркомъ,
Я за него благодарю!
Когда въ уборѣ пестро-яркомъ
Вдругъ посѣтилъ онъ сѣнь мою,
Казалось въ вечеръ тотъ священный
И у меня былъ Ангелъ: да,
То будетъ «вечеръ незабвенный»
Въ моемъ жилищѣ навсегда!...

Кто бъ ни былъ ты, прими въ отплату
Дань этихъ первыхъ строкъ пера,
Тобою поданнаго брату
Съ завѣтомъ Правды и Добра.
О, я завѣтъ сей принимаю:
Я передъ Ангеломъ благимъ
Добру и Правдѣ обѣщаю
Всегда служить перомъ моимъ!
И если я обѣтъ нарушу,
И если низости змѣя
Когда-нибудь вползетъ мнѣ въ душу
И развратится рѣчь моя,
Пускай мой бѣлый гость обратно,
Къ тебѣ умчится, помрачась,
И стихъ исчезнетъ благодатный
И Ангелъ скроется изъ глазъ!..

Но нѣтъ, — я не страшусь паденья!
Когда душой дремать начну
Во мглѣ тоски или сомнѣнья,
Лишь на перо твое взгляну,

Прочту завѣтныя три слова,
Блеснетъ мнѣ Ангела чело —
И у меня на сердцѣ снова
«Такъ станетъ весело, свѣтло!»
. . . .

1841 г.

Маркизѣ М. А. де-ТРАВЕРСЕ[1]).

Изъ краевъ сихъ безмятежныхъ,
Изъ среды сестеръ своихъ,
Отъ утесовъ нашихъ снѣжныхъ,
Отъ заливовъ ледяныхъ,
Вы на новыя забавы
Улетите въ край другой,
Въ исполинскій, величавый
Градъ, стоящій надъ Невой.
Берегитесь: край болотный!
Градъ отравой напоенъ!
Не ввѣряйтесь беззаботно
Жизни, къ коей манитъ онъ.
Не берите жадно чаши,
Разносимой спѣсью тамъ, —
Иль уста поблекнутъ ваши,
Приложась къ ея краямъ!

Есть тамъ много дѣвъ цвѣтущихъ
И красавцевъ молодыхъ,
Пѣснь хваленья имъ поющихъ
И вздыхающихъ о нихъ;

[1]) *Соврем.* 1841 г., т. XXI, стр. 236—237.

Но подобной Вамъ межъ ними
Ни одной, быть можетъ, нѣтъ:
Сколько чарами своими
Вы одержите побѣдъ!
О, внимайте осторожно
Лепетанью красныхъ словъ!
Много прелести въ нихъ ложной,
Мало въ нихъ души слѣдовъ!

Удаляясь, прочь веселье
Вы уносите отъ насъ;
Но мы вѣримъ: новоселье
Не измѣнитъ въ сердцѣ Васъ,
И столичныя тревоги
Испытавъ, но не любя,
Вы чрезъ бѣлыя дороги
Возвратите намъ — *себя*[1]).

---

[1]) Это стихотвореніе дошло до слуха Наслѣдника Цесаревича Александра олаевича и онъ шутя сказалъ Мятлеву, чтобъ онъ отвѣчалъ на него и заилъ Петербургъ. Мятлевъ отвѣчалъ слѣдующими двумя стихотвореніями:

Ужель ты вѣришь наговорамъ
Сплетеннымъ Финнами на насъ,
Своимъ повѣрь ты лучше взорамъ,
Они и здѣсь святой указъ.
Когда назадъ головку бросишь
И королевой поглядишь,
Себя любить ты насъ не просишь,
А ты любить себя велишь.
И мы, покорствуя закону,
Какъ ни ужасенъ нашъ морозъ,
Надѣли на тебя корону
Изъ самыхъ лучшихъ нашихъ розъ.

—

Ахъ правда ли ce qu'on a dit,
Что въ Чухляндью ужъ mardi
По бѣлой дикой ихъ дорогѣ
Рѣшились и давай Богъ ноги.
Что за поспѣшность? лишь amorce
Вамъ представляетъ Гельсингфорсъ.

ОТВѢТЫ МЯТЛЕВУ.

Исправленіе.

Нѣтъ, нѣтъ: я болѣе не стану
Ихъ пышный городъ порицать;
Я вижу, вопреки туману,
Въ которомъ имъ пришлось дышать,
Въ нихъ чувство есть — вкусъ вѣрный, тонкій;
Имъ красоту дано цѣнить,
И будь богиня хоть Чухонкой,
Они готовы положить
Предъ ней сердца, отдавшись плѣну,
И будто Греки, за Елену
Войну всѣмъ Финнамъ объявить.

Какихъ похвалъ, рукоплесканій,
Какихъ восторговъ, восклицаній
Еще Вамъ нужно,—что за спѣхъ?
Вскружили голову у всѣхъ,
Мы всѣ Вамъ жертвуемъ сердцами.
Въ любви имъ не сравниться съ нами.
Чухонцы могутъ ли любить?
Чухонецъ масло можетъ сбить,
Салакушку скоптить прекрасно,
А чтобы полюбить такъ страстно,
Какъ въ Петербургѣ,—мудрено.
Имъ это чувство не дано.
Въ нихъ не бряцаетъ эта струнка.
Ихъ пища кислая фильбунка, *(простокваша)*
Они вамъ скажутъ: *мюке бра*! *(очень хорошо)*
И тѣмъ убьютъ уже бобра,
А болѣе и не просите,
Но здѣсь Вы только посмотрите
Царицей, и мы всѣ горимъ
Всѣ про любовь Вамъ говоримъ.
Останьтесь здѣсь-же *вакра флика*, *(хорошенькая дѣвушка)*
Мы благодарны будемъ *мюке*
И всѣ мы закричимъ вотъ такъ:
Такаре мюкастъ, такъ, такъ, такъ! *(премного благодаримъ)*

Чухонецъ я, согласенъ въ томъ съ поэтомъ,
Но если правъ онъ въ этомъ,
То долженъ называть Чухонкою и ту,
Чью воспѣваетъ красоту:
Я ей землякъ — она подобно розѣ,
На финскихъ льдахъ цвѣтетъ, какъ въ парникѣ,
А я готовъ въ стихахъ и въ прозѣ
Писать на всякомъ языкѣ
О рѣдкомъ сѣверномъ цвѣткѣ.

ОТВѢТЪ.[1]

Знáю: городъ вашъ богатъ
Не одной красой наружной;
Посреди его палатъ,
Въ блескѣ пышности ненужной,
Не одна душа горитъ
Страсти пламенемъ высокимъ
И съ сочувствіемъ глубокимъ
Красоту боготворитъ.
Знáю: много и межъ вами
Достохвальныхъ дѣвъ и женъ,
Коихъ видомъ и словами
Самъ я былъ не разъ плѣненъ.
Знаю: не однѣ забавы,
Не пиры лишь милы вамъ:
Много Доблести и Славы
Процвѣтаетъ тихо тамъ,
Гдѣ Петра орелъ двуглавый
Родился грозой врагамъ.

---

[1] Написано въ отвѣтъ на сообщеніе Плетнева автору въ одномъ изъ семъ, что въ свѣтскихъ салонахъ «дамы шутя его побраниваютъ» за его падки на Петербургъ.

И возможно ли иное
Даже вздумать намъ, когда
Все величіе земное—
Сила, Доблесть, Красота,
Всѣмъ въ примѣръ, сошлись у трона
Въ градѣ царственной Невы,
Гдѣ весь міръ дивитъ корона
Первой на землѣ Главы?

Знаю, другъ: вашъ городъ чуденъ!
Но тревогою своей
Онъ, хоть пышенъ, многолюденъ,
Не манитъ души моей!
Воздухъ, вкругъ тебя разлитый,
Вѣрь мнѣ, милый, — суета:
Отъ нея вамъ нѣтъ защиты,
Его дань со всѣхъ взята.
Вѣчнымъ шумомъ и волненьемъ
Изъ столицы изгнана
Съ дорогимъ уединеньемъ
Дорогая тишина.
Ихъ искалъ я.... Брось же взоры,
Милый другъ, на мигъ сюда,—
На нѣмыя эти горы,
На сіи пустыни льда:
Видишь,—здѣсь на волѣ, въ мирѣ,
Тѣ изгнанницы живутъ,
И подъ часъ играть на лирѣ
Притекаютъ въ мой пріютъ.
Полюбились мнѣ ихъ гимны:
Не зови-жъ меня отсель,
О мой другъ гостепріимный,
Въ градъ, гдѣ наша колыбель!

БОРГО.[1]

Блаженъ, кто на лонѣ природы заимствуетъ у нея любовь, слова и голосъ; блаженъ, кто въ странствіи своемъ не забылъ родного языка, онъ живетъ лишь грезами и говоритъ, что́ ему грезится, но, самъ того не зная и не стѣсненный правилами, онъ видитъ во снѣ мудрость и говоритъ пѣснями.

Рунебергъ. (*Дроздъ*).

Вдоль тѣсныхъ улицъ грустно-безмятежныхъ,
Я въ сумерки блуждаю одинокъ;
Съ утра метель, и межъ сугробовъ снѣжныхъ
Потерянъ слѣдъ проложенныхъ дорогъ.
По сторонамъ угрюмыя жилища,
Гдѣ ранняго огня не тратитъ лѣнь;
Далеко вкругъ безжизненность кладбища;
Порой лишь путникъ промелькнетъ какъ тѣнь,
Иль тощій песъ залаѐтъ за калиткой,
Иль колокольчикъ вдругъ задребезжитъ,
Снѣгъ заскрипитъ подъ грузною кибиткой,
И конь, ее влекущій, пробѣжитъ....

Я здѣсь чужой, и гостемъ въ эти домы
Я не вхожу, и люди, въ ихъ стѣнахъ
Живущіе, со мною незнакомы;
Природа спитъ, нѣтъ радости въ поляхъ.
Но отчего жъ, хотя однообразно
Я дни веду въ сей мертвой тишинѣ,
Порой за книгою, но чаще праздно—
Такъ весело съ утра до ночи мнѣ?
Здѣсь есть поэтъ. Въ его пріятной сѣни
Я хороню крылатые часы;
Вокругъ него толпится рой видѣній,
Исполненныхъ привѣтливой красы.

---

[1]) *Соврем.* 1841 г. т. XXII, стр. 176—180. Сочинено въ г. Борго, гдѣ Я. К. гостилъ въ нач. 1841 г. у поэта Рунеберга.

Мудрецъ, отъ бурь житейскихъ удаленный,
Свой міръ онъ носитъ въ глубинѣ души,
Чудесный міръ, съ которымъ, вдохновенный,
И счастливъ онъ и гордъ въ своей глуши.
Но, самъ собой не полнъ въ уединеньи,
Онъ пламенно сочувствуетъ всему,
Что намъ Господь явилъ въ своемъ твореньи,
Что родственно иль сердцу иль уму.
Люблю съ нимъ весть живые разговоры,
Когда какъ искры сыплются слова,
А за-одно съ словами блещутъ взоры
И грудь кипитъ и пышетъ голова.....
За часомъ часъ несется непримѣтно:
Незванымъ гостемъ вдругъ подходитъ ночь....
Но дня не жаль: онъ прожитъ былъ не тщетно,
Когда ко сну иду я веселъ прочь.

Поэзія! непризнанное свѣтомъ,
Но мощное, святое божество!
Какъ въ бытіи, тобою не согрѣтомъ,
Должно быть все и блѣдно и мертво!
Но тамъ, гдѣ ты алтарь свой утверждаешь,
Хотя бъ то было въ царствѣ хладной тьмы,
Своей небесной силой побѣждаешь
Ты даже власть убійственной зимы.
О смертные! о родъ неблагодарный!
Когда жъ поймете вы, что все, чѣмъ дни
Для васъ порой бываютъ лучезарны,
Немилой вамъ поэзіи сродни?
Когда же вы поэта оцѣните?
Весна и радость, юность и любовь,
Все, отъ чего восторгомъ вы дрожите,
Все, что волнуетъ сладко вашу кровь,
Все то живой поэзіи владѣнье!

За что жъ поэта ненавидитъ вѣкъ?
Ужель и впрямь такъ тяжко преступленье,
Что онъ—въ чистѣйшемъ смыслѣ человѣкъ—
Онъ, торжество природы и науки,
Тревожимый творящей теплотой,
Для васъ невольно облекаетъ въ звуки
Міръ красоты, блестящій, но нѣмой?

Такъ, мрачный Борго, лишь своимъ поэтомъ
Ты радовалъ меня; ты озаренъ
Какъ будто былъ какимъ-то чуднымъ свѣтомъ:
Мнѣ посреди тебя являлся *онъ*,
Какъ страннику, бродящему въ пустынѣ,
Цвѣтущій сиро надъ песками злакъ,
Какъ въ тьмѣ полночной на морской пучинѣ
Пловцу—вдали сверкающій маякъ.
. . . .
Теперь прости, пріютъ, хотя печальный,
Но милый мнѣ! Твой сумракъ покидать
Мнѣ право жаль. Прими жъ мой вздохъ прощальный;
Богъ вѣсть, когда увидимся опять!
Прости и ты, мой милый *братъ по чашѣ!*
Благодарю за дружескій пріёмъ!
Благослови, какъ пастырь, братство наше:
Пусть богъ любви хранитъ твой тихій домъ.
Прости, мудрецъ и строгій и безпечный!
Сто лѣтъ живи, мой добрый хлѣбосолъ!
Благослови мой стихъ чистосердечный!
Богъ пѣсенъ пусть хранитъ тебя отъ золъ!

Но для чего прощаюсь я съ тобою?
Не самъ ли ты, чуть встанетъ новый день,
Какъ я, помчишься къ западу съ женою,
Ввѣряя небу дорогую сѣнь

Съ толпой малютокъ, на недѣлю сирой,
Съ пенатами наслѣдственными ихъ
И наконецъ съ висящей въ розахъ лирой,
Вновь жаждущей звучать въ рукахъ твоихъ.
Ты помнишь, братъ мой: завтра день воскресный;
Счастливый путь сулитъ *Надежда* [1]) намъ.
Предчувствую: то будетъ день чудесный!
Отъ скалъ окружныхъ въ вашъ старинный храмъ
И шведъ и финнъ потянутся гурьбою,
А мы въ негрѣющемъ сіяньи дня
Покатимся надъ снѣжной пеленою,
Съ холма на холмъ коней своихъ гоня.
Начнутъ мелькать надъ бѣлою пустыней
То красный столбъ, дорогъ вѣщунъ нѣмой,
То елей пестрый рядъ: пушистый иней
Блеститъ надъ ихъ зеленой бахромой.
Межъ тѣмъ, какъ вихрь мы будемъ мимо мчаться.
Но прежде насъ свой путь окончитъ день,
И станутъ сумерки къ землѣ спускаться,
И вмѣстѣ съ вечеромъ мы вступимъ въ сѣнь
Утесистой и дѣвственной столицы —
Ты — чтобъ безсмертью скромно передать
Новорожденное дитя цѣвницы[2]);
А я.... Богъ вѣсть, чего мнѣ ожидать!

---

[1]) Таково заглавіе поэмы Рунеберга съ сюжетомъ изъ русской исторіи.

[2]) Рунебергъ везъ тогда въ Гельсингфорсъ для сдачи въ типографію свое новое произведеніе («Надежду»).

ПРИГОВОРЪ [1]).

Когда порой съ горячими слезами
На блѣдный листъ ложатся предо мной
Внушенья сердца мѣрными строками,
Тогда я втайнѣ думаю съ тоской:
Ахъ! въ этотъ мигъ мнѣ данъ языкъ двоякій;
Но лишь слова переживутъ сей мигъ;
А вамъ исчезнуть, пламенные знаки!
Неуловимъ столь ясный вашъ языкъ.
Въ моихъ строкахъ никто васъ не примѣтитъ,
И, можетъ быть, иной, кто ихъ прочтетъ,
Съ усмѣшкой на вопросъ о нихъ отвѣтитъ:
«Стихъ гладокъ, но и холоденъ, какъ ледъ».

ОПАСЕНІЕ [2]).

Не смерти я страшусь, не жизненныхъ тревогъ,
Блаженъ удѣлъ того, кто въ гробъ заранѣ легъ:
Надежной пристанью наречена могила.
Въ житейскихъ скорбяхъ есть спасительная сила,
Въ нихъ сердце бдительнѣй блюдетъ само себя,
Усерднѣе молясь и пламеннѣй любя.
Но я порой страшусь той жизни безотрадной,
Когда мы на землѣ блуждаемъ тѣнью хладной;
Когда ни радости, ни страсти, ни мечты
Уже не населятъ душевной пустоты,
Какъ бы въ развалину все сердце превратилось,
Любить, надѣяться и вѣрить разучилось!
Вотъ истинная смерть... смерть въ жизни: что предъ ней
Забвенье бытія — и горе отъ людей?

---

[1]) *Современникъ* 1841 г., т. XXII, стр. 186.
[2]) *Современникъ* 1841 г., т. XXII, стр. 190.

ЖРЕБІЙ [1]).

О, не ропщи на свой удѣлъ,
Когда онъ созданъ не тобою,
Когда не самъ своей рукою
Ты ткалъ бѣду изъ нити дѣлъ!
Пути судьбы покрыты тайной;
Но если вѣришь въ Божество,
Вѣрь также: въ жизни чадъ Его
Ничто не можетъ быть случайно!

Но плачь и сѣтуй о себѣ,
Когда ты знаешь въ дни несчастій,
Что самъ, покорный клику страсти,
Ты былъ отцомъ своей судьбѣ.

ВОПРОСЪ [2]).

Что прекраснѣе, друзья,
Что: наука иль искусство?
Что въ державѣ бытія
Сановитѣй — умъ иль чувство?
Кто: ученый ли сухой,
Иль художникъ вдохновенный
Заслужилъ, чтобъ родъ людской
Звалъ его царемъ вселенной?

---

[1]) *Современникъ* 1841 г., т. XXIII, стр. 166.
[2]) *Современникъ* 1841 г., т. XXIII, стр. 177.

Посмотрите вкругъ себя,
Посмотрите на творенье:
Въ немъ Отецъ, дѣтей любя,
Самъ рѣшилъ намъ то сомнѣнье.
Книгу мудрости Его
Развернемъ съ благоговѣньемъ:
Что найдетъ въ ней взоръ того,
Кто читаетъ съ размышленьемъ?
Что въ *природѣ* онъ прочтетъ—
Только ль мертвую систему
Или полную красотъ,
Дивно-звучную поэму?

НОВЫЙ ДОМЪ [1]).

(Изъ Уланда).

Посвящено А. Веттергофу.

Вотъ новый домъ; но онъ стоитъ
Еще безъ стѣнъ и не покрытъ;
Дождю и свѣту солнца онъ
Отверзтъ еще со всѣхъ сторонъ.
Помолимся жъ Отцу добра,
Да Онъ съ небеснаго шатра
Лишь миръ и счастіе съ добромъ
Пошлетъ на сей открытый домъ.
Пусть въ кладовыя напередъ
Онъ изобиліе пошлетъ;
Пусть благочестіе и трудъ
Въ покои новые сойдутъ;
Пусть кухнѣ чистоту, расчетъ—

---

[1]) *Современникъ* 1841 г., т. XXIV, стр. 70.

Здоровье стойламъ Онъ пошлетъ,
А винамъ въ погребѣ — лѣта!
Пусть окна всѣ и ворота
Онъ освятитъ, чтобъ не могло
Чрезъ нихъ пройти какое зло,
И чтобъ изъ новыхъ сихъ дверей
Малютка выбѣжалъ скорѣй!
Теперь весь домъ благословенъ:
Эй люди! къ окончанью стѣнъ!

17-го апрѣля 1841 г. [1]).

(На бракосочетаніе Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича съ Маріей Александровной Гессенъ-Дармштадской).

Намъ Александра и Маріи
Давно священны имена;
Союзъ ихъ памятенъ Россіи
Благословляетъ ихъ она:
Ахъ, звукъ ихъ сердцу знаменуетъ
И миръ, и благость, и любовь!...
О, пусть же нынѣ Русь ликуетъ:
Ихъ сочетало небо вновь
Предъ свѣтлымъ трономъ Николая,
Какъ будто въ сладкій намъ залогъ,
Что охранять родного края
Ввѣкъ не устанутъ Царь и Богъ!

---

[1]) Напечатано было въ *Finlands Allmänna Tidning* 1841 г., мая 1-го, № 99, и отдѣльными оттисками. Наслѣдникъ былъ канцлеромъ Александровскаго университета.

И вы пируйте съ нами, финны!
Васъ любятъ русскіе Цари,
Храня обычай вашъ старинный
И вашихъ предковъ алтари.
Помолимся о Царскомъ Сынѣ,
Покровѣ древнихъ нашихъ Музъ,
И о младой Его Княгинѣ, —
Да процвѣтетъ святой союзъ!
Мужай, мужай, Петра потомокъ,
И дѣтямъ нашимъ возсіяй
Равно могущъ и славой громокъ
И мудръ, и благъ, какъ Николай!

ДРУЖБА и ЛЮБОВЬ.

Дружда весело и гордо,
И съ подъятой головою,
И съ лицомъ всегда открытымъ
Межъ людьми идетъ по свѣту.
Твердъ у ней и громокъ голосъ,
Не таитъ она стыдливо
Ею связанныхъ именъ.
А любовь съ поникшимъ взоромъ
Тихо крадется межъ нами,
Вся завѣшена покровомъ,
Изъ-подъ коего лишь робко
Иногда глядитъ, въ заботѣ,
Чтобъ никто ее не видѣлъ.
И молчитъ она, и только
Съ томной нѣгою вздыхаетъ,
Или шепчетъ осторожно
Имя тайное порою;

И когда ее внезапно
Кто-нибудь чужой замѣтитъ,
Или имя то предъ нею
Неожиданно промолвитъ,
Прячетъ ликъ она, краснѣя,
И задернувъ покрывало,
Невидимкой станетъ вмигъ.
Дружбѣ милы день и солнце,
Но любовь они пугаютъ,
Ей милѣе ночь и мѣсяцъ —
Отъ чего же, отъ чего?

СѢВЕРНОЕ СІЯНІЕ [1])

Закатилось солнце золотое,
Спрятавъ ликъ въ густыя облака;
Стелетъ мглу на небо голубое
Зимней ночи хладная рука.
Надъ снѣгами я стою уныло
И на тучи взоръ поднявъ, грущу,
Что погасло дивное свѣтило,
Что и звѣздъ напрасно я ищу.
Вдругъ на небѣ что-то запылало:
Льется, вьется пламя. Что за видъ!
Какъ оно прелестно, нѣжно, ало,
Какъ оно привѣтливо блеститъ!
Здравствуй, здравствуй! Сѣвера сіянье,
Ужъ не жаль мнѣ солнца моего,
Ты мнѣ вновь даришь очарованье,
Ты чуднѣй полудня самого.

[1]) Это стихотвореніе составляетъ переработку другого подъ заглавіемъ «Герда» (не бывшаго въ печати), о которомъ идетъ рѣчь въ издаваемой перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, въ мартѣ 1841 года.

Слишкомъ пышенъ Царь огнекудрявый
Въ ослѣпительной красѣ своей,
Слишкомъ гордъ, онъ жаждетъ только славы,
Хочетъ хвалъ, вниманья всѣхъ очей.
И какъ дѣва, онъ не чуждъ обмана:
Отходя съ обѣтомъ сладкимъ прочь,
Онъ назадъ приходитъ средь тумана,
Рядомъ съ нимъ сидитъ на небѣ ночь.

Ты, сіянье, робко лишь какъ дѣва,
Ты являешься, когда все спитъ,
Ты не ждешь хвалебнаго напѣва,
Я въ твоемъ румянцѣ вижу стыдъ.
И не многимъ веселишь ты очи:
Лишь цѣнитель истинной красы,
Жертвуя тебѣ мечтами ночи,
На тебя глядитъ въ ея часы.
Лишь поэтъ надъ снѣжною поляной,
Гдѣ на дивно-чистой бѣлизнѣ
Отражается твой блескъ румяный,
Пѣснь тебѣ заводитъ въ тишинѣ.
Но въ сей пѣсни, трепетно-привѣтной,
Онъ тебя боится называть,
Чтобъ хвалой своей, чтобъ славой тщетной
Скромности твоей не испугать.

1845 г.

ПѢСНЬ ФИНСКАГО СТРѢЛКОВАГО БАТАЛІОНА [1]).

(съ шведскаго).

О, день счастливый, незабвенный!
Какою новою красой,
Для сердца воина священной,
Ты увѣнчалъ нашъ вѣрный строй!
Мы Александра имя нынѣ
Твердимъ, усердіемъ горя.....
Да, братья! весело дружинѣ,
Когда Вождемъ ей Внукъ Царя.

Младенецъ Царственный не можетъ
Еще поднять тяжелый мечъ;
Но время и Ему поможетъ
Чело въ цвѣтущій лавръ облечь.
Онъ оживится духомъ Дѣда,
И — блескомъ славы насъ даря, —
Намъ будетъ спутницей побѣда
Съ Тобой, о Вождь нашъ, Внукъ Царя!

Твоимъ призывомъ окрыленный
Въ святой за родину борьбѣ,
Сынъ брани, кровью обагренный,
Еще подыметъ взоръ къ Тебѣ.

---

[1]) Написана по поводу назначенія новорожденнаго великаго князя, въ Бозѣ почившаго Императора Александра Александровича шефомъ финскаго стрѣлковаго баталіона. Напечатано въ *«Звѣздочкѣ»* (ст. возр.) 1845 г., т. XVIII, стр. 100.

Всѣ за Тебя мы пасть готовы,
Всѣ, жребій свой благодаря,
И сокрушится врагъ суровый,
За тѣмъ, что Вождь нашъ Внукъ Царя!

Въ добрѣ и въ правдѣ воспитаетъ
Тебя Отецъ Державный Твой,
О Александръ! да возблистаетъ
Красою дѣлъ Твой путь земной!
Да здравствуешь! Твоя намъ младость
Надеждъ прекраснѣйшихъ заря;
Да много лѣтъ поемъ мы радость,
Что намъ Вождемъ данъ Внукъ Царя!

1846 г.

ОТВѢТЪ МОЛОДОМУ ПОЭТУ [1]).

Я прочиталъ отвѣтъ твой торопливый:
Въ немъ звуки есть, ласкающіе слухъ;
Но не открылъ мнѣ твой куплетъ игривый,
Глубоко ли проникли въ юный духъ
Сердечные, хоть строгіе совѣты...
И вотъ опять прибѣгнулъ я къ перу,
Чтобъ стихъ простой, но дружествомъ согрѣтый,
Тебѣ помогъ въ стремленіи къ добру.
Путей къ нему, мой милый, въ жизни много;
Но до него доходимъ мы вѣрнѣй,
Идя всегда прямою лишь дорогой.

---

[1]) Обращенъ къ покойному С. Н. Николаевскому. Напеч. въ *«Звѣздочкѣ»* (ст. возр.) 1846 г., т. XX, стр. 191.

Такъ станемъ же безъ выспреннихъ затѣй
И мы съ тобой вести свою бесѣду.
Условимся: надъ всякой суетой
Въ борьбѣ съ стихомъ одерживать побѣду
И въ играхъ риѳмъ повелѣвать собой, —
Чтобъ слову мысль никакъ не поддавалась,
Но правила тирански имъ сама,
И чтобъ съ пера ни буква не срывалась
Безъ вѣдома властителя-ума.
Эпитетовъ услуги не надежны:
Хоть льнутъ они навязчиво къ словамъ,
Но блескъ и шумъ приносятъ часто ложный
И втершись въ рѣчь, лишь дѣло портятъ намъ.
А намъ, мой другъ, не все ли значитъ *дѣло?*
Что намъ въ словахъ? Ты въ глубинѣ души
Обдумалъ ли мои совѣты зрѣло?
Обдумалъ—такъ *на дѣлѣ* покажи.

1847 г.

ВОСПОМИНАНІЕ СТАРИКА [1]).

Въ мой долгій вѣкъ успѣлъ объѣхать я
И многіе и дальніе края,
И видѣлъ я различные народы
И чудеса искусства и природы.
Прекрасное во всякой сторонѣ
Плѣняло духъ, питало жаръ во мнѣ;
Но такъ ничто меня не услаждало,

---

[1]) *Звѣздочка* для старшаго возраста 1847 г., т. XXI, стр. 54—55.

Какъ гдѣ-нибудь въ пезнаемой глуши,
Явленіе возвышенной души,
Трудящейся смиренно въ тѣсномъ кругѣ,
Не вѣдая о собственной заслугѣ.
Какъ жалки мнѣ казались передъ ней
Всѣ гордыя созданія людей,
Предъ ней красу самой природы чудной
Я паходилъ и мертвенной и скудной!
Какимъ тогда казалось счастьемъ мнѣ
Жить для добра, для долга въ тишинѣ,—
Въ глазахъ толпы напрасно не сіяя,
Но вкругъ себя примѣромъ разливая
Отрадный свѣтъ благихъ и чувствъ и думъ,
Да иногда въ заблудшій брата умъ
Бросая лучъ сознанія живого
О прелести достоинства прямого.

1856 г.

ЦАРСКОЕ СЕЛО [1]).

Какъ чуденъ ты пріютъ Царей
Въ красѣ садовъ твоихъ зеленыхъ
И ихъ озеръ и лебедей
Вокругъ чертоговъ золоченыхъ!
Но отчего жъ души моей
Знакомый видъ не услаждаетъ
И весь твой блескъ волшебный въ ней
Одно унынье пробуждаетъ?

---

[1]) *Русская бесѣда*, 1859 г., кн. VI, стр. 6.

Брожу съ невольною тоской
Я по тропамъ уединеннымъ,
Когда-то славною стопой
Екатерины освященнымъ;
Стоите вы на зло годамъ
Столпы, воздвигнутые Ею
Во славу доблестнымъ вождямъ!
Предъ вами я благоговѣю,
Но мыслью грустною смущенъ!
Ищу: гдѣ памятникъ тотъ славный,
Который былъ сооруженъ
Другою волею державной —
Вашъ младшій братъ, тотъ храмъ наукъ,
Который здѣсь задумалъ мирно
Екатерины кроткій Внукъ?
Своей Имперіи обширной
Здѣсь онъ готовилъ новый свѣтъ
Подъ кровомъ самого Престола,
Чтобъ легче въ ней изгладить слѣдъ
Невѣдѣнья и произвола.
Гдѣ-жъ этотъ храмъ, гдѣ нашъ Лицей?
Тамъ въ тишинѣ, вблизи къ природѣ,
Семья веселая друзей
Росла и зрѣла на свободѣ,
Какъ дружно мы, рука съ рукой,
Шли къ предназначенной намъ цѣли!
Какой любовію святой
Мы всѣ къ прекрасному горѣли!
Какъ вѣрный сынъ родной земли
Хранитъ отцовскія сказанья,
Мы какъ святыню берегли
Лицея милыя преданья.
И въ нихъ, какъ дорогой завѣтъ,
Сіялъ намъ образъ величавый:

То былъ безсмертный нашъ поэтъ
Въ лучахъ своей грядущей славы.
О, какъ Лицей гордился имъ!
Казалось, геніемъ поэта
Могучимъ, свѣжимъ, молодымъ,
Вся наша жизнь была согрѣта.
Тамъ отрокомъ игралъ онъ, тамъ
Онъ росъ, какъ богатырь народный,
Не по годамъ, а по часамъ,
А съ нимъ и стихъ его свободный!
Подъ сѣнью рощей тѣхъ густыхъ,
Надъ тѣми свѣтлыми водами
Впервые чудный этотъ стихъ
Пропѣтъ былъ вѣщими устами.
Казалось тамъ, гдѣ нашъ поэтъ
Прошолъ когда-то вдохновенный,
Не исчезалъ горячій слѣдъ
Его ногой напечатлѣнный.
И въ тайномъ шорохѣ аллей
Съ тѣхъ поръ жило какъ-будто эхо
Его пророческихъ рѣчей,
Его ребяческаго смѣха...
О, какъ намъ дорогъ былъ Лицей!
Онъ былъ для насъ зарею ясной
Таинственныхъ грядущихъ дней,
Онъ былъ намъ—родиной прекрасной,
Веселымъ пиромъ бытія,
Гдѣ съ пылкой юношеской кровью
Слилась поэзіи струя!
Онъ былъ намъ — первою любовью...
И въ жизни сталъ онъ навсегда
Путеводящимъ намъ свѣтиломъ...
Но гдѣ-жъ ты, юныхъ лѣтъ звѣзда?
Ищу тебя въ краю намъ миломъ

И что-жъ? Тамъ нѣтъ тебя давно!
Гдѣ ты такъ радостно свѣтилась,
Теперь и пусто и темно!....
Тѣнь Александра омрачилась;
Безъ божества и безъ жрецовъ
Стоитъ угрюмо храмъ забытый,
Среди дряхлѣющихъ дворцовъ
Грозой безвременно разбитый.
Не достаетъ здѣсь одного
Изъ памятниковъ царской славы,
И какъ-то пусто безъ него,
И грустенъ видъ ихъ величавый!

Баронессѣ Ольгѣ Ѳедоровнѣ КОРФЪ
къ 30-му августу 1856 г.

(при поднесеніи ей портрета въ день ея рожденія).

Когда-то въ Вашъ семейный кругъ,
Въ которомъ все дышало счастьемъ,
Былъ принятъ съ лаской и участьемъ
Чужой Вамъ юноша, какъ другъ.
Судьбой ни въ чемъ не избалованъ,
Застѣнчивъ, даже нелюдимъ,
Но чутокъ сердцемъ молодымъ,
Онъ былъ внезапно очарованъ
Сердечной Вашей добротой,
Всей Вашей жизнью домашней
И нрава ясностью всегдашней
И дѣтски-чистою душой.
И жизнь ему съ веселымъ ликомъ
Предстала, Вамъ благодаря,
И путь свой началъ онъ, горя
Мечтой о славномъ и великомъ!
И дорогъ сталъ ему тотъ домъ,

Гдѣ онъ при первой встрѣчѣ съ свѣтомъ
Согрѣтъ былъ дружескимъ привѣтомъ,
Обласканъ, какъ въ дому родномъ....
Прошли года: томимъ желаньемъ
Суровой умственной борьбы,
Довѣрчивъ къ благости судьбы
Влекомъ властительнымъ призваньемъ,
Онъ смѣло сталъ на новый путь.
Въ странѣ и чуждой и убогой,
Чтобъ утолить наукой строгой
Познаній жаждавшую грудь.
Господь Своимъ благословеньемъ
Его дорогу осѣнилъ
И далъ Онъ труженику силъ
Итти впередъ съ одушевленьемъ.
И вдругъ — блаженъ въ своихъ трудахъ,
Въ своемъ отшельничьемъ покоѣ,
Нашелъ онъ счастіе иное,
Невыразимое въ словахъ.

И вотъ съ подругой несравненной
Ужъ онъ опять въ родномъ краю:
Благослови судьбу свою,
Поклонникъ мудрости смиренной!
Тебя увлекъ могучій зовъ
На подвигъ честнаго служенья
Въ великомъ дѣлѣ просвѣщенья
Цвѣтущихъ царственныхъ Сыновъ;
Не взысканъ властью ты опасной,
Но сердцемъ преданъ благу Ихъ,
И не щадишь ты силъ своихъ
Для цѣли чистой и прекрасной!
Пусть будетъ скроменъ твой удѣлъ,
Пусть трудъ твой будетъ незамѣтенъ,

Будь бодръ и вѣрь, что онъ не тщетенъ,
Не гибнетъ жатва чистыхъ дѣлъ!
Люби свой путь; гордись сознаньемъ,
Что въ строгой съ жизнью борьбѣ
Всегда ты вѣренъ былъ себѣ
И словомъ твердымъ и молчаньемъ...

Таковъ и былъ и есть Вашъ другъ:
Пришелъ онъ съ прежнею душою
Въ Вашъ домъ, гдѣ той же теплотою
Все дышетъ вѣрный дружбѣ кругъ.
О, какъ его стѣснило время!
Какъ многихъ въ немъ не достаетъ!
За то какъ зрѣетъ и цвѣтетъ
Межъ тѣмъ поднявшееся племя!
О, пусть оно чтитъ свято бытъ
И нравы старины семейной
И ихъ блюдетъ благоговѣйно,
Какъ гость Вашъ въ сердцѣ ихъ хранитъ!
И вотъ черты его предъ Вами:
Вы въ нихъ найдете ясный слѣдъ
Промчавшихся такъ быстро лѣтъ,
Но вѣрьте — въ немъ самомъ съ годами
Не измѣнилось ничего:
По чувствамъ онъ все такъ же молодъ
И не проникнулъ жизни холодъ
Въ сокрытый міръ души его.

1858 г.

Е. И. В. Государю Наслѣднику НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ [1]).

Въ альбомъ.

Минутный призракъ — жизнь земная,
И блескъ и шумъ ея — обманъ;
Но тайна скрыта въ ней святая,
И смыслъ божественный ей данъ.

Тому, что̀ зритъ плотское око,
Ты легкой вѣры не давай,
Но въ сокровенное глубоко
Духовнымъ взоромъ проникай.

И вѣдай: многое, что̀ низко,
Стоитъ предъ Богомъ высоко,
И часто въ жизни то къ намъ близко,
Чего мы ищемъ далеко.

О, воспитай въ себѣ умѣнье
Въ пучинѣ призраковъ и лжи
Провидѣть истины явленье
Очами зоркими души.

1) *Русскій Вѣстникъ* 1860 г., № 1 и 2, стр. 391.

1859 г.

ДОБРАЯ ПАМЯТЬ[1].

Вѣкъ правды, намъ твердятъ, настал, и вотъ предъ нами
Стоятъ отжившіе и требуютъ суда.
Да воздается же нельстивыми устами
И мертвымъ, какъ живымъ, заслуженная мзда.
Позоръ невѣжеству и горечь укоризны
Всѣмъ, кто ковалъ оковы на умы,
Кто ложью засѣвалъ поля своей отчизны
И будущимъ вѣкамъ готовилъ жатву тьмы!
Но доброй памятью и чистою хвалою
Мы отъ души того признательно почтимъ,
Кто честно велъ борьбу съ неправдой вѣковою
И освѣщалъ пути согражданамъ своимъ.
Кто въ обществѣ еще младенческомъ и новомъ
Будилъ живую мысль иль дѣломъ, иль перомъ,
Того мы не казнимъ враждебно-жесткимъ словомъ,
Но просвѣтителемъ народа назовемъ.
И не смѣшаемъ мы со славою правдивой,
Добытой подвигомъ всей жизни трудовой,
Минутной славы той, и суетной и лживой,
Которою успѣхъ вѣнчается порой.
И не пристанемъ мы къ толпѣ слѣпой и шумной,
Когда въ ребяческомъ забвеніи она
Пятнаетъ весело хулой своей безумной
Не даромъ чтимыя въ народѣ имена.

[1]) *Русск. Вѣстникъ* 1861 г., № 4, стр. 701.

Вы, судьи строгіе достойныхъ доброй славы
На пользу общую трудившихся отцовъ!
Чѣмъ вызванъ противъ нихъ вашъ приговоръ неправый,
За чтó для нихъ всегда укоръ у васъ готовъ?
Вы въ прошломъ ничего не видите святого
И для всего, чтò въ немъ блистало и цвѣло,
Вы носите въ устахъ презрительное слово,
И недостойно васъ все то, чтò отжило!
И благородный трудъ, и лучшія стремленья,
И жизнь, прожитую для чести и добра,
Все рады вы попрать ногой безъ сожалѣнья,
Все зачеркнуть однимъ движеніемъ пера.
Въ дѣлахъ минувшаго никто для васъ не славенъ:
И Петръ Великій малъ и жалокъ Карамзинъ,
И пошлы и смѣшны Жуковскій и Державинъ;
Послѣдній же изъ васъ предъ ними исполинъ.
Скажите же, за что всѣ ваши имъ упреки,
Вы, настоящаго надменные сыны!
Повѣдайте намъ, чѣмъ вы сами такъ высоки
И вами подвиги какіе свершены?.....

Но что за гулъ вдали? Не радостные ль клики,
Какъ будто шумное какое торжество?
То вся Германія свершаетъ пиръ великій
Во славу дивнаго поэта своего!
И въ пирѣ томъ слились, какъ братья, всѣ народы
Во знаменье, что нѣтъ различія племенъ
Въ отчизнѣ красоты и творческой свободы,
Что жертвенникъ искусствъ для всѣхъ равно священъ.
Да служитъ намъ ихъ пиръ примѣромъ и урокомъ!
Народъ разумный чтитъ избранниковъ своихъ;
Вѣнчанныхъ имъ вождей въ прекрасномъ и высокомъ
Онъ цѣнитъ и хранитъ съ любовью память ихъ.
Народу русскому да будутъ тѣмъ дороже,

Тѣмъ выше имена родныхъ его свѣтилъ,
Чѣмъ ими онъ бѣднѣй, чѣмъ онъ въ судьбахъ моложе.
Онъ храму свѣта лишь начало положилъ:
Ужели жъ станетъ онъ, въ отвагѣ безразсудной,
Святого зданія основы разрушать?
Да продолжаетъ онъ степенно подвигъ трудный:
Цѣль юныхъ, бодрыхъ силъ да будетъ — созидать,
Иль безъ слѣда въ вѣкахъ онѣ исчезнутъ сами.
Богатъ наслѣдьемъ лѣтъ, да не глумится внукъ
Надъ неуспѣвшими всего свершить отцами
И имъ вины проститъ во имя ихъ заслугъ,
И если иногда смутится ихъ ошибкой,
Въ нихъ камня за нее не броситъ онъ, какъ врагъ,
Но снисходительно разумною улыбкой
Онъ встрѣтитъ ихъ порой колеблющійся шагъ.

Мои горячія моленья
И вздохи тайные мои
Услышалъ ты, Господь любви,
Ты мнѣ послалъ успокоенье
Отъ угнетающихъ трудовъ,
Ты мнѣ послалъ освобожденье
Отъ убивающихъ оковъ!
О, доверши свое даянье,
Господь, и духъ мой обнови,
Чтобъ плодотворно было знанье,
Ты сочетай съ нимъ жаръ любви,
И всякое страстей алканье

Ты потуши въ моей крови,
И дай мнѣ рвенье и отвагу,
Себя забывъ, для правды жить
И въ ней общественному благу
И дѣломъ и перомъ служить.

КОСМОПОЛИТЪ.

Благородный человѣкъ!
Какъ мила ему Россія!
Для нея дескать на вѣкъ
Бросилъ онъ мѣста родныя.
Русь отъ сердца полюбя,
Для нея—не для себя
Собираетъ онъ рубли
Дорогой ему земли.

Безкорыстный человѣкъ!
Въ жертву русскому народу,
Посвятивъ ему свой вѣкъ,
Онъ принесъ души свободу!
Эту націю любя,
Для нея—не для себя,
Онъ беретъ то перстенекъ,
То россійскій орденокъ.

Благородный человѣкъ!
Въ пользу русской молодежи,
На чужбинѣ весь свой вѣкъ,
Въ школахъ лѣзетъ онъ изъ кожи.

Нашу службу полюбя,
Для нея—не для себя
Онъ ужъ русскій гражданинъ
И приличный носитъ чинъ.

Скромный, честный человѣкъ!
Языкомъ плѣнившись русскимъ,
Пробивается весь вѣкъ
Онъ нѣмецкимъ и французскимъ,
Нравы Руси полюбя,
Въ честь ея, не для себя
Онъ и хвастаетъ, и лжетъ,
И ругаетъ нашъ народъ.

Безкорыстный человѣкъ!
Вотъ, набивъ свои карманы,—
Чтобы дома кончить вѣкъ,
Ѣдетъ онъ въ родныя страны.
Русь отъ сердца полюбя,
Для нея—не для себя
Онъ везетъ съ собой рубли
Дорогой ему земли.

Дальновидный человѣкъ!
Безъ пятна и укоризны
Доживаетъ онъ свой вѣкъ
Въ городкѣ своей отчизны.
Русь по прежнему любя,
Ублажаетъ онъ себя
Русскимъ чиномъ, орденкомъ
И набитымъ кошелькомъ.

1861 г.

ПАМЯТИ ПУШКИНА [1]).

(Въ день пятидесятилѣтія лицея 19 окт.).

Живемъ мы, дюжинные люди,
А генія давно ужъ нѣтъ,
И рвется нынѣ вздохъ изъ груди
Невольно по тебѣ, поэтъ!

Какъ скромный пиръ нашъ былъ бы громокъ,
Когда бъ тебя въ своемъ дому
Сегодня встрѣтилъ твой потомокъ,
И руку бъ ты пожалъ ему!

Но многіе ль на зовъ лицея,
И изъ товарищей твоихъ,
Душою снова молодѣя,
Сошлися въ память дней былыхъ?

О, сколькихъ дѣдовъ, сколькихъ братій
Ужъ смерти ранній зовъ увлекъ
Изъ нашихъ дружескихъ объятій,
И сколькихъ — жизненный потокъ!

И повторимъ мы стихъ поэта:
Кто не пришелъ? кого жъ изъ насъ
Увлекъ мертвящій холодъ свѣта?
И чей умолкъ на вѣки гласъ?

---

[1]) *Русск. Вѣстникъ* 1861 г., № 9, стр. 300—302 (также въ Памятной книжкѣ ксандровскаго лицея).

Онъ не пришелъ, пѣвецъ нашъ славный,
На нашъ полустолѣтній пиръ,
Чтобъ новой пѣснію заздравной
Вдругъ огласить весь русскій міръ.

О, какъ бы шли ему сѣдины!
Какъ былъ бы ясенъ и глубокъ
Подъ ними взоръ его орлиный
И строгихъ думъ полетъ высокъ!

Какъ въ нашу странную эпоху,
Гдѣ вмѣстѣ съ жаждою добра,
Мы видимъ мыслей суматоху,
Не достаетъ его пера!

Какъ онъ умѣлъ бы мѣткимъ словомъ
То разъяснить благую цѣль,
То въ пустозвонѣ безтолковомъ
Щелчкомъ разсѣять блажь и хмѣль;

Смирить надменнаго невѣжду,
Лжеца позоромъ заклеймить,
Иль у глупца отнять надежду
Законы міра измѣнить.

Онъ въ трупъ смердящій и холодный
Не превратилъ бы идеалъ
И чистоту струи народной
Въ искусствѣ свято бъ охранялъ...

И въ пробужденный духомъ вѣка
Животрепещущій вопросъ:
Раба возвысить въ человѣка —
Какъ много свѣта онъ бы внесъ!

Но съ молньей сходенъ пылкій геній:
И страсть, источникъ огневой,
Его чудесныхъ вдохновеній,
Была для Пушкина грозой.

Властитель мощный въ царствѣ слова,
Онъ съ жизнію не совладалъ,
И отъ удара рокового,
Какъ крѣпкій дубъ, мгновенно палъ.

Одною съ нимъ судьбой отмѣченъ
Былъ имъ прославленный лицей:
Онъ былъ, какъ ты, не долговѣченъ,
Пѣвецъ его начальныхъ дней!

Другой лицей теперь пируетъ —
Въ другихъ стѣнахъ; но принялъ онъ
Все то, что прежній знаменуетъ;
Твоей онъ славой осѣненъ.

Благослови же, гость незримый,
Но здѣсь въ сердцахъ у всѣхъ живой,
Еще разъ твой лицей родимый,
И старый вмѣстѣ и младой.

Благослови, чтобъ цвѣлъ онъ сѣнью
Живой науки и труда;
Чтобъ тьма гордыни съ мертвой лѣнью
Ему осталася чужда.

Чтобъ старой жизни новой вѣтвью
Въ немъ молодежь для дѣлъ росла
И обновленному столѣтью
Плоды сторицей принесла!

1864 г.

«Сводъ небесъ зелено-блѣдный»
. . . .
Пушкинъ.

Блѣдно-сѣрый сводъ небесъ,
Степь, среди нагой равнины
Мелко стелющійся лѣсъ —
Непривѣтныя картины,
Утомляющія глазъ!
Мчась пустынною дорогой,
Отчего люблю я васъ
Съ вашей прелестью убогой?
Оттого, что въ васъ живутъ
Сердцу съ дѣтства дорогіе
Русскій говоръ, русскій людъ,
И что имя вамъ Россія!
Ваши тройки удалыя
И лихіе ямщики,
И знакомыя, родныя
Пѣсни, полныя тоски,
Мысль уносятъ, будто крылья,
Въ даль невѣдомыхъ временъ
Безъ мздоимства, безъ насилья
Къ жизни будущихъ племенъ.

1865 г.

(Въ день лицейской годовщины 19 октября) [1].

Былъ день суровый октября,
Но солнце ласково сіяло:
Въ чертогахъ кроткаго Царя
Благое дѣло возникало.
Въ тотъ свѣтлый, незабвенный день
(Его узнаютъ наши внуки!)
Царь открывалъ радушно сѣнь
Для скромныхъ подвиговъ науки.
И на могущественный зовъ
Вкусить ея струи живыя
Со всѣхъ отечества концовъ
Стеклися силы молодыя.
И тамъ, гдѣ всталъ ея алтарь, —
Средь изумленнаго чертога, —
Питомцевъ юныхъ встрѣтилъ Царь
Съ благословеньемъ у порога;
И въ рощахъ Царскаго Села,
Въ сѣни счастливаго покоя
Жизнь мысли бодро потекла
Безъ треволненій и застоя.

Друзья! мы — дѣти жизни той...
Давно уже въ мѣстахъ родимыхъ
Она погибла подъ грозой
Судебъ земли неотвратимыхъ;
Но мы, какъ тотъ знакомый цвѣтъ,
Который ликъ свой неустанно

[1]) *Русскій Архивъ* 1866 г., № 1, стр. 128.

Вращаетъ въ край, откуда свѣтъ,
Мы — будемъ такъ же постоянно
Взоръ устремлять въ тотъ милый край,
Гдѣ въ дружбѣ и трудѣ когда то
Цвѣлъ нашей молодости рай!
Да, будемъ, братья, помнить свято
Завѣтъ, намъ данный жизнью той:
Какъ нѣкогда въ стѣнахъ лицейскихъ,
Пусть будетъ умственный застой
Намъ чуждъ на всѣхъ путяхъ житейскихъ!

1878 г.

Виктору Яковлевичу БУНЯКОВСКОМУ [1]).

7-го мая 1878 года.

Сегодня минуло полвѣка,
Какъ приняла въ свой мирный кругъ
И мудреца и человѣка
Въ Васъ Академія Наукъ.

Еще была покрыта мракомъ
Для Васъ даль жизни и труда,
Хотя счастливая звѣзда
Съ наукой чиселъ вѣчнымъ бракомъ
Ужъ сочетала Васъ тогда.

---

[1]) По поводу торжества его 50-лѣтняго юбилея См. *Спб. Вѣдомости* 1878 г., № 126.

Но иксы жизненной задачи
И единицы и нули
Васъ не смущали въ той дали,
И вотъ къ рѣшенью Вы пришли,
Не потерпѣвши неудачи.

Вы къ цѣлямъ выкладокъ людскихъ
Стремились съ толкомъ, съ вѣрнымъ вкусомъ:
Зато теперь въ итогѣ ихъ
Остались Вы съ безспорнымъ плюсомъ,
Съ прекраснымъ плюсомъ благъ прямыхъ, —
Въ семействѣ дѣдушкой маститымъ,
Средь гражданъ мужемъ именитымъ.

Но жизни Вашей весь итогъ
Не подведенъ еще далеко:
О, пусть же Вамъ поможетъ Богъ
Держать по-прежнему высоко
Хоругви знанья и добра
Въ задачахъ жизни и пера!

ВЪ АЛЬБОМЪ ДОЧЕРИ.

На жизненномъ пути далекомъ
Да будетъ твой хранитель Богъ,
И да блюдетъ всезрящимъ окомъ
Тебя отъ бурь Онъ и тревогъ,
И отъ гнетущей разумъ страсти,
Отъ гордости и суеты,
Отъ непредвидѣнной напасти
И всякой дольней тяготы!
Но да пошлетъ тебѣ смиренье,
Любви и вѣры теплоту,
Къ добру всегдашнее стремленье
И сердца миръ и простоту!

IV.

МЫСЛИ,

посвященныя

въ Бозѣ почившему

Государю Наслѣднику Цесаревичу

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

въ день Его совершеннолѣтія.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Послѣ шестилѣтняго участія въ умственномъ образованіи Вашего Императорскаго Высочества, могу ли остаться равнодушнымъ свидѣтелемъ вступленія Вашего въ первую важную эпоху жизни,—эпоху, съ которой должно начаться Ваше окончательное приготовленіе къ самостоятельной дѣятельности.

Высокое положеніе Ваше не можетъ не внушать серіозныхъ думъ всякому мыслящему сотруднику въ священномъ для Россіи дѣлѣ Вашего воспитанія. Руководимый ими, какъ горячо желалъ я пробудить въ юной душѣ Вашей взгляды и чувства, достойные Вашего предназначенія! Нѣкоторыя изъ возникавшихъ при этомъ размышленій старался я развивать во время устныхъ бесѣдъ съ Вами; другія излагалъ письменно, и такимъ-то образомъ составилась настоящая тетрадь. Примите ее, какъ усердное привѣтствіе одного изъ Вашихъ наставниковъ, какъ слабое выраженіе пламенныхъ его желаній и молитвъ о Васъ и Вашемъ будущемъ.

По самому Вашему рожденію вся жизнь Вашего Высочества, а слѣдовательно и годы воспитанія Вашего принадлежатъ уже исторіи: да пошлетъ Вамъ Провидѣніе силъ и мудрости, чтобъ занять въ ней достойное мѣсто по стремленіямъ и дѣламъ Вашимъ. Исторія назоветъ и тѣхъ, которые были призваны къ участію въ Вашемъ образованіи. Какъ бы ни была различна степень этого участія, всѣ они будутъ нести бо́льшую

или ме́ньшую долю отвѣтственности передъ потомствомъ. Въ виду этой-то отвѣтственности не долженъ и я оставлять подъ спудомъ мыслей, можетъ быть выраженныхъ неискусно, но положенныхъ мнѣ на сердце любовію къ Августѣйшему Питомцу, при которомъ я былъ поставленъ съ первыхъ лѣтъ Его воспитанія.

I.

Молитва Цесаревича.

8-го Сентября 1859 г.

Все Царство Русское отъ сна возстало нынѣ
Съ единой мыслію — и мысль та обо мнѣ:
Могу ли же и я къ торжественной годинѣ
Достойно приступить безъ думы о себѣ?
О Господи! дай силъ на нѣсколько мгновеній
Молитвой теплою, въ глубокой тишинѣ,
Духъ юный оградить отъ суетныхъ волненій,
И въ размышленіяхъ о наступившемъ днѣ
Проникнуться его святымъ знаменованьемъ,
Понять великій долгъ и взвѣсить тяжкій трудъ,
Отнынѣ связанный уже съ моимъ призваньемъ,
И предстоящій мнѣ въ потомствѣ строгій судъ.

Я вступаю въ совершеннолѣтіе въ такомъ возрастѣ, когда другіе считаются еще незрѣлыми юношами. Поставленный Провидѣніемъ и законами Государства въ такое необычайное положеніе, я долженъ понять и великость сопряженныхъ съ нимъ требованій.

Отнынѣ я долженъ строже прежняго обдумывать свои дѣйствія и отвѣчать за нихъ. Я сдѣлался совершеннолѣтнимъ не для того, чтобъ предаться безпечности и удовольствіямъ, а для заботъ и трудовъ. Прошли годы, въ которые мнѣ было позволено смотрѣть легкомысленно на мое будущее; отнынѣ каждое мгновеніе мое должно быть проникнуто сознаніемъ моего предназначенія и обязанностей, которыя оно на меня налагаетъ.

Во всѣхъ моихъ поступкахъ пусть выражается благородная степенность, пусть не покидаетъ она меня вполнѣ, даже посреди развлеченій и забавъ. Да присоединится къ ней энергическая твердость воли и неизмѣнное самообладаніе. Готовясь нѣкогда управлять другими, я долженъ прежде всего научиться управлять самимъ собою, побѣждать свои слабости, не давать воли страстямъ. Да не будетъ надо мной имѣть власти пагубная наклонность къ бездѣйствію, къ нѣгѣ и къ наслажденіямъ. О, я знаю, какія великія искушенія ожидаютъ меня, какъ нужна мнѣ Твоя святая помощь, Господи, чтобъ противостоять имъ. Дай мнѣ поддерживать въ себѣ благія стремленія вѣрой и молитвой! Дай мнѣ любовь къ тихимъ занятіямъ, внуши мнѣ любознательность, которая бы не давала мнѣ покоя, которая бы побуждала меня учиться и читать, пока еще время. Пошли мнѣ любовь къ правдѣ и умѣнье отличать людей преданныхъ ей отъ лживыхъ и суетныхъ. Но особенно, Господи, молю Тебя объ одномъ: зажги въ сердцѣ моемъ теплую любовь къ человѣчеству. Даруй мнѣ сердце любящее, исполненное участія къ ближнему. На высотѣ величія, въ нѣдрахъ обилія и роскоши не дай мнѣ забывать страданій и несчастій, ежеминутно претерпѣваемыхъ вдали отъ меня; дай мнѣ помнить, что Ты поставилъ меня такъ высоко не для собственнаго моего счастія, но для того, чтобъ я способствовалъ къ распространенію счастія между другими, чтобъ я былъ орудіемъ Твоей воли для утвержденія на землѣ царства добра и истины. Дай мнѣ наблюдать за собою зорко и бодрствовать неусыпно, чтобъ и посреди заботъ и трудовъ не изсохло

мое сердце, чтобы я всегда оставался нѣжнымъ, благодарнымъ сыномъ и любящимъ братомъ.

Сегодня глядитъ на меня вся Россія, глядитъ съ любовію и надеждой; отнынѣ она будетъ внимательнѣе прежняго слѣдить за каждымъ шагомъ моимъ. О, дай мнѣ любить ее со всѣмъ жаромъ вѣрнаго ея сына; дай мнѣ помнить святыя узы, которыя Ты при самомъ рожденіи моемъ установилъ между мною и ею, дай мнѣ помнить священный долгъ, ожидающій меня въ будущемъ: заботиться о ея благѣ, посвящать ея пользѣ и величію всѣ минуты моего существованія. Пусть мысль о миломъ отечествѣ, о дорогомъ русскомъ народѣ поддерживаетъ меня всегда на томъ пути, который я сегодня избираю по долгу и доброй волѣ—на пути правды, чести и славы. Да возлюблю я русскій народъ такъ же горячо, какъ онъ любитъ своихъ Царей и да буду съ такимъ же вниманіемъ изучать его, съ какимъ онъ сегодня устремляетъ на меня свои взоры.

II.

Особенность Вашего положенія.

Молодой человѣкъ, рожденный въ обыкновенной сферѣ жизни, не знаетъ, что̀ его ожидаетъ въ будущемъ: если онъ рано полюбилъ трудъ и воодушевленъ стремленіемъ къ усовершенствованію самого себя, онъ видитъ вдали прекрасную цѣль, онъ мечтаетъ о блестящемъ положеніи въ свѣтѣ, о славѣ; но ничто ему не ручается за исполненіе его мечтаній и надеждъ; его будущее невѣрно и, не смотря на то, онъ работаетъ неутомимо, борется съ препятствіями, побѣждаетъ трудности.

Пусть же съ этимъ молодымъ человѣкомъ, поставленнымъ на скромное поприще жизни, сравнитъ себя тотъ, который уже съ колыбели предназначенъ для самой блистательной дѣятельности, который рожденъ для извѣстности не только передъ

своимъ народомъ, но передъ цѣлымъ человѣчествомъ, не только въ настоящемъ, но и въ грядущихъ поколѣніяхъ.

Ваше Императорское Высочество! Сравните Свое положеніе съ положеніемъ обыкновеннаго юноши: онъ долженъ создать себѣ поприще, Ваше поприще уже готово въ будущемъ; онъ долженъ трудами и борьбою съ препятствіями проложить себѣ путь, Вашъ путь уже проложенъ; онъ долженъ для стяжанія успѣха привлечь на себя вниманіе общества, на Васъ уже обращены взоры цѣлаго народа. Сравните окружающія Васъ условія съ тѣми, въ которыхъ онъ находится, и скажите, кто изъ обоихъ долженъ сильнѣе чувствовать побужденіе стремиться къ своему развитію, къ пріобрѣтенію познаній, къ добру, къ правдѣ, ко всему высокому и прекрасному.

Дайте Себѣ самому отвѣтъ безпристрастный и, положа руку на сердце, скажите по совѣсти, дѣйствительно ли Вы усерднѣе, сознательнѣе всякаго другого стараетесь воспользоваться годами юности для своего воспитанія, точно ли болѣе всякаго дорожите временемъ, бдительнѣе всякаго храните чистоту своего сердца, изощряете свой умъ, напрягаете свое вниманіе, — ищете сравниться съ высшими образцами человѣчества, которые представляетъ исторія. Слава ждетъ Васъ; но помните, что рядомъ съ нею стоитъ и безславіе. Въ этомъ отношеніи Ваше мѣсто гораздо опаснѣе, нежели положеніе всякаго частнаго лица. Если молодой человѣкъ, съ которымъ я сравнивалъ Васъ, измѣнитъ впослѣдствіи своимъ благороднымъ стремленіямъ, онъ останется въ неизвѣстности, онъ исчезнетъ въ тысячахъ ему подобныхъ, не оставивъ по себѣ слѣда.... Но Ваше имя уже заранѣе занесено на страницы исторіи. Вы должны либо прославить, либо обезславить его; тутъ нѣтъ середины: Вы или оправдаете мѣсто, которое опредѣлено Вамъ самимъ рожденіемъ, — тогда Вы прославитесь, или Вы покажете Себя недостойнымъ этого мѣста,—тогда Вы унизите Свое имя; для Васъ будутъ позоромъ не одни темныя дѣла и ошибки: для Васъ самое отсутствіе великихъ дѣяній будетъ уже безславіемъ.

Мы живемъ въ такое время, когда Россіи предстоитъ рѣшеніе великихъ задачъ, борьба съ вѣковыми заблужденіями и трудностями. Сѣмена этой жатвы должны зрѣть въ цѣломъ настоящемъ молодомъ поколѣніи; но особенно важны тѣ изъ нихъ, которыя положены въ Вашу душу. Будьте же Сами заботливымъ ихъ хранителемъ, бодрствуйте и трудитесь, и помните, какая великая отвѣтственность возложена на Васъ Провидѣніемъ.

III.

Время летитъ.

Текутъ дни за днями, годы проходятъ одинъ за другимъ невозвратно. Въ важныя эпохи жизни хорошо останавливать вниманіе на прошломъ и обозрѣвать будущее.

Ваше Высочество пережили нынѣ возрастъ дѣтства и отрочества: оглянитесь же мысленно на пройденный Вами путь и посмотрите, сколько времени уже протекло въ сравненіи съ тѣми немногими годами, которые Вамъ еще осталось посвятить Своему воспитанію. И при этомъ не радость необдуманная должна наполнить Ваше сердце, но разумно-тревожное чувство, основанное на сознаніи Вашего положенія, но глубокое смиреніе предъ великостью предстоящихъ Вамъ обязанностей. Если уже и въ минувшіе годы Вашему вниманію и трудолюбію безпрестанно представлялись препятствія и искушенія, не будутъ ли слѣдующіе годы неминуемо сопровождаться еще бо́льшими развлеченіями? Положеніе Ваше блистательно: оно окружаетъ Васъ обиліемъ и роскошью, удовольствіями и наружными успѣхами; но оно враждебно простотѣ и тишинѣ, враждебно уединенному труду и плодотворному размышленію, враждебно скромности и внутреннимъ, невидимымъ побѣдамъ духа, однимъ словомъ многому, что нужно для образованія ума и сердца къ высшей, къ

обширнѣйшей на землѣ дѣятельности. Сфера Васъ окружающая по необходимости представляетъ иногда преграды къ цѣли Вашего воспитанія: не даетъ Вамъ предаваться занятіямъ съ увлеченіемъ, съ любовію, слишкомъ часто отрываетъ Васъ отъ труда и вводитъ въ кругъ разнообразныхъ, обольстительныхъ впечатлѣній.

Ужели же нѣтъ средствъ противъ столькихъ препятствій, нѣтъ убѣжища отъ такихъ развлеченій? Къ утѣшенію Вашему скажу: *есть*. Вы найдете это убѣжище, если захотите. Но знайте: никто не можетъ Вамъ дать его, кромѣ Васъ самихъ; скажу болѣе: оно не извнѣ, оно въ самихъ Васъ. Соберитесь же съ силами, сдѣлайтесь достойнымъ Своего положенія; полюбите трудъ для него самого, для плодовъ, которые онъ приноситъ,—для наслажденія, которое онъ доставляетъ. Да, трудъ доставляетъ великое наслажденіе: Вы легко убѣдитесь въ томъ на опытѣ, если будете дорожить всякою минутою, которую можете посвятить ему, если будете трудиться съ охотою и усердіемъ. Повѣрьте, что тогда вниманіе Ваше будетъ напряженнѣе, умъ проницательнѣе и самая память надежнѣе.

IV.

Правдивость.

Чистая младенческая душа не можетъ не быть правдива; всякое уклоненіе отъ правды означаетъ уже нѣкоторое нарушеніе душевной чистоты. Что первоначально побуждаетъ насъ къ лживости? Наше самолюбіе, наша корысть и жадность. Мы боимся повредить себѣ правдою и употребляемъ ложь; мы боимся сознаться въ ошибкѣ и прикрываемъ ее ложью; къ ней же прибѣгаемъ мы, чтобъ получить желаемое, когда видимъ, что правдою не достигнемъ этого. Зачѣмъ будетъ облекаться ложью тотъ, кто мало заботится о самомъ себѣ и хочетъ только добра? Ложь

есть признакъ низкаго себялюбія и оружіе слабости; правда знаменуетъ самоотверженіе, великодушіе и силу:

«Свѣтелъ щитъ ея какъ солнце, ясный ликъ ея открытъ».

Поэтому, чѣмъ кто выше по своему положенію и власти, тѣмъ дороже должна ему быть истина. Въ самомъ дѣлѣ, кто, если не сильные міра въ особенности, обязаны блюсти правду и распространять ея царство на землѣ? какъ высоко должны они цѣнить счастье быть поборниками того, въ чемъ выражается воля Провидѣнія, быть на землѣ представителями этой воли! Какъ должны они покровительствовать и поддерживать тѣхъ, которые любовью къ правдѣ становятся ихъ естественными, надежнѣйшими помощниками и сотрудниками! Какъ должны они ненавидѣть и чуждаться тѣхъ, которые посредствомъ лжи, козней и лести заявляютъ себя врагами ихъ чести и славы, врагами отечества, общаго блага и самого Провидѣнія, ибо вооружаться противъ правды значитъ дѣйствовать противъ вѣчныхъ цѣлей Божіихъ!

Но если неправда презрительна и ненавистна въ подданномъ, который, чувствуя свою немощь, ищетъ въ обманѣ беззаконнаго оружія силы, что̀ сказать о вождѣ народовъ, который бы отъ юности не полюбилъ правды со всѣмъ жаромъ чистой души? Для вѣнценосца нѣтъ тѣхъ побужденій, которыя заставляютъ частное лице прибѣгать ко лжи. Чтобъ говорить правду, ему не нужно даже рѣшимости. Кого трепетать ему, кромѣ Бога? Предъ кѣмъ не посмѣетъ онъ высказать правдиваго слова, совершить правдиваго дѣла? Но для него нужно другого рода мужество: онъ долженъ умѣть *выслушивать* правду, искать ее, узнавать и принимать безъ гнѣва, даже и тогда, когда бы въ ней заключалось противорѣчіе его собственнымъ мыслямъ и желаніямъ.

Могущественный примѣръ Государя долженъ рѣшить торжество правды или лжи въ цѣлой странѣ, ибо если знамя его— правда и щитъ его свѣтелъ какъ солнце, то невѣжество и коварство не смѣютъ выползать изъ темныхъ убѣжищъ своихъ;

а если въ тѣни престола его гнѣздится мракъ лжи, то и нигдѣ въ его царствѣ не восходитъ солнце правды и все царство его есть царство тьмы.

V.

Минутный призракъ жизнь земная,
И блескъ и шумъ ея обманъ;
Но тайна скрыта въ ней святая
И смыслъ Божественный ей данъ.

Тому, что̀ зритъ плотское око,
Ты легкой вѣры не давай,
Но въ сокровенное—глубоко
Духовнымъ взоромъ проникай,

И вѣдай: многое, что̀ низко,
Стоитъ предъ Богомъ высоко,
И часто въ жизни то къ намъ близко,
Чего мы ищемъ далеко.

О, воспитай въ себѣ умѣнье
Въ пучинѣ призраковъ и лжи
Провидѣть истины явленье
Очами зоркими души.

VI.

О значеніи Русской Исторіи.

Нѣкоторые иностранные писатели утверждаютъ, что содержаніе русской исторіи маловажно и незанимательно и что даже, собственно говоря, это не исторія.

Разсмотримъ, справедливо ли такое мнѣніе.

На обширной равнинѣ восточной Европы обитаютъ въ 9-мъ столѣтіи разноплеменные народы, между которыми по многочисленности и природнымъ способностямъ первенствуютъ Славяне. У нихъ нѣтъ никакого общественнаго благоустройства. Они между собой враждуютъ и для возстановленія у себя порядка призываютъ правителей изъ сосѣдней страны. Съ прибытіемъ Варяжскихъ князей брошено въ славянскую почву сѣмя общественнаго развитія; но много еще русскій народъ долженъ выдержать бореній и внутреннихъ и внѣшнихъ, пока онъ достигнетъ цѣли, для которой въ минуту историческаго вдохновенія сдѣлалъ шагъ, рѣшительный для всей его будущности. Разновластіе и усобицы, татарское владычество, потеря древнихъ областей, пресѣченіе царственной династіи и, вслѣдствіе того, длинный рядъ смутъ съ иноземнымъ господствомъ—таковы бѣдствія, которыя русскій народъ долженъ послѣдовательно вынести на пути къ своей гражданской организаціи и къ своему образованію. Бѣдствія эти были такого рода, что посреди ихъ русскій народъ долженъ былъ или погибнуть, или вырости исполиномъ. Онъ не погибъ даже и посреди безначалія, приведшаго въ Россію иноземцевъ; въ эти-то дни опасности онъ обнаружилъ всю свою неистощимую силу и воспрянулъ въ небываломъ величіи. Съ этой поры занимается надъ нимъ заря новой жизни—начинается плодотворное общеніе его съ Европой; въ соприкосновеніи съ другими націями, въ знакомствѣ съ невѣдомыми дотолѣ обычаями приняты имъ сѣмена новыхъ идей, новыхъ потребностей.

Непомѣрно быстрое развитіе русскаго государства со временъ Петра Великаго есть явленіе, единственное во всей исторіи человѣчества и объясняющееся только необыкновенными способностями нашего народа, необыкновенною его воспріимчивостью къ образованію. Въ этотъ періодъ, благодаря послѣдовательности началъ, руководившихъ правительствомъ, благодаря успѣхамъ воинскаго искусства и мужеству русскихъ, пре-

дѣлы нашей государственной области быстро расширяются и округляются, духовныя силы народа крѣпнутъ, наука и искусство прививаются къ нему, общество начинаетъ стремиться къ самосознанію, наконецъ зарождается общественное мнѣніе.

Таковъ путь, пройденный русскимъ народомъ, таково разстояніе, отдѣляющее настоящій моментъ его жизни отъ той великой минуты, когда Славяне въ соединеніи съ Чудью и Весью рѣшились пригласить къ себѣ Варяжскихъ князей. И могутъ говорить, что у этого могучаго народа нѣтъ исторіи! Какъ? повѣсть о страданіяхъ Руси подъ игомъ татаръ и о спасеніи ея собственными силами отъ этого ига—не есть исторія? Чудотворная сила вѣры и патріотизма, спасшая ее отъ самозванцевъ, отъ иноплеменнаго владычества, отъ Шведовъ, отъ Поляковъ, отъ Наполеона — не принадлежатъ Исторіи? Многостороннее развитіе гражданскаго быта подъ управленіемъ Петра и Екатерины, пробужденіе духовной дѣятельности и народнаго самосознанія, оживленіе литературы, появленіе даровитыхъ писателей почти во всѣхъ ея сферахъ, устремленіе ея къ народности — все это недостойно глубокомысленныхъ изслѣдованій историка?

Ужели не заслуживаетъ названія исторической націи народъ, одаренный столь счастливой организаціей, соединяющій столько силы и бодрости съ такимъ христіанскимъ смиреніемъ, съ такой покорностью Провидѣнію и земной власти, съ такою любовію къ своимъ Царямъ? Ужели недостоинъ великой будущности народъ, готовый по одному мановенію просвѣщеннаго Государя стать на стезю нравственнаго очищенія и правды, правды, которой ему до сихъ поръ недоставало и которой отсутствіе онъ самъ чувствовалъ, но безропотно оплакивалъ?

Но, говорятъ иноземцы, содержаніе русской исторіи маловажно, ничтожно въ сравненіи съ значеніемъ исторіи другихъ европейскихъ народовъ; оно лишено общечеловѣческаго интереса. Безспорно, исторія древней Руси отъ Рюрика до Іоанна Грознаго не такъ разнообразна и богата содержаніемъ, не такъ поучительна для европейца, какъ исторія западныхъ госу-

дарствъ; но самая особенность первой не представляетъ ли много занимательнаго для мыслителя, который понимаетъ, какъ несправедливо искать одного и того же хода развитія въ судьбахъ всѣхъ народовъ? Для него будетъ ясно, что отлученность Руси отъ запада въ первый періодъ ея существованія была необходимымъ слѣдствіемъ ея географическаго положенія, и онъ безпристрастно оцѣнитъ жизненныя силы націи, которая, будучи безпрестанно увлекаема впередъ лучшими своими представителями, наконецъ преодолѣла естественныя преграды, отдѣлявшія ее отъ запада, и побѣдоносно вступила въ систему европейскихъ государствъ.

Со временъ царя Іоанна и даже со временъ дѣда его картина русской исторіи становится болѣе и болѣе яркою, теряетъ постепенно характеръ своей исключительности, а отъ Петра Великаго политическое бытіе Россіи пріобрѣтаетъ всемірное значеніе. Впрочемъ, все сказанное въ предыдущемъ служитъ уже и опроверженіемъ замѣчанія о незначительности русской исторіи: такъ ли мыслили о ней тѣ просвѣщенные иностранцы, которые сочли ее достойнымъ предметомъ изученія всей своей жизни, каковы были Миллеръ, Шлёцеръ, Лербергъ, Эверсъ, Кругъ, Германъ и др.? «Русская исторія, сказалъ Шлёцеръ, стала мечтою всѣхъ образованныхъ европейцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій подступилъ къ берегамъ Балтійскаго моря и привелъ весь міръ въ изумленіе своими славными дѣлами». Но допустимъ даже, что изученіе судебъ нашего отечества не привлекательно и не важно для иностранцевъ; для русскихъ всегда будетъ священна, дорога и исполнена высокаго интереса наука, которой Карамзинъ посвятилъ болѣе половины своей благородной жизни.

VII.

О любви народа къ Монарху.

Зачѣмъ Монарху заботиться о томъ, чтобы его любили? Онъ стоитъ такъ высоко, онъ такъ могущественъ, что ему и безъ того должны оказывать всѣ знаки любви и благоговѣнія, а какое ему дѣло до того, чтó люди при этомъ думаютъ и чувствуютъ въ душѣ?

Но если Государь хочетъ жить для блага и счастія людей, то не можетъ не желать, чтобы его любили искренно, ибо нелюбовь къ Монарху есть уже несчастіе для народа.

Въ любви выражается единство мыслей, чувствъ, желаній и стремленій съ обѣихъ сторонъ; но каково же положеніе страны, въ которой Государь и народъ думаютъ иначе, желаютъ разнаго, стремятся къ различнымъ цѣлямъ?

Государь и народъ должны составлять одно. Нѣтъ на землѣ союза величественнѣе и важнѣе этого, потому что отъ него зависитъ благоденствіе милліоновъ; но нѣтъ также союза могущественнѣе, потому что онъ ведетъ государства къ величію и славѣ. Вѣчная хвала тому Государю, который понялъ это, который счастіе своего народа поставилъ задачею жизни, для котораго внутреннее благосостояніе Государства выше блеска оружія, выше шума побѣдъ и завоеваній. На сколько бы онъ ни осуществилъ счастіе подданныхъ, но одна забота его о благѣ столькихъ людей прольетъ на него благословенія потомства, яркими чертами впишетъ имя его въ скрижали исторіи.

Нелюбовь народа къ Государю печальна не только сама по себѣ; она доказываетъ, что и Государь не любитъ народа, ибо любовь пріобрѣтается любовью же. Она доказываетъ, что Государь мало думалъ о своемъ народѣ, мало его изучалъ, не понялъ его нуждъ, однимъ словомъ не узналъ и не оцѣнилъ его; но она доказываетъ также, что онъ не возлюбилъ выше всего

правды и добра, потому что народу всегда дорогъ Государь, которому они священны.

Съ любовью народа бремя правленія легко даже въ тяжкія времена, и самыя трудныя обстоятельства можно переносить бодро, опираясь на любовь народную. Она есть отрада и утѣшеніе во всякой невзгодѣ или печали.

Вотъ почему Государю нужно, чтобы его любили, вотъ почему готовящійся къ высшему на землѣ сану долженъ всѣми силами стремиться къ тому, чтобъ пріобрѣсти любовь народную. Съ нею сопряжено счастіе всей его жизни, она будетъ для него воздухомъ и хлѣбомъ. Ему любовь нужнѣе, нежели всякому другому человѣку, который живетъ въ тѣсномъ кругу и не связанъ такъ, какъ Онъ будетъ нѣкогда связанъ невидимыми узами съ каждымъ изъ многочисленныхъ гражданъ своего Царства, ибо земное благо каждаго изъ нихъ будетъ зависѣть отъ Его свойствъ и дѣлъ.

VIII.

Зачѣмъ учиться.

Еслибъ человѣкъ съ ранней уже молодости имѣлъ вѣрное понятіе о вещахъ, какъ охотно онъ бы учился, какъ заботился бы самъ о своемъ образованіи! Но что мы видимъ обыкновенно? Молодой человѣкъ, слыша, что ему твердятъ о пользѣ труда и знаній, и размышляя о своемъ будущемъ положеніи, не вѣритъ совѣтамъ людей опытныхъ. Если онъ знаетъ, что его въ будущемъ ожидаетъ роль довольно блестящая, или даже только обезпеченное состояніе, онъ думаетъ: «все это справедливо для большинства; но зачѣмъ мнѣ столько трудиться и мучиться? Къ чему мнѣ всѣ эти знанія? Меня будутъ и безъ того уважать и слушаться; слава Богу, я не лишенъ способностей: при моемъ умѣ

не нужно мнѣ будетъ большихъ свѣдѣній, чтобы все понять, чтобъ найтись во всякомъ положеніи и пріучиться къ дѣламъ».

Но правильно ли такое разсужденіе? Точно ли можно обойтись безъ разнородныхъ и особенно основательныхъ свѣдѣній, чтобы все понимать и на все вѣрно глядѣть, чтобы знать толкъ въ дѣлахъ и дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ какъ слѣдуетъ?

На этотъ вопросъ только одинъ отвѣтъ: чѣмъ выше роль, которая предназначена человѣку, тѣмъ ему нужнѣе пріобрѣсти заблаговременно многообразныя и особенно основательныя познанія. Конечно умъ человѣческій такъ созданъ, что онъ можетъ часто и безъ искусственнаго образованія дѣйствовать правильно: даже простолюдинъ, не получившій никакого воспитанія, иногда изумляетъ насъ вѣрностью своихъ сужденій и благоразуміемъ поступковъ. Но съ другой стороны умъ человѣческій такъ ограниченъ, что въ естественномъ своемъ состояніи онъ достаточенъ и годенъ только для самаго простого быта, для самой низкой среды человѣческаго общества. Чтобы сдѣлать его способнымъ для болѣе сложной дѣятельности, необходимо расширить его предѣлы, развить его силы напряженіемъ, доставить ему много предметовъ для сравненія и выводовъ. Чѣмъ болѣе кто знаетъ, тѣмъ менѣе онъ стѣсненъ въ естественныхъ границахъ своего ума, тѣмъ шире будетъ и взглядъ его на жизнь. Человѣкъ, которому предстоитъ обширный и высокій кругъ дѣйствія, будетъ тѣмъ менѣе зависѣть отъ другихъ, чѣмъ богаче будетъ запасъ его собственныхъ свѣдѣній, потому что при недостаточныхъ и нетвердыхъ познаніяхъ онъ долженъ будетъ слишкомъ много довѣрять другимъ. При томъ же скудость свѣдѣній лишитъ его надлежащей увѣренности въ самомъ себѣ: открывая часто превосходство другихъ надъ собою, онъ не будетъ имѣть довольно ясныхъ убѣжденій, слѣдовательно ему будетъ недоставать главной основы для рѣшимости и твердости въ дѣйствіяхъ.

Лучшее доказательство важности многостороннихъ познаній находимъ мы въ любознательности великихъ людей. Отчего Петръ Великій съ дѣтства побуждаемъ былъ неудержимою

страстью къ ученію? Оттого, что онъ геніемъ своимъ безсознательно постигалъ необходимость познаній для простора своихъ способностей и дѣлъ. Кому же сама природа не вложила въ душу столь могучаго стремленія, тотъ пусть старается убѣдить себя всѣми доводами разума, что познанія для жизни необходимы и тѣмъ необходимѣе, чѣмъ жизнь будетъ сложнѣе въ своемъ составѣ и выше въ своей сферѣ.

IX.

Чѣмъ пріобрѣтается общая любовь.

Для того, чтобы внушать любовь, необходимѣе всего теплое сердце. Тотъ, кто самъ не согрѣтъ благоволеніемъ, чувствомъ участія и доброжелательства къ другимъ, тотъ, отъ кого вѣетъ холодомъ и равнодушіемъ, не можетъ быть предметомъ горячей любви.

Теплое сердце выражается во всемъ существѣ человѣка и невольно обнаруживается между прочимъ въ ежедневномъ его обращеніи съ другими. Если при такой сердечности онъ держитъ себя естественно и непринужденно, то каждое слово его, каждое движеніе дышитъ привѣтливостью. О, какъ привѣтливость пристала каждому человѣку, какъ она краситъ сильнаго и высокопоставленнаго! Но въ особенности, какъ она къ лицу юношѣ! Какъ прискорбно видѣть, когда человѣкъ въ возрастѣ пылкихъ и благородныхъ порывовъ надѣваетъ на себя маску расчитанной холодности и даже въ выраженіи своихъ чувствъ къ самымъ близкимъ лицамъ сдерживается соображеніемъ разныхъ внѣшнихъ отношеній, а не слѣдуетъ прямо собственному своему влеченію, основанному на привязанности, довѣріи или благодарности. И такъ любовь снискивается прежде всего теплотою сердечною, благоволеніемъ, которыя извнѣ про-

являются не только въ добрыхъ дѣлахъ, но и въ самомъ обращеніи съ людьми, въ привѣтливости.

Другое необходимое условіе для пріобрѣтенія любви есть чистота намѣреній и прямодушіе дѣйствій. Нужно, чтобъ все, что исходитъ отъ насъ, было внушаемо одною справедливостью, однимъ желаніемъ истиннаго блага. Если же въ поступкахъ нашихъ будутъ выражаться мелкіе расчеты самолюбія или другихъ личныхъ побужденій, то неминуемо поколеблется уваженіе и довѣріе къ намъ. Чтобы сдѣлаться въ полной мѣрѣ любимымъ, не довольно быть добрымъ и любящимъ, надо быть сверхъ того въ высшей степени благомыслящимъ и искренно великодушнымъ.

X.

Всегда впередъ.

Какъ ни важны познанія, однакожъ они сами по себѣ еще не достаточны. Познанія — мертвый капиталъ, если не служатъ къ нашему развитію, если не усиливаютъ и не изощряютъ нашего ума, не укрѣпляютъ нашей воли, словомъ не дѣлаютъ насъ мудрѣе и лучше. Всякое ученіе только тогда истинно полезно, когда оно заставляетъ насъ трудиться и примѣнять къ дѣлу пріобрѣтаемыя знанія. Въ подробностяхъ своихъ они могутъ забываться, но развитіе, съ помощью ихъ достигнутое трудомъ, остается за нами, какъ неотъемлемая собственность и какъ ступень для дальнѣйшихъ духовныхъ успѣховъ нашихъ.

Умственная цѣнность каждаго заключается не въ томъ, что̀ онъ знаетъ, а въ томъ, что̀ онъ въ состояніи сдѣлать съ помощью своихъ познаній. Высшая окончательная цѣль воспитанія во 1-хъ: научить всякаго работать самостоятельно, то-есть однѣми собственными силами, безъ посторонняго руководства, во 2-хъ: сообщить всякому охоту и умѣнье итти самому впередъ и продолжать свое усовершенствованіе.

Всѣхъ людей, по основному характеру ихъ дѣятельности, можно бы раздѣлить на двѣ главныя, совершенно противоположныя между собой категоріи, которыя проходятъ черезъ всѣ званія и роды занятій. Одну составляютъ люди, постоянно стремящіеся впередъ, чувствующіе потребность въ самоусовершенствованіи и болѣе или менѣе удовлетворяющіе ей; къ другой принадлежатъ тѣ, которые успокоились на извѣстной достигнутой ими степени развитія и, по непреложному закону духовнаго міра, не подвигаясь далѣе, идутъ назадъ.

Потребность стремленія впередъ, потребность самоусовершенствованія есть необходимѣйшее условіе всякаго величія и даже всякаго истиннаго достоинства; это неразлучный спутникъ всякаго дѣйствительнаго таланта и отличіе, въ которомъ люди самыхъ разнородныхъ состояній — правители, полководцы, государственные умы, писатели и художники — должны сознать свое духовное братство. Какое бы мѣсто кто ни занималъ въ обществѣ, онъ достоинъ сожалѣнія, если, довольный собою и оказываемой ему честью, онъ остановился въ своемъ развитіи и беззаботно сложилъ руки въ созерцаніи своего собственнаго достоинства. Жалокъ и тотъ, кто, сознавая свое несовершенство, не имѣетъ однакоже довольно силъ, чтобы преодолѣть бездѣйствіе свое и рвануться впередъ. Способность самоусовершенствованія (perfectibilité) свойственна людямъ въ разной степени. Счастливъ тотъ, кто щедро надѣленъ ею: она можетъ вознаградить его за многіе недостатки образованія!

Пусть же высшимъ честолюбіемъ всякаго истинно просвѣщеннаго человѣка будетъ достиженіе внутреннихъ духовныхъ успѣховъ, а девизомъ его — два многозначительныя слова: *всегда впередъ*. Чѣмъ выше будетъ его гражданское положеніе, чѣмъ обширнѣе его кругъ дѣйствія, тѣмъ этотъ девизъ будетъ знаменательнѣе: ибо, стремясь впередъ въ своемъ собственномъ внутреннемъ мірѣ, такой человѣкъ не можетъ не проявить своихъ успѣховъ дѣлами. Такимъ образомъ онъ въ своемъ движе-

нiи будетъ увлекать за собою всю ту массу общества, на которую простирается его влiянiе.

XI.

Какъ узнавать правду.

Чѣмъ обширнѣе дѣятельность и влiянiе человѣка, чѣмъ выше онъ по своему званiю стоитъ надъ большинствомъ людей, тѣмъ болѣе онъ долженъ дорожить умѣньемъ узнавать правду, потому что тѣмъ важнѣе она для правильной дѣятельности и тѣмъ съ другой стороны труднѣе узнавать ее.

Конечно, первое условiе, чтобы научиться открывать правду, есть искреннее желанiе знать ее. Кто оживленъ этимъ желанiемъ, тотъ безъ сомнѣнiя найдетъ и способы осуществить его. Однакоже предметъ этотъ такъ важенъ, что неизлишне будетъ посвятить ему нѣсколько замѣчанiй.

Отчего правда легко затмѣвается передъ людьми высоко стоящими и сильными? Оттого, что они по большей части сносятся только съ такими лицами, которыя на лѣстницѣ общественныхъ званiй и должностей стоятъ всего ближе къ нимъ. Такъ какъ не всѣ эти избранные побуждаются въ своихъ дѣйствiяхъ однимъ стремленiемъ къ правдѣ, и нѣкоторые изъ нихъ напротивъ бываютъ движимы своими страстями, личными видами, заботою о собственной своей пользѣ, то естественно, что эти нѣкоторые стараются скрыть или представить въ ложномъ свѣтѣ все то, что несогласно съ ихъ собственной выгодой. И такъ человѣкъ высоко стоящiй находится безпрестанно въ опасности быть обманутымъ, часто даже касательно самыхъ важныхъ и близкихъ для него интересовъ, и это тѣмъ болѣе, что между окружающими его есть люди, всячески старающiеся удалять отъ него тѣхъ, которые могли бы открыть ему глаза.

Отсюда ясно, что главное средство узнавать истину заключается въ правилѣ: не гнушаться общенія съ людьми, гораздо ниже насъ стоящими. Часто немногія слова, обмѣненныя съ такимъ человѣкомъ, могутъ озарить нашъ умъ внезапнымъ свѣтомъ и вывести насъ изъ долговременнаго заблужденія. Эту истину понимали многіе великіе люди; назову только Петра Великаго, Екатерину II, Генриха IV, Фридриха II, которые не только не избѣгали, но даже искали случаевъ вступать въ разговоръ съ людьми всѣхъ сословій. Такимъ образомъ для лицъ, высоко стоящихъ по своему званію, единственное средство узнавать правду есть доступность, то есть легкость, съ какою всякій имѣющій надобность въ ихъ защитѣ, можетъ найти возможность лично объяснить имъ свое дѣло или желаніе.

И не должно думать, чтобы такая доступность и вообще снисходительность въ сношеніяхъ съ низшими могла сколько-нибудь вредить сильнымъ въ должномъ къ нимъ уваженіи. Напротивъ, доступностью пріобрѣтается общее сочувствіе и довѣріе, потому что она свидѣтельствуетъ о любви къ ближнему и вниманіи къ его нуждамъ. Сильнаго человѣка любятъ тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ доступнѣе и привѣтливѣе; въ этомъ заключается тайна дѣйствительной и прочной власти, а вмѣстѣ и тайна все видѣть и знать и доходить до сокровеннѣйшей правды. А что можетъ быть дороже правды для того, кто облеченъ властію и желаетъ добра? Зачѣмъ и власть, если не для содѣйствія торжеству правды на землѣ?

V.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
о
послѣднихъ дняхъ жизни Я. К. Грота.

V.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ ЖИЗНИ Я. К. ГРОТА.

Въ дополненіе къ нѣкоторымъ помѣщеннымъ въ этой книжкѣ автобіографическимъ матерьяламъ для жизнеописанія Якова Карловича Грота, мы считаемъ умѣстнымъ вкратцѣ разсказать здѣсь, по живымъ еще воспоминаніямъ, ходъ унесшей его болѣзни и послѣднихъ днѣй жизни.

Первый серіозный недугъ его случился еще осенью 1891 года 25-го октября. Возвратившись съ прогулки, онъ почувствовалъ ознобъ и легъ уснуть. Когда пришли звать его къ обѣду, онъ никакъ не могъ проснуться. Пока послано было за докторами, его на креслахъ снесли внизъ (комнаты его были наверху) и уложили въ постель. Къ приходу докторовъ онъ очнулся и разговаривалъ въ полномъ сознаніи. Сердце нашли въ полномъ порядкѣ, но температура была 40°. Двое изъ докторовъ объяснили припадокъ сна угаромъ, а третій выразилъ предположеніе, не инфлюэнца ли это, являющаяся иногда въ загадочныхъ формахъ. Ночью больной спалъ спокойно, температура постепенно приходила въ нормальное состояніе, а поутру онъ чувствовалъ себя вполнѣ здоровымъ, такъ что хотѣлъ встать и итти заниматься. Но я уговорила его остаться въ постели до доктора, который разрѣшилъ встать, но не выходить изъ комнаты. Черезъ два дня Яковъ Карловичъ уже выѣзжалъ. Около 20-го ноября новый приступъ той же, повидимому, инфлюэнцы

обнаружился упорнымъ кашлемъ съ лихорадочнымъ состояніемъ, такъ что Августѣйшій Президентъ назначилъ засѣданіе II Отдѣленія Академіи 23 ноября у больного на дому и самъ на немъ присутствовалъ, упрашивая Якова Карловича поберечься и не рисковать скорымъ выѣздомъ.

Въ эти послѣдніе мѣсяцы 1891 года Яковъ Карловичъ занимался напряженно. Кромѣ Словаря и текущихъ дѣлъ по Академіи, онъ готовилъ рѣчь къ 50-тилѣтію Отдѣленія Русскаго языка и Словесности и для этого долженъ былъ перечитать массу историческаго матерьяла, протоколовъ засѣданій, просмотрѣть академическія изданія за все время, и такая усиленная дѣятельность не мало меня тревожила. Я понимала, что осенній внезапный его недугъ былъ не что иное, какъ сильный приливъ крови къ головѣ и что ему необходимъ лѣтомъ полный отдыхъ, тогда какъ въ деревнѣ онъ всегда усердно продолжалъ работать надъ Словаремъ. Я уговорила нашего доктора настоятельно совѣтывать ему ѣхать лѣтомъ за границу, зная, что тамъ, при отсутствіи необходимыхъ книгъ и пособій, онъ поневолѣ долженъ будетъ предаться отдыху и прогулкамъ. Яковъ Карловичъ тѣмъ охотнѣе согласился на путешествіе, что 6-го сентября истекало 60 лѣтъ его ученой дѣятельности и службы, и онъ желалъ уклониться отъ чествованія этого дня. И такъ, заѣхавъ въ Варшаву, мы вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ и его семьей посѣтили Чехію и пробыли весь іюнь въ тихомъ мѣстечкѣ — Почтинѣ (Потенштейнѣ) — на границѣ Моравіи, гдѣ въ живописныхъ горахъ пользовались чуднымъ воздухомъ и прогулками. Въ іюлѣ переѣхали мы въ Вильдунгенъ (въ Касселѣ), гдѣ по совѣту доктора Яковъ Карловичъ пилъ воды недѣли три, а потомъ, поживъ въ Висбаденѣ, совершили небольшую прогулку по Швейцаріи и успѣли еще провести недѣли четыре въ Шлангенбадѣ. Вернувшись къ 6-му сентября въ Висбаденъ, чтобъ направиться въ обратный путь, мы нашли тамъ множество поздравительныхъ телеграммъ и писемъ, между прочимъ: отъ Августѣйшаго Президента и Его Супруги, Его же отъ имени Академіи Наукъ,

а на другой день переслали намъ изъ Шлангенбада пришедшія туда телеграммы: изъ Спалы отъ Государя Императора, отъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая Александровича, отъ Великаго Князя Владиміра Александровича, изъ Стрѣльны отъ Великой Княгини Александры Іосифовны и Великаго Князя Дмитрія Константиновича[1]), также отъ нѣкоторыхъ офиціальныхъ лицъ, многихъ друзей и почитателей Якова Карловича.

15-го сентября возвратились мы въ Петербургъ, и Якову Карловичу поднесенъ былъ адресъ отъ Академіи Наукъ. Путешествіе, казалось, освѣжило и укрѣпило его: онъ съ новой бодростью принялся за труды и былъ все время здоровъ до самаго Новаго года.

15-го декабря исполнилось ему 80 лѣтъ и Августѣйшій Президентъ во главѣ всей Академіи почтилъ насъ своимъ посѣщеніемъ. Въ отвѣтъ на привѣтствіе, сказанное академикомъ М. И. Сухомлиновымъ, Яковъ Карловичъ отвѣчалъ:

«Ваше Императорское Высочество и дорогіе товарищи!

Велика честь, которую оказываетъ мнѣ Академія! Прошу Васъ вѣрить, что я до глубины души тронутъ лестнымъ привѣтствіемъ. Я высоко цѣню эту честь и вполнѣ понимаю, что я обязанъ ею единственно тому независящему отъ меня обстоятельству, что я съ Божіей помощью достигъ сегодня рѣдко достигаемаго людьми возраста.

Этотъ возрастъ не даетъ никакихъ особенныхъ правъ, кромѣ развѣ права на снисхожденіе къ старческимъ немощамъ и слабостямъ. Опираясь на это право, я смѣю надѣяться, что Вы не осудите меня за то, что я такъ просто, въ немногихъ, безыскусственныхъ словахъ приношу Вамъ мою глубокую благодарность за Ваше ко мнѣ доброе расположеніе.

Хотя скромность запрещаетъ ставить себя въ примѣръ другимъ, но я позволю себѣ выразить желаніе, чтобы Вы, слѣдуя моему благому примѣру, достигли съ свѣжими силами еще болѣе

---

[1]) См. *Приложеніе II-ое.*

поздняго возраста, а когда меня уже не будетъ, сохранили бы доброе обо мнѣ воспоминаніе, какъ о товарищѣ, который горячо любилъ Академію, который вѣрой и правдой служилъ ея интересамъ и посвятилъ ей почти цѣлую половину жизни.

Да здравствуетъ Академія съ ея Августѣйшимъ Президентомъ, которому мы всѣ столько обязаны, и ея членами, которыхъ я имѣю честь и радость видѣть у себя въ 80-ю годовщину рожденія!»

Кто тогда могъ подумать, что Яковъ Карловичъ вступалъ въ послѣдній годъ своей жизни! Хотя грустно для любившихъ его прозвучали слова о снисхожденіи къ немощамъ старости, причемъ его голосъ задрожалъ и онъ почти прослезился, но многимъ эти слова казались непримѣнимыми именно къ нему, сохранившему еще такую бодрую энергію въ трудѣ, такую ясность мысли и свѣжесть чувства.

Передъ Новымъ годомъ (31 декабря) Яковъ Карловичъ въ первый разъ по возвращеніи изъ-за границы схватилъ простуду, и докторъ опасался воспаленія легкихъ. Но опасность была во время устранена, болѣзнь прошла безслѣдно и до самой весны, не смотря на неутомимую дѣятельность, не было и признаковъ какого-либо недуга. Но зима 1892 и весна 1893 сказалась для Академіи многими потерями не только нѣсколькихъ членовъ, но и нѣкоторыхъ чиновниковъ, которыхъ надо было замѣнить, похлопотать о ихъ семьяхъ, и это очень озабочивало Якова Карловича. Оттого онъ по добросовѣстности своей до конца мая и слышать не хотѣлъ объ отъѣздѣ въ деревню, хотя самъ Августѣйшій Президентъ совѣтывалъ ему ѣхать скорѣе на отдыхъ.

Каждую весну любилъ онъ посѣтить Царское Село, погулять тамъ и освѣжить дорогія юношескія воспоминанія. Онъ звалъ меня туда уже въ серединѣ мая, но зелень развертывалась такъ медленно, что мы по неволѣ отлагали поѣздку. Наконецъ 23 мая, вставъ ранѣе обыкновеннаго, Яковъ Карловичъ объявилъ мнѣ, что рѣшилъ ѣхать въ Царское и уже заказалъ

экипажъ до желѣзной дороги. День былъ лѣтній, даже жаркій. Мы поѣхали съ 11-ти-часовымъ поѣздомъ и въ Царскомъ прежде всего посѣтили доктора Здекауера, но, не заставъ его дома, пошли черезъ Лицейскій садъ погулять въ паркѣ и, побродивъ около озера, посидѣли на полуостровкѣ, гдѣ стоитъ бюстъ въ Бозѣ почившаго Наслѣдника Николая Александровича. Тутъ Яковъ Карловичъ вдругъ взялъ меня за руку и сказалъ: «Напечатаю еще три листа и выйду въ отставку и поселимся съ тобою въ Царскомъ Селѣ. Я уже довольно поработалъ, далъ имъ образецъ: пусть молодые продолжаютъ. А мнѣ надо же наконецъ и отдохнуть и подумать»... онъ не договорилъ, видимо не желая меня опечалить. Я отвѣчала: «И давно бы пора отдохнуть, ужъ я не разъ предлагала тебѣ переѣхать въ Царское, которое ты такъ любишь». Однако его слова кольнули меня въ сердце, и я съ безпокойствомъ спросила у него, не чувствуетъ ли онъ себя нездоровымъ, утомленнымъ. «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я совсѣмъ здоровъ, но зрѣніе начинаетъ измѣнять мнѣ отъ постояннаго чтенія корректуръ». На это онъ уже и ранѣе жаловался. Немного погодя онъ грустно заговорилъ: «Скажи, отчего у насъ на Руси никакой серіозный трудъ не встрѣчается съ благоволеніемъ и не вызываетъ такой же серіозной и безпристрастной критики, какъ въ другихъ странахъ. Отчего у насъ, намѣренно умалчивая о достоинствахъ труда, стараются всегда выискать мелкіе недостатки, неразлучные со всякимъ трудомъ человѣческимъ и съ какимъ-то торжествующимъ злорадствомъ выставляютъ ихъ? Кто же можетъ похвалиться полнымъ совершенствомъ своего труда? Такъ укажи дѣльно на недостатки: за это можно только быть благодарнымъ; но не замалчивай и достоинствъ. Самое уваженіе къ труду не должно бы кажется позволять относиться къ добросовѣстно потрудившемуся, какъ къ врагу».... Тутъ я невольно подумала, не было ли рѣзкихъ нападокъ на Словарь, за которымъ неутомимый труженикъ работалъ съ такой любовью послѣдніе годы своей жизни и не этимъ ли была вызвана его рѣшимость бросить дѣло.

Я привожу здѣсь этотъ разговоръ, потому что онъ глубоко запалъ мнѣ въ душу! Эти слова, сказанныя человѣкомъ высоко безпристрастнымъ и исполненнымъ благоволенія къ людямъ, стали тѣмъ знаменательнѣе, что были сказаны наканунѣ дня кончины!

Когда мы вернулись къ Здекауеру и я спросила у него совѣтовъ для Якова Карловича на лѣто, онъ, глядя на его бодрый видъ, воскликнулъ: «Помилуйте, на что ему лѣчиться? Посмотрите, вѣдь это совсѣмъ молодой человѣкъ! А вотъ лучше вытащите его поскорѣе на чистый деревенскій воздухъ. Это будетъ полезнѣе всякихъ лѣкарствъ».

Отъ Здекауера прошли мы къ М. А. Паткуль (рожд. маркизѣ де-Траверсе), а оттуда еще побродили по Александровскому парку и къ телеграфу, часто садились, вдыхая чудный воздухъ и любуясь оживающей весенней природой. Къ обѣду мы уже были дома и Яковъ Карловичъ въ тотъ же вечеръ (23 мая) внесъ въ свой дневникъ: «Ѣду съ Nat. въ 11 часовъ въ Царское. Гуляемъ въ старомъ саду, потомъ къ Здекауеру, который потчуетъ насъ кофеемъ, оттуда завтракать къ M-me Паткуль. Прогулка къ телеграфу въ Александровскомъ саду. Отъѣзжаемъ въ 4 ч. 27 м., а въ 5½ обѣдаемъ дома. Вечеромъ корректура Словаря, а поутру — Писемъ Карамзина къ Лафатеру». Это были послѣднія строки въ его дневникѣ!

На другой день, 24 мая, Яковъ Карловичъ всталъ болѣе чѣмъ когда-либо бодрый и веселый и на вопросъ мой, какъ провелъ ночь, отвѣчалъ: «Спалъ какъ убитый; вотъ что значитъ надышаться свѣжимъ воздухомъ»! Утро провелъ онъ, какъ всегда, за отправкой бумагъ и корректуръ; я начала укладываться, и день отъѣзда въ деревню былъ почти назначенъ. Около завтрака я пошла наверхъ и просила надписать мнѣ три, недавно имъ сдѣланныя, фотографическія его карточки, и онъ тотчасъ исполнилъ мое желаніе. Но на одной изъ карточекъ рука его дрогнула и онъ воскликнулъ: «Ахъ, испортилъ»! Но я успокоила его, что все хорошо. (Одинъ изъ этихъ портретовъ воспроизводится въ на-

стоящемъ изданіи). Въ третьемъ часу онъ пошелъ прогуляться. Я вернулась ранѣе его и все поджидала его звонка, но мнѣ пришли сказать, что Яковъ Карловичъ дома, прошелъ черезъ кухню прямо наверхъ. Я поспѣшно пошла туда, но, увидѣвъ что онъ прилегъ, не рѣшилась войти! Однако онъ тотчасъ затѣмъ позвалъ меня. Я нашла его въ ознобѣ; только-что укрылся онъ пледомъ и встрѣтилъ меня словами: «Ничего, я только немножко озябъ». Тотчасъ (около 4 часовъ) послано было за докторами въ три мѣста, но ни одного изъ нихъ не застали дома и оставили мои записки, гдѣ я умоляла прибыть *немедленно*. Онъ же шутилъ надъ этимъ, говоря пришедшей къ намъ младшей (замужней) дочери: «А мама-то какъ напугалась, за докторами послала, а ничего важнаго нѣтъ,—все пройдетъ, какъ всегда». Онъ весело съ нами бесѣдовалъ и дочь ушла успокоенная домой.

Однако, видя что наступаетъ жаръ, я уговорила больного лечь въ постель около 6-ти часовъ вечера. Онъ самъ сошелъ внизъ, опираясь на старшую дочь и на меня, но видимо былъ слабъ. Мы еще послали по острову за докторами намъ извѣстными, а дочь сама побѣжала за бывшимъ въ нашемъ домѣ докторомъ — дома нѣтъ, въ Академію Художествъ — не дозвонилась. Мы измѣрили температуру — было 40°. Больной шутилъ надъ нашимъ излишнимъ усердіемъ. Чтобъ не терять времени, я поставила къ подошвамъ горчичники, надѣясь оттянуть жаръ. Больной между тѣмъ лежалъ спокойно, держа мою руку въ своей и нѣжно глядѣлъ на меня. Мы обмѣнивались иногда нѣсколькими словами, и на вопросъ мой, не болитъ ли у него что и лучше ли ему? онъ отвѣчалъ: «ничего не болитъ, лучше». Около 8-ми часовъ, онъ вдругъ быстро приподнялся, крѣпко сжалъ мою руку, какъ бы отъ внезапной боли. Но это длилось одно мгновеніе, послѣ чего онъ тихо опустился на подушки и продолжалъ глядѣть на меня своими кроткими глазами, пока не закрылъ ихъ навѣки!... Я не могла еще понять ужасной истины, когда первый пришедшій незнакомый докторъ объявилъ, что

все кончено!... Тогда стали собираться (но увы поздно!) всѣ доктора, за которыми посылали. Они предположили разрывъ какого-нибудь внутренняго сосуда отъ сильнаго жара.

Такова была истинно безболѣзненная, мирная кончина человѣка преданнаго всей жизнью своей Богу и Его правдѣ. Это былъ незамѣтный переходъ вѣрующей и глубоко благочестивой души въ лучшій міръ — безъ страданій и агоніи. Но тѣмъ ужаснѣе былъ этотъ внезапный, страшный ударъ для оставшихся!

Въ послѣдніе годы жизни почившій особенно любилъ читать и изучать Священное Писаніе, сличая текстъ его на всѣхъ извѣстныхъ ему языкахъ, такъ что даже по кончинѣ его въ бумажникѣ нашлось маленькое изданіе «Посланій Апостольскихъ». Ежедневно начиналъ и кончалъ онъ день свой этимъ чтеніемъ и, углубляясь въ смыслъ Божественнаго Слова, часто бесѣдовалъ о томъ со мною. Кромѣ того онъ постоянно выписывалъ лучшія изъ религіозныхъ сочиненій, появлявшихся во всѣхъ литературахъ и отмѣчалъ свои чтенія въ дневникѣ. Такъ проникался онъ тѣмъ духомъ мудрости, кротости и любви, тѣмъ благостнымъ настроеніемъ души, которое особенно въ послѣдніе годы его жизни замѣчалось всѣми близко знавшими его. Онъ истинно воспитывалъ свою душу по завѣту евангельскому не для земныхъ, а для вѣчныхъ цѣлей!

Живя съ 1864 года почти каждое лѣто въ деревнѣ въ Рязанской губерніи, онъ любилъ природу и дѣлалъ большія прогулки. Но всѣхъ дороже была ему та часть парка, которую мнѣ удалось засадить своими руками на десяти десятинахъ самыми разнообразными породами деревьевъ для увеличенія его прогулокъ. Все это разрослось роскошно, и онъ ежедневно два раза — утромъ и вечеромъ — обходилъ мои насажденія и любилъ подолгу сидѣть въ душистыхъ этихъ рощицахъ, куда часто бралъ съ собою любимца своего Пушкина.

Вообще жизнь лѣтомъ въ деревнѣ, вблизи народа, была ему всегда по сердцу. Онъ любилъ бесѣдовать съ крестьянами, наблюдать ихъ образный языкъ, любилъ ихъ веселыя, остро-

умныя прибаутки, а на убогій бытъ ихъ глядѣлъ съ глубокимъ участіемъ и какимъ-то умиленіемъ. И какъ онъ всегда былъ счастливъ, когда могъ помочь въ нуждѣ, посовѣтовать или защитить притѣсненнаго! Школьное дѣло его очень интересовало: онъ иногда по просьбѣ самихъ учениковъ экзаменовалъ ихъ у себя и помогалъ имъ и совѣтомъ и дѣломъ, сближался съ учителями, снабжалъ ихъ книгами и охотно хлопоталъ за достойныхъ поддержки. И народъ нашъ, чуткій ко всему прекрасному, цѣнилъ и любилъ его. Сколько разъ слышала я отъ многихъ изъ нихъ простодушное удивленіе его неустанному трудолюбію, и по ихъ выраженію его «праведной жизни»! Эта же «праведная жизнь» можетъ свидѣтельствовать о томъ, чѣмъ онъ былъ для семьи своей.

Извѣстно, какія незабвенныя слова въ Бозѣ почившій Императоръ изволилъ начертать на докладѣ г. Министра Просвѣщенія о кончинѣ Якова Карловича: «*Меня эта смерть весьма огорчила. Я зналъ Якова Карловича болѣе 35 лѣтъ и привыкъ любить и уважать эту достойную личность*».

Его Величеству угодно было заявить телеграммой Великому Князю Константину Константиновичу, что Самъ Онъ прибудетъ на похороны. Но по прибытіи въ церковь Великаго Князя Владиміра Александровича, Августѣйшій Президентъ сообщилъ мнѣ слѣдующую телеграмму Его Величества: «*Къ крайнему сожалѣнію не могу быть завтра на похороны Якова Карловича. Простудился лихорадкой, передай семейству мою искреннюю скорбь*».

Когда тронулась процессія, за гробомъ вмѣстѣ съ семьею шелъ Августѣйшій Президентъ Академіи Наукъ и, движимый своей глубокой сердечностью, проводилъ пѣшкомъ прахъ усопшаго до самой могилы на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Среди множества трогательныхъ выраженій участія, которыя я со всѣхъ сторонъ получала въ эти скорбные дни, приведу здѣсь вѣрную и сердечную оцѣнку Якова Карловича изъ одного письма, полученнаго мною въ годовщину его смерти.

«Произведенія творческаго духа пользуются временной славой, потому что вкусъ народовъ перемѣнчивъ; но честь нравственнаго характера нетлѣнна и непреходяща. Перомъ своимъ Яковъ Карловичъ сдѣлалъ столько видимаго добра для науки, сколько могъ сдѣлать; но какъ взвѣсить то благодѣтельное вліяніе, которое произвелъ онъ своимъ характеромъ? И въ самыхъ произведеніяхъ пера своего онъ свято уважалъ призваніе служить дѣлу просвѣщенія своего отечества. Онъ не любилъ блистать; ему хотѣлось дѣлать дѣло и быть истинно полезнымъ членомъ великой семьи. Духъ вѣка не коснулся его ни одною изъ своихъ вредныхъ стихій. Онъ твердо соблюдалъ долгъ нравственнаго самосохраненія, постоянно внимая своей совѣсти и вѣчнымъ законамъ, которыми искони стоитъ міръ человѣческій. Вотъ почему одинъ взглядъ на него былъ счастіемъ для того, въ комъ не загрубѣло чувство добра! Ясная, духовная радость проникала многихъ при встрѣчѣ съ нимъ, какъ съ прекраснымъ явленіемъ, подтверждающимъ самыя дорогія и святыя убѣжденія человѣка».

Да будетъ же память его незабвенна!

Наталія Гротъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ГЛАВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ЮБИЛЕЯМЪ 6 СЕНТЯБРЯ 1882 И 1892 ГГ. И КО ДНЮ 15 ДЕКАБРЯ 1892 Г.

Ко дню пятидесятилѣтняго юбилея 6 сентября 1882 года учено-литературной дѣятельности Я. К. Грота относятся слѣдующіе документы [1]):

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя академика, тайнаго совѣтника Грота [2]).

Яковъ Карловичъ! Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ вашей служебной дѣятельности, посвященной всецѣло литературѣ, наукѣ и преподаванію. Исполняя въ теченіе многихъ лѣтъ обязанности профессора въ Гельсингфорсскомъ университетѣ, а затѣмъ и въ Александровскомъ лицеѣ, вы своимъ постоянствомъ въ трудѣ, даромъ изложенія и душевными качествами имѣли благотворное вліяніе на учащіяся поколѣнія. Впослѣдствіи вы были призваны преподавать русскій языкъ и словесность въ Бозѣ почившему Це-

---

[1]) Описаніе юбилея напечатано: въ Правительственномъ Вѣстникѣ 8 сентября, № 198; въ Новомъ Времени 9 сент., № 2346; во Всемірной Иллюстраціи, въ Огонькѣ и въ Нивѣ того же мѣсяца (съ портретами юбиляра); позднѣе (съ біографіей) въ Русской Старинѣ 1883, № 1; также въ чешскихъ журналахъ: Pokrok 1882, № 212 и Svetozor № 46. Статья изъ Pokrok издана и отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ: «Jakub Karlovič Grot. Jeho život a padesátileté působení». V Praze 1882. 12⁰ 16 стр. См. также газету L'Union 1882, окт. 30, № 303.

[2]) Былъ прочитанъ у юбиляра г. министромъ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновымъ въ присутствіи президента Академіи наукъ графа Д. А. Толстаго и лицъ, собравшихся для поздравленія академика.

саревичу Николаю Александровичу и Мнѣ; неусыпнымъ усердіемъ къ дѣлу вы заслужили признательность незабвенныхъ Нашихъ Родителей. Труды ваши по званію члена Академіи Наукъ и Русскаго Историческаго Общества справедливо оцѣнены по ихъ ученому достоинству и отличаются, сверхъ другихъ качествъ, безпристрастіемъ и глубоко-нравственнымъ чувствомъ. Мнѣ особенно пріятно въ столь знаменательный для васъ день выразить вамъ сердечную признательность и пожелать, чтобы силы ваши надолго сохранились для пользы отечественной науки.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

«и искренно уважающій васъ АЛЕКСАНДРЪ».

6-го сентября 1882 года.

Рѣчь академика А. Ѳ. Бычкова.

Сегодня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ того дня, какъ вы, глубокоуважаемый Яковъ Карловичъ, покинувъ скамью Царскосельскаго лицея, гдѣ въ то время были такъ живы преданія о Пушкинѣ, вступили на служебное поприще. Предъ вами лежала широкая и торная дорога къ отличіямъ и почестямъ, по которой уже успѣшно шли лицейскіе воспитанники предшествовавшихъ вашему выпусковъ; но вы черезъ нѣсколько лѣтъ предпочли ей другую, болѣе скромную и спокойную и, смѣю сказать, болѣе надежную и едва-ли не болѣе блистательную. Вы отдали себя всецѣло литературѣ и наукѣ, и этому вашему выбору, этому благородному предпочтенію, мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ и прекрасный переводъ Фритіофъ-саги, передающій всѣ поэтическія красоты этого перла скандинавской литературы, и ученыя разысканія въ области русскаго языка, и образцовое изданіе твореній поэта «Фелицы», дающее богатый матеріалъ для внутренней исторіи царствованія Екатерины II, и драгоцѣнную переписку этой великой Государыни съ разными лицами и особенно съ барономъ Гриммомъ, и тщательное изданіе басень Хемницера и писемъ Карамзина къ Дмитріеву.

Какъ эти, такъ и другіе ваши многочисленные труды, простой перечень которыхъ занялъ бы нѣсколько печатныхъ страницъ, отвели вамъ мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія, которое вы по праву стяжали вашимъ 45-лѣтнимъ служеніемъ отечественному

слову, вашею слишкомъ 25-лѣтнею непрерывною и неустанною дѣятельностью въ средѣ Императорской Академіи Наукъ. Въ послѣднемъ отношеніи ежегодные отчеты по Отдѣленію русскаго языка и словесности являлись живыми и неподкупными глашатаями передъ просвѣщеннымъ нашимъ обществомъ о вашихъ трудахъ по званію академика, и оно, всегда чуткое при оцѣнкѣ истинно полезныхъ дѣятелей, уже давно присоединило ваше имя къ именамъ тѣхъ членовъ этого высшаго ученаго учрежденія, которыхъ, по пользѣ, принесенной ими нашему отечеству, знаетъ и уважаетъ всякій образованный русскій.

Но еще до вступленія вашего въ Академію Наукъ была по достоинству оцѣнена ваша профессорская дѣятельность, какъ въ Гельсингфорсскомъ Александровскомъ университетѣ, гдѣ вы знакомили студентовъ не только съ русскимъ языкомъ, но и съ прошлыми судьбами нашего отечества, такъ и въ Александровскомъ лицеѣ, —дѣятельность, оставившая много свѣтлыхъ воспоминаній въ слушателяхъ этихъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Мнѣ не слѣдовало бы здѣсь касаться вашихъ нравственныхъ качествъ, глубокочтимый юбиляръ, но я не посмѣлъ пройти молчаніемъ того, что́ извѣстно всѣмъ намъ, а именно, что вы постоянно стоите за все прекрасное и полезное, справедливое и честное; что вы дорожите успѣхами отечественнаго просвѣщенія, потому что любите Россію; что вы уважаете и цѣните отечественныхъ ученыхъ; что вы науку ставите выше всего и выдѣляете ее изъ обыденныхъ отношеній, весьма часто мелочныхъ и себялюбивыхъ; наконецъ, что вы ни на шагъ не отступили отъ того, что сами слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ сказали:

Я передъ ангеломъ благимъ
Добру и правдѣ обѣщаю
Всегда служить перомъ моимъ!
И если я обѣтъ нарушу,
И если низости змѣя
Когда-нибудь вползетъ мнѣ въ душу
И развратится рѣчь моя,
Пускай мой бѣлый гость обратно
Къ тебѣ умчится, помрачась,
И стихъ исчезнетъ благодатный...

И вы не нарушили этого прекраснаго обѣта.

Принося вамъ искреннее поздравленіе какъ отъ себя, такъ и отъ имени отсутствующихъ товарищей по Отдѣленію, съ сегодняш-

нимъ, многознаменательнымъ для васъ днемъ, я присоединяю къ моему привѣтствію сердечное желаніе, которое безъ сомнѣнія раздѣлитъ каждый, кому не чуждо умственное движеніе въ Россіи, чтобы вы продолжали еще десятки лѣтъ столь же успѣшно, какъ и доселѣ, трудиться надъ воздѣлываніемъ того поля, съ котораго сняли такую богатую жатву, и чтобы ваша полувѣковая ученая дѣятельность служила молодымъ поколѣніямъ поучительнымъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ трудиться для науки и на пользу родины.

Рѣчь академика М. И. Сухомлинова.

Глубокоуважаемый Яковъ Карловичъ! Сочлены ваши по Второму Отдѣленію Академіи Наукъ привѣтствуютъ васъ братскимъ привѣтомъ съ пройденнымъ вами поприщемъ, ознаменованнымъ такими важными, такими драгоцѣнными вкладами въ русскую науку и литературу. Многіе годы вашего безупречнаго прошлаго посвящены Академіи Наукъ, съ которою вы сжились и которую, по крайней мѣрѣ для нашего поколѣнія, нельзя себѣ и представить безъ васъ. Имя ваше пользуется громкою извѣстностью въ ученомъ мірѣ Россіи. Вашимъ трудамъ и заслугамъ отдавалась должная справедливость именно тогда, когда всего живѣе выступаетъ потребность почтить заслуги наиболѣе выдающихся дѣятелей науки и просвѣщенія. С.-Петербургскій университетъ, празднуя пятидесятилѣтіе своего существованія, возвелъ васъ въ степень доктора русской словесности, на основаніи того параграфа устава, по которому возводятся въ степень доктора знаменитые ученые. Московскій университетъ избралъ васъ почетнымъ членомъ при чествованіи памяти великаго русскаго поэта девятнадцатаго столѣтія.

Намъ, членамъ Второго Отдѣленія, излишне было бы входить въ оцѣнку изумительно многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ вашихъ. Мы постоянно пользуемся ими въ нашихъ работахъ, а потому и нѣтъ надобности повторять словами то, чтó доказывается и подтверждается самимъ дѣломъ. Близкое же знакомство съ вашимъ благороднымъ образомъ мыслей и дѣйствій налагаетъ на насъ обязанность упомянуть о той сторонѣ вашей дѣятельности, которая вполнѣ извѣстна только сочленамъ вашимъ по Академіи Наукъ.

Какъ въ лѣтописи научныхъ трудовъ и предпріятій академіи, такъ и въ лѣтописяхъ академической жизни имя ваше сохранится

навсегда съ подобающимъ ему значеніемъ. Право на это вы пріобрѣли отзывами и заявленіями своими по вопросамъ академической жизни. Всѣ заявленія ваши проникнуты уваженіемъ къ закону и законности и самою горячею заботливостью о чести и достоинствѣ академіи. Вы считаете обязанностью русскаго академика содѣйствовать вступленію въ академію достойныхъ русскихъ ученыхъ, и съ благородною ревностью заботитесь о томъ, чтобы удержать въ академіи тѣхъ изъ русскихъ ученыхъ, которые рѣшаются преждевременно покинуть ее къ ущербу и для академіи, и для науки. Суть вашихъ дѣйствій и стремленій можно выразить такимъ образомъ: «Академія есть академія наукъ и существуетъ въ Россіи и для Россіи». Руководясь этимъ началомъ, вы остаетесь вѣрны и основной мысли Петра Великаго, учредившаго Академію Наукъ, и лучшимъ преданіямъ Академіи, связаннымъ съ именами Эйлера, Бэра и другихъ свѣтилъ европейской науки; вмѣстѣ съ тѣмъ вы стоите на твердой почвѣ закона, какъ это блистательно доказывается достопамятнымъ постановленіемъ Государственнаго Совѣта, состоявшимся нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Государственный Совѣтъ недавнимъ своимъ постановленіемъ уничтожилъ тѣ преграды, которыя могли бы возникнуть для вступленія русскихъ ученыхъ въ академію. При этомъ академія впервые названа дорогимъ для нея именемъ, которымъ она называлась когда-то и которое давнымъ давно исчезло. Государственный Совѣтъ называетъ академію «русскою академіею наукъ» и находитъ, что «весьма желательно, чтобы доступъ въ академію для Русскихъ, подвизающихся на ученомъ поприщѣ, не былъ ограниченъ, но, напротивъ того, подвергся нѣкоторому расширенію. Необходимость сего очевидна. Въ теченіе прошедшихъ съ изданія послѣдняго академическаго устава пятидесяти лѣтъ, ознаменовавшихся вообще большими успѣхами просвѣщенія въ нашемъ Отечествѣ, наука пріобрѣла себѣ въ немъ значительное число преданныхъ и талантливыхъ тружениковъ. Между ними нерѣдко встрѣчаются имена, пользующіяся европейскою извѣстностью. Несомнѣнно, что этой національной нашей силѣ, болѣе чѣмъ кому-либо другому, приличествуетъ мѣсто въ россійской Академіи Наукъ».

Честь и слава русскимъ ученымъ, потрудившимся для науки и для Россіи въ истекшее пятидесятилѣтіе! Въ ряду этихъ незабвенныхъ тружениковъ науки вамъ принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Трудами своими вы проложили путь для послѣ-

дующихъ поколѣній русскихъ ученыхъ, соединенныхъ съ вами внутреннею, живою связью.

Вы — утромъ вышли на работу,
Они — въ одиннадцатый часъ.

Мудрый Хозяинъ вертограда, распредѣляющій часы работъ и жизни человѣческой, да сохранитъ васъ для новыхъ трудовъ на избранномъ вами поприщѣ. Дай Богъ, чтобы ваши труды и заслуги, ваши взгляды и мнѣнія встрѣчали всегда и всюду то искреннее, непритворное сочувствіе и то безграничное довѣріе, которымъ вы пользовались и пользуетесь въ средѣ ближайшихъ вашихъ товарищей — бывшихъ и настоящихъ членовъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ [1]).

Адресъ Александровскаго лицея, прочитанный директоромъ его Н. Н. Гартманомъ, прибывшимъ во главѣ депутаціи отъ этого заведенія.

Яковъ Карловичъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ совѣтъ лицея, награждая васъ первою золотою медалью и отпуская на поприще общественной дѣятельности, возлагалъ на васъ лучшія надежды. Эти надежды не остались тщетными. Вы отблагодарили лицей: въ теченіе десяти лѣтъ вы были украшеніемъ лицея, но уже не въ качествѣ ученика, а какъ профессоръ. Лицей не забудетъ вашей профессорской дѣятельности, не забудетъ онъ и рѣчи, которую вы нѣкогда произнесли въ немъ на торжественномъ актѣ и которую можно счесть одною изъ прекраснѣйшихъ страницъ въ русской литературѣ. Вы вдвойнѣ принадлежите лицею, и онъ гордится этимъ. Въ настоящій торжественный день пятидесятилѣтія вашего служенія государству и обществу совѣтъ лицея является передъ вами съ искреннимъ поздравленіемъ и желаніемъ продолженія вашей плодотворной дѣятельности еще на многіе годы.

Привѣтствіе С. Петербургскаго университета, прочитанное деканомъ Историко-Филологическаго факультета В. В. Бауэромъ, прибывшимъ съ членами университетскаго Совѣта.

Глубокочтимый Яковъ Карловичъ. Полвѣка исполняется сегодня вашему служенію отечественной наукѣ. Въ теченіе столь долгаго времени вы были неутомимымъ труженикомъ ея, любив-

---

[1]) Рѣчь, которою Я. К. Гротъ выразилъ сочленамъ свою благодарность, напечатана въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ Отдѣленія въ XXXI томѣ *Сборника*, см. ниже, стр. 193.

шимъ истину для нея самой, живымъ примѣромъ неослабной ревности о ней для молодыхъ поколѣній, на образованіе которыхъ въ свое время вы посвятили лучшія силы. Русская наука всегда будетъ гордиться вашими работами для нашей литературы и родного языка.

Выразивъ, тринадцать лѣтъ тому назадъ, свое глубокое уваженіе къ ученой дѣятельности вашей избраніемъ васъ на степень доктора, Совѣтъ С. Петербургскаго университета привѣтствуетъ васъ въ настоящій многознаменательный день, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и праздникъ русскаго просвѣщенія. Желая почтить вновь вашу любовь къ наукѣ и заслуги предъ нею, на благо которой да продлится ваша многоплодная жизнь, университетъ единогласно избралъ васъ своимъ почетнымъ членомъ [1]).

Подписали 15 членовъ Совѣта.

Привѣтствіе, сказанное отъ имени Историко-Филологическаго института инспекторомъ его, Н. П. Некрасовымъ.

Яковъ Карловичъ! Императорскій С.-Петербургскій Историко-Филологическій институтъ, выражая предъ вами свое глубокое уваженіе къ вашимъ полезнымъ трудамъ по русской филологіи, привѣтствуетъ день вашего пятидесятилѣтняго юбилея и искренно желаетъ, чтобы какъ ваша жизнь, такъ и соединенная съ нею ваша почтенная научная дѣятельность длилась еще долго и долго на пользу отечественнаго просвѣщенія.

Привѣтственный адресъ отъ Юго-Славянской академіи наукъ и художествъ въ Загребѣ.

Preuzvišeni gospodine! Dozvolite, da se i ova akademija, koja se ponosi što vas u svojem krugu imade, pridruži onoj obćenitoj radosti, koju svakolika učena Rusija osjeća i očituje prigodom $^{6}/_{18}$ t. m. dovršena petdeset-godišta vašega na polju nastave i znanosti velezaslužnoga rada; te da vam izjavi svoju iskrenu želju, da vas svemožni

[1]) За тѣмъ, въ теченіе сентября и октября мѣсяцевъ, дипломы на званіе почетнаго члена получены Я. К. Гротомъ отъ университетовъ: Св. Владиміра, Казанскаго и Новороссійскаго.

Bog mnogo još godina zdrava i kriepka uzdrži vašoj velikoj otačbini, cielomu Slavjanstvu i nauci [1]).

U Zagrebu, 24 rujna 1882.

Dr. Fr. Rackij predsjednik. Dr. B. Šulek tajnik.

Телеграмма его императорскаго высочества герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго.

Regrette n'avoir pas connu plus tôt le jour du cinquantième anniversaire de votre activité scientifique pour me joindre à ceux qui vous ont témoigné leurs sympaties et leur estime que j'ai toujours eu pour vous depuis mon enfance. Que Dieu vous conserve longtemps pour la gloire de la science en Russie [2]).

Duc Nicolas Leuchtenberg.

Телеграмма изъ Москвы отъ имени Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.

Искренно сожалѣемъ, что не можемъ лично принести вамъ поздравленіе и спѣшимъ выразить вамъ отъ лица Историческаго Общества и общую радость по случаю сегодняшняго праздника, и глубокую признательность за ваше неутомимое сотрудничество и сочувствіе. Дай Богъ вамъ еще много лѣтъ трудиться на пользу русской науки.

Предсѣдатель А. Половцовъ. Секретарь Г. Штендманъ.

---

[1]) (Переводъ съ хорватскаго). Ваше превосходительство. Позвольте и нашей академіи, которая гордится тѣмъ, что вы принадлежите къ ея средѣ, присоединиться къ общей радости, заявляемой всею ученою Россіею по случаю совершившейся 6-го (18-го) сентября годовщины вашей пятидесятилѣтней высоко-заслуженной дѣятельности на поприщѣ преподаванія и науки. При этомъ позвольте академіи выразить свое искреннее желаніе — да сохранитъ васъ Господь Богъ еще на многіе годы здоровымъ и бодрымъ, на пользу вашему великому отечеству, всему Славянству и наукѣ.

Загребъ, 24-го сентября 1882 года.

Д-ръ Ф. Рачкій, предсѣдатель. Д-ръ Б. Шулекъ, секретарь.

[2]) (Переводъ съ французскаго). Жалѣю, что не зналъ ранѣе о днѣ пятидесятой годовщины вашей ученой дѣятельности, чтобы присоединиться къ лицамъ, выразившимъ вамъ свои симпатіи и уваженіе, чувства, которыя я всегда питалъ къ вамъ съ самаго дѣтства. Да сохранитъ васъ Богъ надолго для славы науки въ Россіи. Герцогъ Николай Лейхтенбергскій.

Адресъ Совѣта Варшавскаго университета.

Пятьдесятъ лѣтъ исполнилось на дняхъ со времени выступленія вашего на поприще литературнаго и общественнаго служенія Россіи, а съ нею и всему Славянству. Служеніе это ознаменовалось цѣлымъ рядомъ важныхъ трудовъ по разнымъ отраслямъ филологическихъ и историко-литературныхъ наукъ вообще, а русско-славянскихъ въ частности. Русскій языкъ, въ его историческихъ судьбахъ, современномъ видѣ и отношеніяхъ къ другимъ родственнымъ языкамъ, былъ предметомъ вашего непрерывнаго изученія и всесторонняго изслѣдованія. Плодомъ этихъ занятій были многочисленныя сочиненія, статьи и замѣтки по русской грамматикѣ и лексикологіи, вошедшія въ ваши «Филологическія Разысканія». Обширный трактатъ «О спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія» сталъ настольною книгою каждаго русскаго филолога и постепенно завоевываетъ себѣ значеніе общеобязательнаго кодекса въ области вопросовъ орѳографическихъ.

Монументальное ваше изданіе сочиненій Державина является трудомъ единственнымъ въ русской литературѣ, да и въ любой европейской оно могло бы считаться образцовымъ по научности пріемовъ и важности историко-литературныхъ объясненій. Не съ однимъ, впрочемъ, Державинымъ сдружили вы свое имя: оно тѣсно связано съ изученіемъ и многихъ другихъ писателей и дѣятелей прошлаго и нынѣшняго вѣка, напримѣръ Ломоносова, Хемницера, Крылова, Карамзина, Дмитріева, особенно же Екатерины II-й, какъ Государыни и писательницы.

Вамъ же обязана русская литература ознакомленіемъ съ поэтическими сокровищами шведскаго и финскаго Сѣвера, а послѣдній открытіемъ доступа къ языку и литературѣ русской.

Если прибавить ко всему этому вашу плодотворную педагогическую дѣятельность въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, а также по образованію членовъ Царской Семьи; ваше тридцатилѣтнее, почти уже, участіе въ трудахъ Императорской Академіи Наукъ, гдѣ вы всегда старались и умѣли примирять интересы чистой науки съ условіями народной жизни; ваше теплое содѣйствіе всякому доброму научному и общественному начинанію, то получается такой итогъ ученыхъ и общественныхъ заслугъ,

который создаетъ для васъ право на уваженіе и признательность не только современниковъ, но и отдаленнаго потомства.

Во вниманіи ко всему изложенному, Совѣтъ Императорскаго Варшавскаго университета опредѣлилъ привѣтствовать васъ по случаю пятидесятилѣтняго юбилея и пожелать вамъ еще многихъ лѣтъ столь же безупречной, просвѣщенной и плодотворной дѣятельности.

Гор. Варшава, 29-го сентября 1882 года.

(Слѣдуютъ подписи ректора и декановъ университета.)

Адресъ Совѣта Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ [1]).

Väl äro snart hela tre decennier hänsvunna sedan Eders Excellens, i egenskap af lärare, tillhörde Alexanders-Universitetet; väl återfinnes numera i dess konsistorium ingen af Edra forne embetsbröder; väl har döden bortryckt de allra flesta bland Edra närmaste finske vänner; men oförminskad och oföränderlig fortlefver, i kär tradition från äldre till yngre akademiska slägten, högaktningen för Eder personlighet, tacksamheten för hvad Ni verkat till vårt lärosätes fromma.

---

[1]) (Переводъ со шведскаго). Хотя скоро исполнится тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ вы, въ качествѣ профессора, принадлежали Александровскому университету; хотя въ Совѣтѣ его нѣтъ уже никого изъ прежнихъ сотоварищей вашихъ; хотя смерть уже похитила наибольшую часть самыхъ близкихъ вамъ финляндскихъ друзей; но неизмѣнно и безъ ущерба живетъ, въ дорогомъ преданіи отъ старшихъ университетскихъ поколѣній къ младшимъ, уваженіе къ вашей личности и благодарность за то, чтó вы сдѣлали на пользу нашего храма наукъ.

Эти чувства, эти воспоминанія пробуждаются съ особенною живостью теперь, когда мы можемъ принести вамъ почтительное поздравленіе по случаю достиженія вами, съ полнымъ сохраненіемъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, преклоннаго 70-тилѣтняго возраста. Потребность выразить вамъ эти мысли ощущается тѣмъ сильнѣе, что только неблагопріятная случайность недавно лишила финляндскій университетъ удовольствія офиціально привѣтствовать васъ, вмѣстѣ съ столь многими другими учеными обществами, въ годовщину вашего пятидесятилѣтняго служенія.

Позвольте припомнить знаменательныя обстоятельства, впервые привязавшія ваше участіе, ваше сочувствіе къ самымъ дорогимъ интересамъ нашей родины. Прибывъ, правда, еще молодымъ гостемъ, но уже извѣстнымъ и уважаемымъ за литературные труды и талантливые переводы изъ лучшихъ произведеній финской и шведской поэзіи, — прибывъ на двухсотлѣтній юбилей нашего университета, вы почтили его памятною книгой, которая своимъ при-

Dessa känslor, dessa minnen, lifvas särskildt i en stund, då oss unnas betyga Eder en vördnadsfull lyckönskan att med obrutna kropps- och själskrafter hafva nått den höga lefnadsåldern af sjuttio år; ja de söka sig, dessa tänkesätt, desto mera manande ett uttryck, som endast genom en ogynsam tillfällighet Finlands högskola nyligen gick miste om fägnaden att, med så många andra vetenskapliga samfund, officielt frambära sin hyllningsgärd vid Edert femtioåra tjenstejubileum.

Tillåt, Eders Excellens, en flygtig erinran om det betydelsefulla tillfälle, hvilket först sammanknöt Edert deltagande, Eder välvilja, med vårt fosterlands dyrbaraste intressen. Anländ, väl som ung, men redan för vitter idrott och talangfulla öfversättningar ur Finlands och Sveriges yppersta skaldeverk berömligen känd och ärad gäst till vår högskolas andra sekularhögtid, hedrade Ni henne med en minnesskrift, hvars anstående form och värderika innehåll tillvunno Eder icke blott det varmaste erkännande i alla våra litterära och akademiska kretsar, utan jemväl en huldrik och på skriftens föremål, vårt åldriga läroverk, tillbakafallande bevågenhet af dess dåvarande Höge Kansler, sedermera Kejsar Alexander II, glorvördig och älskad i åminnelse.

влекательнымъ изложеніемъ и цѣннымъ содержаніемъ доставила вамъ не только самую теплую признательность всѣхъ нашихъ литературныхъ и академическихъ круговъ, но и милостивое расположеніе, распространявшееся и на предметъ книги — нашъ древній университетъ — со стороны августѣйшаго его Канцлера, впослѣдствіи Императора Александра II, достославной и любезной памяти.

Около помянутаго времени бывъ назначены профессоромъ русской исторіи, языка и литературы при Александровскомъ университетѣ, вы успѣли, частью тщательно приготовляемыми лекціями, частью изданіемъ хорошихъ учебниковъ и другихъ трудовъ, возбуждать въ молодежи охоту къ этимъ, въ нашемъ положеніи столь важнымъ для насъ предметамъ. Въ то же время мнѣнія, которыя вы подавали, и вашъ образъ дѣйствій въ университетскомъ совѣтѣ, какъ свидѣтельствуютъ и теперь еще наши акты, постоянно отличались искреннѣйшею гуманностью и просвѣщеннымъ усердіемъ къ правдѣ, закону и праву.

Такъ, при возраставшихъ къ вамъ симпатіяхъ вашихъ товарищей и слушателей, протекло 12 лѣтъ, когда милостью Государя и благоволеніемъ Канцлера вы были призваны въ столицу къ участію въ воспитаніи двухъ старшихъ сыновей Цесаревича, великихъ князей Николая и Александра. Оба августѣйшіе воспитанники ваши впослѣдствіи были также Канцлерами Александровскаго университета.

Kring antydd tidpunkt utnämnd professor i ryska historien, språket och litteraturen vid Alexanders Universitetet, lyckades Ni, dels genom vårdade föreläsningar, dels genom utgifna förtjenstfulla läroböcker och andra arbeten, hos ungdomen lifva hågen för dessa i våra förhållanden så viktiga kunskapsämnen; på samma gång Edra vota och åtgöranden vid det konsistoriela rådsbordet, såsom våra akter ännu intyga, städse stämplades af redbaraste humanitet samt upplyst nitälskan för sanning, lag och rätt.

Så hade, under växande sympatier från Edra kollegers och lärjungars sida, tolf år förflutit, då Monarkens nåd och Kanslers ynnest kallade Eder att i residensstaden handleda den senares tvenne äldste söner, Storfurstarne Nikolai och Alexander. Begge Edra Höga elever blefvo framdeles, efter hvarandra, jemväl de, Kanslerer för Alexanders Universitetet.

Icke mindre denna lyckliga omständighet, än arten af Eder omfattande och gedigna såväl historiska som linguistiska och skönlitterära forfattare-verksamhet vid Kejsardömets förnämsta vetenskapliga institution, jemte en förtrolig och lärd brefvexling med våra samtida litterära stormän, en Runeberg, en Lönnrot o. a., samt dessemellan äfven Edra temporära besök på denna ort, hafva skänkt oss förmånen at fortfarande betrakta Eder som en vördad hedersledamot af finska Universitetet.

Måtte den Försyn, som gifvit Eders Excellens förmågan att utföra lika magtpåliggande som ärofulla lefnadsvärf, ännu länge, länge uppehålla Eder helsa och arbetslust, till gagn för forskningen och vetenskapen samt till glädje och hugnad för Edert fäderneslaud

---

Не только это счастливое обстоятельство, но и качества вашей многообъемлющей и плодотворной авторской дѣятельности по исторіи, лингвистикѣ и литературѣ при первенствующемъ ученомъ учрежденіи Имперіи, а равно ваша дружеская и ученая переписка съ нашими знаменитыми современными писателями, Рунебергомъ, Ленротомъ и др., наконецъ ваши по временамъ повторявшіяся посѣщенія Финляндіи доставляли намъ удовольствіе всегда видѣть въ васъ высокоуважаемаго почетнаго члена нашего университета.

Провидѣніе, давшее вамъ силы совершить столь же важные, сколько и славные труды, да поддерживаетъ еще долго, долго ваше здоровье и любовь къ занятіямъ на пользу изслѣдованія и науки, на радость вашего отечества и того университета, который пожалъ богатые плоды отъ трудовъ вашей юности и съ благодарными благожеланіями слѣдитъ за вашею старостью.

Отъ имени Александровскаго университета Совѣтъ его.

(Слѣдуютъ подписи: ректора д-ра Лагуса и 19-ти профессоровъ).

Гельсингфорсъ, 15 (27) декабря 1882 года.

och för den högskola, som njutit rika frukter af Eder ungdoms id och med tacksam välgangsönskan följer Eder ålderdom.

På Kejserliga Alexanders Universitetets vägnar

Dess Konsistorium: etc.

Постановленіе С. Петербургской Городской Думы.

С. Петербургская Городская Дума, собравшись 10-го сего сентября, въ первое послѣ бывшаго, 6-го числа юбилея академика Я. К. Грота, засѣданіе, единогласно постановила принести Якову Карловичу поздравленіе отъ имени Городскаго Общества.

На торжественномъ годичномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1892 года академикъ А. Н. Веселовскій началъ свой Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія за 1882 годъ слѣдующими словами, посвященными Якову Карловичу по поводу его 50-лѣтняго юбилея:

«Отчетъ о своей дѣятельности за текущій годъ Второму Отдѣленію пріятно начать воспоминаніемъ о своемъ недавнемъ семейномъ праздникѣ: юбилеѣ старѣйшаго изъ своихъ сочленовъ, Я. К. Грота. Девятый, дополнительный томъ сочиненій Державина и второй томъ сочиненій Плетнева — таковъ былъ вкладъ въ русскую науку и литературу въ пятидесятый годъ служенія ей, ровнаго, безсмѣннаго, честнаго. Другіе подведутъ ему итоги; намъ дорога его идея: служеніе русской литературѣ, языку, исторіи. Отъ стихотворныхъ переводовъ изъ Байрона, Рунеберга, Тегнѣра — до критическаго изданія нашихъ поэтовъ XVIII-го вѣка; отъ юношеской погони за матеріаломъ лингвистическаго знанія и редакціи Шведско-русскаго словаря — до «Филологическихъ разысканій»; отъ «Исторіи Россіи» написанной по-шведски — до монографій замѣтокъ и матеріаловъ, обогатившихъ нашу исторіографію: вездѣ одно и тоже теченіе, никогда не мѣнявшее русла и только наполнявшееся новыми, живыми водами. На почвѣ общеевропейскаго, широкаго образованія выросло такимъ образомъ зданіе, русское стилемъ и содержаніемъ, плодъ таланта и устойчиваго труда, которымъ принесли дань должнаго уваженія всѣ, чествовавшіе пятидесятилѣтній юбилей нашего сочлена. Ихъ было много; сочувствіе можно считать тѣмъ болѣе искреннимъ, чѣмъ тише, неожиданнѣе подкралось само празднованіе, о которомъ не знали даже близко

стоявшіе къ дѣлу люди — не потому ли, что частое вращеніе въ кругу извѣстныхъ величинъ пріучаетъ смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто обыденное, не выходящее изъ ряду и канцелярскаго ранжира? Иное могло и должно было быть отношеніе нашего Отдѣленія; такимъ оно остается и теперь. Если въ концѣ каждаго академическаго года оно обыкло приносить на судъ общественнаго мнѣнія отчетъ о своихъ годичныхъ трудахъ, то, полагаемъ, ничто не возбраняетъ ему указать на результаты 30-ти лѣтней дѣятельности, которой оно было свидѣтелемъ. Дѣло, впрочемъ, не столько въ книгахъ, сколько въ человѣкѣ, не въ производительности, а въ условіяхъ, ее вызвавшихъ, въ совокупности воззрѣній, убѣжденій и нравственныхъ понятій, внѣ которыхъ научное слово грозитъ обратиться въ звучащую мѣдь. Служеніе наукѣ даже въ академической кельѣ дѣло не легкое: снаружи доносится пѣсня Мефистофеля, зовущая къ златому тельцу и міръ пытается облобызать правду, посягая на ея чистоту. Чтобы соблюсти ее надо было не только принести, но и твердо сохранить обѣтъ, данный около 40 лѣтъ тому назадъ — по поводу одного привѣтствія. Во время пребыванія Якова Карловича въ Финляндіи, кто-то наканунѣ Рождества таинственно подкинулъ ему затѣйливый подарокъ: перо изъ бѣлой кости, въ оправѣ изъ стали и серебра съ надписью изъ Рунеберга:

«Такъ было весело, свѣтло!»

Получивъ этотъ подарокъ, нашъ молодой профессоръ отвѣчалъ стихами:

. . . .
«Но кто же ты, кто такъ прекрасно,
Мнѣ вѣсть участья нынѣ шлешь,
И ободренья знакъ такъ ясно
И такъ умно мнѣ подаешь?
. . . .
Ктобъ ни былъ ты, прими въ отплату
Дань этихъ первыхъ строкъ пера,
Тобою поданнаго брату
Съ завѣтомъ правды и добра.
О, я завѣтъ сей принимаю,
Я передъ ангеломъ благимъ [1])
Добру и правдѣ обѣщаю
Всегда служить перомъ моимъ!

---

1) Т. е. передъ ангеломъ, являющимся въ пьесѣ «Вечеръ на Рождество», откуда былъ взятъ стихъ: «Такъ было весело, свѣтло».

И если я обѣтъ нарушу,
И если низости змѣя
Когда-нибудь вползетъ мнѣ въ душу
И развратится рѣчь моя —
Пускай мой бѣлый гость обратно
Къ тебѣ умчится, помрачась,
И стихъ исчезнетъ благодатный!»

Бѣлый гость не умчался, потому что обѣтъ былъ соблюденъ. «Дѣйствовать открыто и прямо», отвѣтилъ юбиляръ на привѣтствія членовъ Отдѣленія, «чуждаться всякой интриги, вести дѣла коллегіально, законно и безпристрастно, уважать свободу мнѣній и слова, итти навстрѣчу всякому добросовѣстному труду, всякому справедливому желанію, наконецъ, энергически охранять честь учрежденія, которому великій его основатель завѣщалъ высокую цѣль служить наукѣ на пользу Россіи и русскаго народа — таковы были правила, которыя я всегда считалъ обязательными для каждаго честнаго академика, помня при томъ святое апостольское слово: *плодъ правды сѣется въ миръ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ я однакожъ сознавалъ, что стремленіе къ миру должно имѣть свои предѣлы, что въ дѣлахъ общественныхъ правда не можетъ быть приносима въ жертву миру, и что когда предстоитъ выборъ между ними, то предпочтеніе должно быть безъ колебанія отдаваемо *правдѣ*» [1]).

Петербургскій, Кіевскій, Казанскій и Новороссійскій университеты почтили академ. Грота избраніемъ его въ почетные члены; тогда же онъ получилъ привѣтственные адресы отъ Югославянской Академіи и Варшавскаго Университета, а Гельсингфорскій, не имѣвшій возможности участвовать въ юбилейномъ торжествѣ, вспомнилъ недавно о своемъ дѣятелѣ, по поводу совершившагося его семидесятилѣтія, приславъ ему поздравительный адресъ, исполненный теплаго къ нему сочувствія профессоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые были его слушателями». (См. Сборн. Отдѣл. р. яз. и сл., т. XXXI).

---

[1]) Весь отвѣтъ Якова Карловича см. Сборникъ Отд. р. яз. и сл., т. XXXI, стр. I—II.

Через десять лѣтъ, *6 сентября 1892 года*, по случаю исполнившагося *шестидесятилѣтія* учено-литературной дѣятельности Я. К. Грота,—юбиляра, находившагося за границей, въ Висбаденѣ, почтили снова, какъ Августѣйшія Особы и офиціальныя лица, такъ и различныя ученыя учрежденія и многочисленные его почитатели — задушевными привѣтствіями и пожеланіями, нѣкоторыя же ученыя учрежденія—также выборомъ въ почетные члены. Иныя изъ нихъ пріурочили свои привѣтствія ко дню 15 декабря того же года, когда Я—у К—чу минуло 80 лѣтъ, съ чѣмъ являлись поздравить его всѣ сотоварищи по Академіи съ Августѣйшимъ ея президентомъ во главѣ [1]).

Приводимъ здѣсь нѣкоторые документы, относящіеся къ торжествамъ 6-го сентября и 15-го декабря [2]).

Высочайшая телеграмма (въ Бозѣ почившаго Государя Императора)
на имя Я. К. Грота.

Спала.

Отъ души поздравляю 60-лѣтнимъ служеніемъ наукѣ. Дай Богъ вамъ силы, здоровья на многіе годы для пользы русской словесности.

Александръ.

Телеграмма Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующего Государя Императора.

Spala.

Vous félicite sincèrement pour votre jubilé de 60 ans de service. Que Dieu vous donne la force de le continuer pour longtemps encore à la gloire de notre académie des sciences.

Nicolas.

Телеграмма Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича.

Spala.

Acceptez voeux, souhaits et bien sincères felicitations.

Wladimir.

---

[1]) Объ этомъ выше, стр. 169.

[2]) Описаніе и статьи по поводу этихъ юбилеевъ см. въ слѣдующ. изданіяхъ: *Къ 6-му сент.* 1892: Нов. Время, 5 сент.; Новости 6 сент. (№ 246); Сынъ Отечества № 40, 4 окт.; Живоп. Обозр. № 37; Нива, № 36; Звѣзда, № 37; Сѣверъ, № 37 и мног. друг. русскіе, а также славянскіе и шведскіе журналы и газеты. *Къ 15-му дек.*: Новое Время, 16 дек.; Новости, 16 дек. и друг.

Телеграмма отъ Августѣйшаго президента Императорской Академіи Наукъ Великаго Князя Константина Константиновича.

Soixante années se sont écoulées du jour de votre entrée au service. L'Academie imperiale des sciences vous présente aujourd'hui les félicitations les plus sincères à l'occasion de cet anniversaire, elle fait les voeux les plus chaleureux pour que Dieu vous donne les forces de continuer encore longtemps vos travaux au profit de la science en Russie. Constantin.

Телеграмма Великаго Князя Константина Константиновича и Великой Княгини Елисаветы Маврикіевны.

Стрѣльна.

En ce jour si mémorable nous faisons bien des voeux fervents et sincères en implorant le seigneur de prolonger vos jours, de vous conserver pour la gloire de la science et de vous recompenser pour ces soixante années de labeur infatiguable.

Constantin. Elisabeth.

Телеграмма Великой Княгини Александры Іосифовны и Великаго Князя Дмитрія Константиновича.

Стрѣльна.

Nous tenons à vous exprimer nos chaleureuses félicitations à l'occasion du soixantième anniversaire de vos services éminents à la science.

Alexandra. Dmitri.

Императорская Академія Наукъ привѣтствовала Я. К. Грота слѣдующимъ адресомъ:

«Высокоуважаемый Яковъ Карловичъ. Десять лѣтъ тому назадъ Императорская академія наукъ привѣтствовала васъ по случаю исполнившагося тогда пятидесятилѣтія вашей плодотворной дѣятельности на поприщѣ науки, литературы и государственной службы. Въ протекшее съ тѣхъ поръ время вы продолжали трудиться съ прежнею, не знающею утомленія, энергіей. Волею Государя Императора будучи призваны къ исполненію обязанностей вице-президента академіи, вы неустанно заботитесь о развитіи дѣятельности высшаго изъ русскихъ ученыхъ учрежденій на пользу отечественнаго просвѣщенія. Въ то же время, стоя во главѣ отдѣленія русскаго языка и словесности, вы остаетесь усерднымъ дѣятелемъ въ этой

ближайшей вамъ средѣ. По вашему почину, отдѣленіе предприняло новое изданіе словаря русскаго языка. Вами, главнымъ образомъ, выработанъ планъ этого обширнаго предпріятія, и подъ вашимъ непосредственнымъ наблюденіемъ оно приводится въ исполненіе. Законное право руководить этимъ важнымъ трудомъ вы пріобрѣли себѣ вашими основательными и разнообразными филологическими познаніями и многолѣтнею литературною опытностью. Появившееся въ свѣтъ начало «Словаря» свидѣтельствуетъ, что онъ дѣйствительно будетъ богатою сокровищницею нашего прекраснаго языка въ его современномъ состояніи и займетъ достойное мѣсто въ ряду ученыхъ академическихъ трудовъ. Связавъ съ нимъ ваше имя, столь давно извѣстное въ лѣтописяхъ русской науки, вы оказываете новую важную услугу русскому просвѣщенію вообще и въ частности тому учрежденію, которое почти сорокъ лѣтъ считаетъ васъ въ своемъ составѣ. Въ настоящій день, когда исполняется шестьдесятъ лѣтъ вашей высокополезной дѣятельности, академія почитаетъ пріятнымъ долгомъ высказать вамъ чувства своего глубокаго уваженія и пожелать, чтобы еще много лѣтъ вы посвящали ваши труды на пользу учрежденія и отечественной науки».

Адресъ подписали: Августѣйшій Президентъ академіи и академики всѣхъ трехъ отдѣленій.

Телеграмма отъ имени Императорскаго Общества любителей древней письменности.

Императорское Общество любителей древней письменности, привѣтствуя юбилей 60-лѣтней ученой дѣятельности Вашего Высокопревосходительства, преисполнено самыми лучшими пожеланіями, чтобы еще долго продолжалась ваша многополезная дѣятельность въ области русскаго просвѣщенія.

Предсѣдатель графъ Сергій Шереметевъ.

Секретарь Хрисанфъ Лопаревъ.

Телеграмма отъ имени Императорскаго Казанскаго Университета.

Казанскій Университетъ съ живѣйшей радостью привѣтствуетъ васъ, Яковъ Карловичъ, съ достиженіемъ шестидесятилѣтней годовщины вашего плодотворнаго служенія — на пользу русской науки и просвѣщенія и искренно желаетъ дальнѣйшаго продолженія вашей славной ученой дѣятельности.

Ректоръ. Университета Ворошиловъ.

Телеграмма изъ Тифлиса отъ имени Кавказскаго учебнаго Округа.

Отъ всего Кавказскаго учебнаго Округа и лично отъ себя привѣтствую Васъ съ исполнившимся сегодня шестидесятилѣтіемъ неустанныхъ Вашихъ плодотворныхъ занятій по разработкѣ русскаго языка и литературы. Примите наши сердечныя пожеланія Вамъ сохранить свои силы на долго для продолженія славныхъ Вашихъ трудовъ на пользу русской науки. Попечитель Яновскій.

Изъ письма къ Я. К. Гроту ректора Александровскаго (Гельсингфорсскаго) университета.

. . . Нашъ университетъ не могъ забыть лежащаго на немъ долга благодарности къ Вашему Высокопревосходительству.

Вы прожили между нами 12 лѣтъ самаго цвѣтущаго возраста и снискали въ продолженіе этого времени общее уваженіе и привязанность. Хотя современное Вамъ поколѣніе большею частью уже не существуетъ, но не исчезла память о Вашей энергической преподавательской и авторской дѣятельности, а также о той гуманности и возвышенномъ образѣ мыслей, которыми Вы всегда отличались. Дѣятельность Ваша служила знаменательнымъ звеномъ, связывавшимъ русскую литературу съ литературой Финляндіи и Швеціи и тѣмъ способствовала къ болѣе близкому взаимному ознакомленію разноплеменныхъ народовъ. Покинувъ Гельсингфорсъ, Вы, посреди другихъ важныхъ занятій, продолжали плодотворную дѣятельность въ области русской исторіи, литературы и филологіи. Этими трудами Вы постоянно пріобрѣтали новыя права на признаніе и благодарность какъ съ нашей стороны, такъ и отъ всѣхъ любителей литературы и науки.

Я высказываю общія чувства всѣхъ моихъ сотоварищей, принося Вамъ горячія поздравленія съ достиженіемъ отпразднованнаго Вами юбилея. Они искренно желаютъ, чтобы Провидѣніе даровало Вамъ здоровье и силы еще долго трудиться на пользу отечества и науки. Къ этимъ пожеланіямъ я лично присоединяюсь тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что покойный отецъ мой, профессоръ Гавріилъ Рейнъ имѣлъ счастіе пользоваться Вашей дружбой и не разъ выражалъ при мнѣ свою преданность и глубокое уваженіе къ Вамъ.

Телеграмма отъ имени Упсальскаго Университета.

Ваши шведскіе друзья и почитатели шлютъ вамъ самыя искреннія поздравленія, по случаю восьмидесятилѣтія вашей жизни и шестидесяти-двухъ-лѣтнихъ неоцѣненныхъ заслугъ вашихъ по русской исторіи, литературѣ и языку, выражая живѣйшую благодарность ученому посреднику между литературами двухъ націй. Да продлитъ Господь ваши дни!

Графъ А. Гамильтонъ. Ректоръ Упсальскаго университета П. Геденіусъ и др. (перев. съ франц.)

Телеграмма отъ имени Королевскаго Общества Наукъ (въ Упсалѣ).

Ваше П—во! Королевское Общество Наукъ въ Упсалѣ, почитая честью имѣть васъ въ числѣ своихъ членовъ, почтительно привѣтствуетъ старѣйшаго изъ русскихъ ученыхъ. Съ радостнымъ и благодарнымъ чувствомъ оно видитъ васъ восьмидесятилѣтняго, работающаго еще со всѣмъ пыломъ молодости. Да сохранитъ васъ Богъ для давно подготовлявшагося превосходнаго труда, который составитъ вашу послѣднюю славу! (перев. съ франц.)

При дипломѣ на званіе члена Готенбургскаго Общества наукъ и словесности получено 3 Марта 1893 г. слѣдующее письмо секретаря общества.

(Отъ 6-го марта нов. ст. 1893).

Ваше П—во! Имѣю честь увѣдомить Васъ, что Готенбургское Королевское Общество наукъ и словесности въ засѣданіи сего числа единогласно избрало Васъ въ иностранные свои члены. Королевское Общество вполнѣ понимаетъ, что оно этимъ нисколько не можетъ увеличить славу, пріобрѣтенную вашими необыкновенными учеными заслугами, но оно желало оказать самому себѣ честь обращенною къ Вамъ просьбою удостоить принять мѣсто, предлагаемое Вамъ этимъ избраніемъ. Въ числѣ своихъ иностранныхъ членовъ оно желаетъ видѣть замѣчательнаго русскаго перелагателя образцовыхъ произведеній шведской литературы.

Съ величайшимъ почтеніемъ Вашъ покорный слуга

Іоаннъ Паульсонъ, профессоръ, секретарь Общества.

(перев. съ шведск.)

Дипломъ подписанъ предсѣдателемъ Эрдгреномъ и секретаремъ.

II.

СПИСОКЪ

сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота [1])

1830.

1. Замѣтка профессора Тилло́ о «Курсѣ французской литературы» Ферри де Пиньи: Cours élémentaire и проч. de la Littérature française, rédigé par Ferry de Pigny. (съ франц.).

   Литер. Газета барона Дельвига 1830, № 29, Отд. «Критика», стр. 233—234. Переводъ сдѣланъ во время воспитанія академика въ Царскосельскомъ лицеѣ, по порученію профессора, который и подписался подъ замѣткой.

1838.

2. *Мазепа, поэма Байрона.

   Современникъ 1838, т. IX, стр. 94—128. Переводъ съ подлинника. Въ концѣ «Эпилогъ» переводчика.

3. Жанъ-Поль Фридрихъ Рихтеръ.

   Современн. 1838, т. X, стр. 66—90. Изъ Quarterly-Review. Подписано: Л. В. (Лицейскій Воспитанникъ).

---

[1]) Этотъ списокъ (напеч. въ т. XXXII Сборн. Отд. р. яз. и сл.) составленъ С. И. Пономаревымъ до 1883 года включительно, а нынѣ дополненъ и доведенъ нами до кончины Якова Карловича. По плану составителя, стихи подъ каждымъ годомъ первой эпохи дѣятельности академика помѣщаются прежде прозы и означаются звѣздочкою.

1839.

4. **Изъ шведскихъ поэтовъ.**
Современн. 1839, т. XIII, стр. 16—50. Это переводы, помѣщенные въ статьѣ, означенной подъ слѣдующимъ за симъ нумеромъ.

5. **Знакомство съ Рунебергомъ.**
Современн. 1839, т. XIII, стр. 5—57. Описаніе поѣздки въ Борго вмѣстѣ съ финляндскимъ литераторомъ Цигнеусомъ.

6. **О переводѣ Фауста, сдѣланномъ Губеромъ.**
Современн. 1839, т. XIII, стр. 73—78.

7. **Поэзія и миѳологія Скандинавовъ. Исландскія поэмы.**
Отеч. Зап. 1839, т. IV, № 6, Отд. II, Науки, стр. 1—38. По поводу изданной въ Парижѣ книги Бергмана Poèmes islandais.

8. **Зимніе Цвѣты, шведскій альманахъ.**
Современн. 1839, т. XIV, стр. 5—20.

1840.

9. ***Вечеръ на Рождество (изъ Рунеберга).**
Современн. 1840, т. XVII, стр. 28—30.

10. ***На гробницу младенца.**
Современн. 1840, т. XVIII, стр. 254.

11. ***Изъ народнаго эпоса «Калевала».**
Современн. 1840, т. XIX, стр. 89—96. Отрывки, помѣщенные въ статьѣ, означенной ниже подъ № 16.

12. ***Привѣтствіе финляндскимъ литераторамъ.**
Современн. 1840, т. XX, стр. 17—19, въ статьѣ Плетнева «Двухсотлѣтній юбилей Александровскаго университета». (См. также его «Сочиненія», т. I, стр. 440—442). Читано на обѣдѣ, данномъ русскими литераторами въ честь финляндскихъ.

13. **О природѣ финляндской, о нравахъ и образѣ жизни народа во внутренности края. Статья Рунеберга.**
Современн. 1840, т. XVII, стр. 5—31. Въ концѣ помѣщено стихотвореніе того же автора «Вечеръ на Рождество», означенное выше особо подъ № 9.

14. **Гельсингфорсъ.**
Современн. 1840, т. XVIII, стр. 5—82.

15. **Путешествіе Врангеля по Сибири.**
Современн. 1840, т. XVIII, стр. 103—122. Подписано: Г.

16. **О Финнахъ и ихъ народной поэзіи.**
Современн. 1840, т. XIX, стр. 5—101. Здѣсь, между прочимъ, изложено все содержаніе финскаго эпоса «Калевала».

17. Литературныя новости въ Финляндіи. Письмо изъ Гельсингфорса (безъ подписи).

Современн. 1840, т. XX, стр. 24—85. Здѣсь, между прочимъ, переводы: статьи Аттербома о значеніи университетовъ, и стиховъ неизвѣстнаго финскаго поэта цесаревичу в. кн. Александру Николаевичу.

18. Воспоминанія Александровскаго университета.

Альманахъ въ память двухсотняго юбилея Имп. Александровскаго университета, 1842, стр. 1—143. См. ниже №№ 61 и 62.

19. Изъ поэмы Тегнера «Фритіофъ».

Отеч. Зап. т. IX, кн. 5, стр. 94—99.

1841.

20. *Перо.

Соврем. 1841, т. XXI, стр. 222—224. По поводу святочнаго подарка, по финляндскому обычаю полученнаго авторомъ отъ неизвѣстнаго.

21. *Маркизѣ М. А. де Траверсé.

Современн. 1841, т. XXI, стр. 236—237.

22. *Борго.

Современн. 1841, т. XXII, стр. 176—180.

23. *Приговоръ.

Тамъ же, стр. 186.

24. *Опасеніе.

Тамъ же, стр. 190.

25. *Обращеніе къ Фритіофу.

Современн. 1841, т. XXIII, стр. 47—49, первой нумераціи, въ статьѣ Плетнева о переводѣ «Фритіофа». Этимъ стихотвореніемъ оканчивается письмо къ г-жѣ Ишимовой, служащее предисловіемъ поэмы. Во второмъ изданіи «Фритіофа» (см. ниже подъ 1874 г. № 308) письмо замѣнено вступленіемъ, и стихи не перепечатаны.

26. *Жребій.

Современн. 1841, т. XXIII, стр. 166. Подпис. Г.

27. *Вопросъ.

Тамъ же, стр. 177. Подпис. Г.

28. *Изъ поэмы Рунеберга «Надежда».

Современн. 1841, т. XXIV, стр. 61—70, первой нумераціи. Это стихотворный отрывокъ въ составѣ статьи, излагающей прозою содержаніе поэмы; см. ниже № 34.

29. *Новый домъ (изъ Уланда). Посвящено А. Веттергофу.

Современн. 1841, т. XXIV, стр. 70—71. Подпис. Г.

30. На бракосочетаніе В. К. Цесаревича Акександра Николаевича.

Finlands Allmänna Tidning, 1841, мая 1, № 99.

31. *Фритіофъ, скандинавскій богатырь. Поэма Тегнéра въ русскомъ переводѣ. Гельсингфорсъ 1841, 12°, 207 и 3 ненум. стр.—2-е изданіе см. ниже подъ 1874 г. № 308.

32. Жизнь Тегнéра, описанная Францéномъ (съ шведскаго).
Соврем. 1841, т. XXI, стр. 52—81. Подпис. Г.

33. Стрѣлки оленей, поэма Рунеберга.
Соврем. 1841, т. XXII, стр. 49—67. Въ подлинникѣ, написанномъ экзаметрами, поэтическая картина быта финскаго крестьянина. Въ переводѣ представлено извлеченіе прозою.

34. Надежда, поэма Рунеберга.
Соврем. 1841, т. XXIV, стр. 49—80. Содержаніемъ служитъ разсказъ изъ временъ Екатерины II. Въ переводѣ извлеченіе прозою съ примѣсью стиховъ; см. выше № 28.

1842.

35. *Привѣтствіе финляндскихъ студентовъ канцлеру Александровскаго университета. Съ финскаго подлинника профессора Линсéна.
Современн. 1842, т. XXVII, стр. 17, первой нумераціи.

36. *Радость Вейнемэйнена.
Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго университета, стр. 105—111. См. ниже № 61.

37. *Путешествіе на юбилей. (Стихотвореніе Францéна, переводъ съ шведскаго).
Тамъ же, стр. 117—132.

38. *Новый годъ.
Звѣздочка, журналъ для дѣтей, 1842, ч. I-я, стр. 43—45. Тамъ же, стр. 74—78, «Вечеръ на Рождество» (перепечатано изъ Современника, см. здѣсь № 9).

39. *Насъ семеро, съ англійскаго, изъ Вордсворта.
Тамъ же, стр. 131—134.

40. *Херувимъ.
Звѣздочка 1842, ч. II, стр. 14—17.

41. *Зеркало, съ шведскаго, изъ Францéна.
Тамъ же, стр. 133—134.

42. *Звѣзды, съ шведскаго, изъ Францéна.
Тамъ же, стр. 136—137.

43. *Чижикъ.
Тамъ же, отд. II, стр. 50.

44. *Къ рѣчкѣ, съ шведскаго, изъ Рунеберга.
Тамъ же 1842, ч. III, стр. 106—107.

45. *Могу ли я увидѣть Бога? съ шведскаго.
Звѣздочка 1842, ч. IV, стр. 173—175.

46. *Милый ученикъ, съ нѣмецкаго, изъ Рюккерта.
Звѣзд. 1842, ч. IV, отд. II, стр. 72—74.

47. Что такое исторія?
Тамъ же, ч. I, стр. 81—97.

48. Праздникъ Рождества въ Финляндіи.
Тамъ же, стр. 163—169.

49. Праздникъ въ Александровскомъ университетѣ.
Тамъ же, стр. 212—216.

50. Что такое географія?
Звѣзд. 1842, ч. II, стр. 1—13.

51. Епископъ Францéнъ.
Тамъ же, стр. 79—102.

52. Дѣтскія письма.
Тамъ же, стр. 145—155.

53. Жизнь и страданіе, съ шведскаго.
Звѣзд. 1842, ч. III, стр. 36—55.

54. Письма о русской исторіи. Письмо 1-ое.
Тамъ же, стр. 73—95. (Отъ Рюрика до кончины Ярослава).

55. Портреты и силуэты.
Тамъ же, стр. 96—103.

56. Наказаніе.
Тамъ же, стр. 129—138.

57. Пчелы.
Тамъ же, стр. 145—167.

58. Перелетныя птицы, съ шведскаго.
Звѣзд. 1842, ч. IV, стр. 49—61.

59. Русскія примѣчательности.
Тамъ же, стр. 81—99.

60. О зимнемъ снѣ растеній и животныхъ, съ шведскаго.
Тамъ же, стр. 155—172.

61. Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Императорскаго Александровскаго университета. Гельсингфорсъ, 1842, 8°, 303 и 15 нен. стр.

Общее содержаніе Альманаха такъ объяснено въ началѣ книги: «Издатель, собравъ нѣсколько статей на русскомъ языкѣ и нѣсколько другихъ на шведскомъ, представляетъ здѣсь первыя въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ ихъ, а послѣднія въ русскомъ переводѣ. За этимъ вскорѣ послѣдуетъ другое изданіе той же книги, въ которомъ наоборотъ статьи, по-шведски написанныя, будутъ помѣщены въ подлинникѣ, а написанныя по-русски явятся въ шведскомъ переводѣ». См. вслѣдъ за симъ № 62.

ОГЛАВЛЕНІЕ АЛЬМАНАХА.

III. Война дважды разстраиваетъ университетъ.
IV. Императоръ Александръ.
V. Абовская ученость.
VI. Поэзія на Аурѣ.
VII. Императорскій Александровскій университетъ.
Путешествіе на юбилей 1840 года, еписк. Францéна.
Финляндія въ русской поэзіи, П. А. Плетнева.
Нѣсколько дней въ Лапландіи, М. А. Кастрéна.
Необойденный домъ, кн. В. Ѳ. Одоевскаго.
О національномъ характерѣ Финновъ, И. Э. Эмана.
Макбетъ христіанская ли трагедія? И. Л. Рунеберга.
О литературной совѣстливости, гр. В. А. Соллогуба.
Нынѣшніе крестьяне-поэты въ Финляндіи, Ильи Ленрота.

62. Kalender till minne af Kejserliga Alexanders-Universitetets andra secularfest. Utgifven af J. Grot. Helsingfors, 1842. 339 и 15 ненум. стр. Статья издателя въ переводѣ съ русскаго: Minnen af Alexanders-Universitetet, стр. 1 — 131. (То же самое, что здѣсь подъ № 61).

Переводы русскихъ статей на шведскій языкъ сдѣланы, по просьбѣ издателя, финляндскими литераторами, особенно молодымъ, даровитымъ чиновникомъ канцеляріи генералъ-губернатора Юліемъ Лундалемъ († 1853), который замѣчательно удачно перевелъ и стихи, помѣщенные въ статьѣ Плетнева: «Финляндія въ русской поэзіи». Другимъ дѣятельнымъ помощникомъ издателя въ переводахъ былъ лекторъ русскаго языка при университетѣ, Матвѣй Акіандеръ.

63. Привѣтствіе канцлеру Александровскаго университета Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу, при посѣщеніи имъ университета.

Соврем. 1842, т. XXVII, стр. 11—14.

64. Листки изъ скандинавскаго міра.

Соврем. 1842, т. XXVIII, стр. 29—51. Исторія Петра Великаго, соч. Шюслера; о происхожденіи имени и государства русскаго, соч. Францéна; Финны; Францéнъ; замѣтки о Россіи и Ломоносовѣ, шведскаго писателя; Альмквистъ [1]).

1843.

65. *Паукъ, съ шведскаго, изъ Стагнеліуса.

Соврем. 1843, т. XXIX, стр. 268.

66. *Бабочка.

Звѣздочка 1843, ч. V, отд. II, стр. 67—73.

---

[1]) Въ рядѣ статей подъ заглавіемъ «Листки изъ скандинавскаго міра» мы указываемъ замѣтки, наиболѣе важныя по содержанію. С. П.

67. *Счастливая старость, съ англійскаго, изъ Соути.
Звѣздочка 1843, ч. VI, стр. 78—79.

68. *Цвѣтокъ.
Тамъ же, стр. 205—207.

69. *Шляпа.
Звѣздочка 1843, ч. VII, стр. 122—123.

70. *Пѣсенка, съ шведскаго.
Тамъ же, отд. II, стр. 47—48.

71. Второе письмо о русской исторіи.
Звѣздочка 1843, ч. V, стр. 1—44. Разсказъ событій отъ смерти Ярослава до смерти Юрія Долгорукаго.

72. Письмо къ читателю (1-е апрѣля).
Тамъ же, ч. VI, стр. 1—11.

73. Князь Я. Ѳ. Долгоруковъ.
Тамъ же, стр. 81—110.

74. Странный обычай.
Звѣздочка 1843, ч. VII, стр. 15—18.

75. Вечеръ въ физическомъ кабинетѣ.
Тамъ же, стр. 19—36.

76. Румянцовы.
Тамъ же. Статья 1 (стр. 75—83). Статья 2 (стр. 97—121). Статья 3 (стр. 195—211).

77. Троицкій Соборъ на Петербургской сторонѣ.
Тамъ же, стр. 87—94.

78. Водолазный колоколъ и барометръ.
Звѣздочка 1843, ч. VIII, стр. 1—12.

79. Листки изъ скандинавскаго міра.
Соврем. 1843, т. XXIX, стр. 84—107. Замѣтки о Россіи, шведскаго писателя; Тегнéръ; стихи Мармье; сочиненіе г. Дершау.

80. Кастрéнъ и Ленротъ въ Русской Лапландіи.
Соврем. 1843, т. XXIX, стр. 145—160. Продолженіе статьи Кастрена, помѣщенной въ Альманахѣ: см. выше №№ 61 и 62.

81. Путевыя письма Ленрота изъ сѣверныхъ губерній Россіи.
Соврем. 1843, т. XXXI, стр. 5—33. Переводъ съ шведскаго.

82. Листки изъ скандинавскаго міра.
Соврем. 1843, т. XXX, стр. 218—240 и 331—340. Два трагическія происшествія; отзывъ нѣмца о романахъ Фредерики Бремеръ; вниманіе финляндскихъ листковъ къ русской литературѣ; сочиненіе проф. Вассера о бракѣ; драмы шведскаго короля Густава III; путешествіе Кастрена по Россіи; Альмквистъ; Оссіанъ въ шведскомъ переводѣ.

83. Рѣчь по случаю рожденія великаго князя Николая Александровича, произнесенная въ торжеств. собраніи Гельсингфорсскаго университета 15 октября 1843 года.
Соврем. 1843, т. XXXII, стр. 199—211.

1844.

84. *Подарокъ.

Звѣздочка 1844 г., ч. IX, отд. II, стр. 1—3.

85. Панины.

Звѣздочка 1844, ч. XII, стр. 75—84.

86. Листки изъ скандинавскаго міра.

Соврем. 1844, т. XXXIII, стр. 121—155. Замѣчанія финляндскихъ филологовъ о русской грамматикѣ и русскомъ народѣ; финскіе крестьяне; Альмквистъ; Цигнеусъ о финляндской войнѣ 1741—1742 г.; о р. правописаніи географическихъ именъ въ Финляндіи; книжная торговля въ Финляндіи; сочиненіе Ленстрема о Пушкинѣ.

87. Разсказы изъ шведской исторіи (по Фрюкселю).

Соврем. 1844, т. XXXV, стр. 225—278. Общій обзоръ сочиненія Фрюкселя. Извлеченія изъ первыхъ томовъ. Разсказъ о Рагнарѣ Лодброкѣ и его сыновьяхъ.

88. Литературныя замѣтки и выписки.

Соврем. 1844, т. XXXV, стр. 269—297. Гёте и русскіе поэты; мысли Аттербома объ исторіи литературы; академикъ Кругъ; Упсальскій университетъ; исправленный Шекспиръ.

89. О романѣ «Семейство», соч. Фредерики Бремеръ.

Москвитян. 1844, ч. II, № 3, стр. 171—186.

1845.

90. *Пѣсня.

Звѣздочка *для младшаго возраста* 1845, ч. I, стр. 143—144.

91. *Зимнее веселье.

Тамъ же, стр. 190—191.

92. *Смерть.

Тамъ же, ч. III, стр. 101.

93. *Пѣсня передъ зеркаломъ.

Звѣздочка *для старшаго возраста* 1845, ч. XIII, стр. 160—161.

94. *Письмо изъ деревни.

Тамъ же, ч. XV, стр. 1—2.

95. *Печаль.

Тамъ же, стр. 153—154.

96. *Желаніе.

Тамъ же, ч. XVI, стр. 43.

97. *Порядокъ.

Тамъ же, ч. XVIII, стр. 11—12.

98. *Притча о блудномъ сынѣ.

Тамъ же, стр. 78—80.

99. *Пѣснь финскаго стрѣлковаго баталіона (съ шведскаго).

Тамъ же, стр. 100—101. Стихи эти помѣщены въ письмѣ переводчика изъ Гельсингфорса, содержащемъ описаніе праздника по поводу назначенія новорожденнаго великаго князя, въ Бозѣ почившаго Императора Александра Александровича шефомъ финскаго стрѣлковаго батал.

100. *Къ другу.

Тамъ же, стр. 145—146.

101. Бибиковъ.

Звѣздочка *для старшаго возраста* 1845, ч. XIII, стр. 1—3.

102. Изъ писемъ учителя къ ученикамъ.

Тамъ же, ч. XV, стр. 3—15.

103. Маленькая психологическая сцена.

Тамъ же, стр. 168—172.

104. Первыя главы русской исторіи.

Тамъ же, ч. XV и XVI, стр. 19—32 и 63—84. Разсказъ состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: Новгородское княжество. — Кіевское княжество. — Походъ подъ Царьградъ и договоръ съ Греками. — Ольга-христіанка. — Святославъ въ Болгаріи. — Олегъ Черниговскій и Владиміръ Мономахъ. — Борьба Мономаховичей и Олеговичей. — Лѣтописецъ Несторъ.

105. Изъ біографіи Франклина.

Тамъ же, ч. XVI, стр. 124—128.

106. Птичка. Письмо къ другу.

Тамъ же, стр. 178—183.

107. Маленькая философка.

Звѣздочка *для младшаго возраста*, ч. II, стр. 65—69.

108. Дѣтскія письма.

Тамъ же, ч. III, стр. 59—62.

109. Черты изъ жизни княгини Екатерины Романовны Дашковой.

Соврем. 1845, т. XXXVII, стр. 5—32. Переведено изъ англ. подлинника Записокъ кн. Дашковой, напечатанныхъ въ 1840 г. въ Лондонѣ.

110. Воспоминанія о войнѣ 1808 г. и путешествіи императора Александра I го по Финляндіи.

Соврем. 1845, т. XXXVII, стр. 274—290. Извлечено изъ шведской книги г-жи Ваклинъ: Hundra minnen från Österbotten.

111. Державинъ.

Соврем. 1845, т. XXXVII, № 2, стр. 121—184. Эта статья состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. — Первая эпоха. Тридцать четыре года жизни: 1. До 27-лѣтняго возраста.—2. Слѣдующія семь лѣтъ.

112. Участіе Державина въ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ.

Соврем. 1845, т. XXXVIII, № 4, стр. 38—87. Отдѣлы: 1. Четыре года (1778 — 1781). — 2. Женитьба. — 3. Самобытное направленіе въ поэзіи.—4—7 (отдѣлы безъ заглавій).—8. Сближенія.

113. **Фелица и Собесѣдникъ любителей россійскаго слова.**
Соврем. 1845, т. XL, стр. 113—150 и 225—263.—Отдѣлъ I: 1. Прекращеніе С.-Петербургскаго Вѣстника.—2. Сказка о царевичѣ Хлорѣ.—3. Происхожденіе оды «Фелица».—4. «Собесѣдникъ».
Отдѣлъ II: 1. Державинъ въ борьбѣ съ врагами.—2. Рѣшемыслъ.—3. Державинъ членъ Росс. Академіи.—4. Ода «Богъ».

114. Объ основныхъ формахъ русскаго глагола.
Соврем. 1845, т. XXXVIII, стр. 269—363.

115. Очерки старинныхъ нравовъ Швеціи.
Соврем. 1845, т. XXXIX, стр. 321—338. По «Разсказамъ изъ шведской исторіи» Фрюкселя. Отдѣлы: 1. Упсальскій храмъ.—2. Биргеръ ярлъ и его законы. Похищеніе невѣстъ. Судебные поединки. Кораблекрушеніе. Основаніе Стокгольма.— 3. Магнусъ, Замóкъ житницъ. Первыя станціи.—4. Происхожденіе дворянства и гербовъ. Духовенство и рыцари.—5. Торкель Кнутсонъ въ Финляндіи. Война съ Русскими.—6. Шведы на Невѣ.—7. Казнь Т. Кнутсона.—Король Биргеръ губитъ братьевъ.

1846.

116. *Пѣсня при захожденіи солнца, съ нѣмецкаго (съ нотами).
Звѣздочка *для младшаго возраста* 1846, ч. V, стр. 96.

117. *Трудъ.
Тамъ же, стр. 138—139.

118. *Привѣтствіе новому товарищу.
Тамъ же, ч. VI, стр. 61.

119. *Маленькій кустъ, съ нѣмецкаго.
Тамъ же, стр. 71.

120. *Свѣтлякъ, съ шведскаго, изъ Францéна.
Тамъ же, ч. VIII, стр. 57—58.

121. *Терпѣніе (съ нѣмецкаго). Посвящено Ел. Ѳ. Келлеръ.
Звѣздочка *для старшаго возраста*, ч. XIX, стр. 51—52.

122. *Шестнадцатилѣтнему стихотворцу.
Тамъ же, ч. XX, стр. 93—94. Стихи, обращенные къ покойному С. Н. Николаевскому.

123. *Г-ну С. Н.
Тамъ же, стр. 191—192. Къ тому же лицу, какъ и № 122.

124. Подражаніе притчѣ о птицахъ и лиліяхъ.
Соврем. 1846, т. XLIII, стр. 211—212.

125. Негро и Васька, два друга.
Звѣздочка *для младшаго возраста* 1846, ч. V, стр. 70—81.

126. Разговоры Василія Дмитріевича съ Алексѣемъ.
Звѣздочка *для старшаго возраста* 1846, ч. XVII, стр. 112—121, и часть XVIII, стр. 81—87.

127. Om Peter den Stores historiska arbeten.
(изъ статьи Устрялова) Borgå Tidning 1845, стр. 16.

128. Ученая бесѣда въ Гельсингфорсѣ.

Соврем. 1846, т. XLII, стр. 252—269. Разсказъ о чтеніяхъ профессоровъ: Шультѣна, Нервандера, Бонсдорфа, Рейна и пастора Гиппинга. Послѣдній, авторъ книги *Нева и Ніеншанцъ до основанія Петербурга* (1846), читалъ о первобытныхъ жителяхъ Гельсингландіи (части южнаго, приморскаго края), въ которыхъ предполагаетъ коренное шведское населеніе, оставшееся здѣсь во время перехода германскаго племени съ Востока на Скандинавскій полуостровъ.

129. Указатель содержанія «Современника» за десятилѣтіе съ 1836 по 1845 г. Спб. 1846, 8°, 79 стр.

Изданъ отдѣльно редакторомъ «Современника» въ 1846 году. Отдѣлы: 1. Указатель заглавій и содержанія статей въ прозѣ.—2. Указатель именъ, означенныхъ подъ статьями въ прозѣ.—3. Указатель стихотвореній и именъ, подъ ними подписанныхъ.

1847.

130. *Воспоминаніе старика.

Звѣздочка *для старшаго возраста*, 1847, ч. XXI, стр. 54—55.

131. Прогулка въ Пáльдамо.

Тамъ же, стр. 69—105. Вошло потомъ въ книгу: «Переѣзды по Финляндіи». См. слѣдующій за симъ нумеръ.

132. Переѣзды по Финляндіи отъ Ладожскаго озера до рѣки Торнео. Путевыя записки. Спб. 1847, 12°, xvii и 242 стр.

Авторъ собиралъ изложенныя здѣсь свѣдѣнія на мѣстахъ во время путешествій по Финляндіи, начиная съ 1839 года. Въ 1846 онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Ленротомъ, знаменитымъ собирателемъ и издателемъ финскаго эпоса. Книга издана на иждивеніи бывшаго въ 40-хъ годахъ цензоромъ Крылова, который впослѣдствіи присоединилъ къ тексту рядъ политипажей. Отдѣлы: I. Кексгольмъ, Сердоболь и Нейшлотъ.—II. Отъ Нейшлота до Куопіо. — III. Отъ Куопіо до Торнео. — IV. Поѣздка къ горѣ Авасаксѣ и незаходящее солнце.—V. Торнео и Улеоборгъ.—VI. Озеро Улео и городъ Каяна.—VII. Прогулка въ Пáльдамо и воспоминаніе объ императорѣ Александрѣ I.—VIII. Возвращеніе въ Каяну и оттуда въ Гельсингфорсъ.

133. О произношеніи буквъ е, ѣ, э.

Спб. Вѣд. 1847, № 173. Здѣсь въ первый разъ изложено подмѣченное авторомъ явленіе, что звукъ э произносится различно, т. е. широко или узко, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый, или мягкій звукъ.

134. Некрологъ генерала А. П. Теслева (вице-канцлера Гельсингфорсскаго университета и и. д. финляндскаго генералъ-губернатора).

Спб. Вѣдом. 1847, № 284.

135 Нѣсколько писемъ изъ Швеціи (1847).

Спб. Вѣдом. 1848, № 77: I. Историческій диспутъ на пароходѣ.— № 81: II. Пріѣздъ въ Упсалу.—№ 84: III. Упсальская библіотека.—№ 95: IV. Студенты. — № 104: V. Рудники въ Даннеморѣ.—№ 106: VI. Старая Упсала. — № 120: VII. Еще о студентахъ. — №№ 122 и 123: VIII. Знакомства съ учеными.

136. Изъ дневника, веденнаго въ Швеціи (1847).

Спб. Вѣдом. 1848, № 273 и 275. Упсала.

137. Прогулка по Готскому каналу (1847).

Сѣверн. Обозрѣніе, 1849, № 1, стр. 470—483.

138. Стокгольмъ (1847).

Москвит. 1849, ч. V, окт., стр. 239—284.

139. Отъ Веттера до Венера. (Изъ дневника, веденнаго въ Швеціи въ 1847 г.).

Отеч. Зап. 1850, т. LXVIII, Смѣсь, стр. 203—220.

140. Подъ наблюденіемъ Я. К. Грота, въ 1846 и 1847 гг., по Высочайшему повелѣнію напечатанъ былъ въ Гельсингфорсѣ, при его участіи въ окончательной обработкѣ, Шведско-Русскій словарь въ двухъ томахъ, 8°, составленный при Финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ. Ч. I. A — L, 1846, 684 и 8 ненум. стр.; ч. II, M—Ö, 1847, 645 стр.

Кромѣ того, подъ его надзоромъ и при его дѣятельномъ участіи сдѣланы всѣ переводы съ шведскаго, появившіеся въ «Современникѣ» 1840-хъ годовъ, какъ-то между прочимъ: «О королѣ Густавѣ Адольфѣ» (т. XXVII), «Путевыя письма Ленрота изъ сѣверныхъ губерній» (т. XXXI), «Яковъ Делагарди» (тамъ же), «Вечеръ на Рождество въ лоцманской избѣ» (т. XXXIV), «Островъ на рѣкѣ Улео (тамъ же), «Бронзовый вепрь» (т. XL), «Дворецъ» (тамъ же). Особенно же участвовалъ онъ въ переводѣ съ шведскаго двухъ, напечатанныхъ въ «Современникѣ» и отдѣльно, романовъ: «Семейство», Фредерики Бремеръ, и «Импровизаторъ» Андерсена.

1848.

141. Плутархъ. Изъ Вильменя.

Звѣздочка *для старшаго возраста* 1848, ч. XV, стр. 61—74.

142. Прогулка по Готенбургу.

Тамъ же, стр. 100—113. Это отрывокъ изъ дневника, веденнаго въ Швеціи въ 1847 г. См. №№ 135—139.

143. *Кульневъ, съ шведскаго, изъ Рунеберга.

Спб. Вѣдом. № 82. Помѣщено въ составѣ одной изъ статей: «Очерки изъ финляндскихъ походовъ 1808 и 1809 г.». См. ниже № 152.

144. Литературные Опыты. Кн. I. Чтеніе для юношества. Гельсингфорсъ, 1848, 8°, 160 и IV ненум. стр.

Выборъ статей и стихотвореній Грота, напечат. въ журналѣ «Звѣздочка».

145. Одертъ Грипенбергъ.

Спб. Вѣдом. 1848, №№ 91 и 92. Статья эта—некрологъ замѣчательнаго финляндскаго педагога.

146. Можно ли питаться мясомъ? (По поводу статьи В. С. Порошина).

Спб. Вѣдом. 1848, № 248.

147. Разборъ сочиненія князя П. А. Вяземскаго «Фонъ-Визинъ».

Спб. Вѣдом. 1848, №№ 281, 282 и 283.

148. Theoretisk och praktisk Lärobok i ryska språket. Första kursen (för begynnare). Helsingfors. 1848. Той же книги 2-е изданіе: Andra upplagan. Helsingfors, 1849, VIII и 117 стр.

149. Rysk Läsebok, innehållande smärre arbeten på prosa och vers af J. Grot. Helsingfors. 1848, 160 и 5 ненум. стр. Приложеніе: Lexikon till Rysk Läsebok. IV и 71 стр.

Содержаніе этой книги для чтенія то же, что № 144; но всѣ статьи и стихи напечатаны съ удареніями. Въ словарѣ принято за правило означать глаголы двумя формами: неопред. наклоненіемъ и 3-мъ лицомъ множ. числа наст. вр.

1849.

150. О русскихъ журналахъ.

Русск. Инвалидъ, № ? (см. первые мѣсяцы).

151. Дѣйствительно ли Мартинъ Беръ авторъ хроники?

Журн. Мин. Нар. Просв. 1849, т. LXII, № 5, стр. 100—130 (и отдѣльн. оттиски [1]).

152. Очерки изъ финляндскихъ походовъ 1808 и 1809 гг.

Статья 1. Спб. Вѣдом. 1849, №№ 79, 80, 81, 82.—Статья 2. Спб. Вѣдом. 1849, № 101.—Статья 3: см. ниже № 170.

---

[1]) Большая часть статей Я. К. Грота, помѣщавшихся съ этого времени въ Ж. М. Н. Пр. и въ другихъ, особенно академическихъ изданіяхъ, печатались и отдѣльными оттисками, хотя это здѣсь не всегда означено при заглавіяхъ.

1850.

153. Замѣтка о книгѣ Цигнеуса: «Bidrag till de nordeuropeiska folkslagens historia». (Матеріалы для исторіи сѣверно-европейскихъ народовъ, собранные во Франціи и Италіи).
Жур. Мин. Нар. Просв. 1850, т. LXV, отд. VI, стр. 46—54.
154. Handbok i Ryska Rikets historia, af J. Grot. Första Häftet. Ryssland före det Moskovitiska väldets uppkomst. Helsingfors, 1850. xII и 86 стр. Подъ тѣмъ же заглавіемъ: Andra Häftet. Det Moskovitiska väldet. Helsingfors. 1851.
155. Разборъ стихотвореній Фета.
Отеч. Зап. 1850, т. LXVIII, кн. 2, стр. 49—72.

1851.

156. Письма съ береговъ Чернаго моря (професс. Лагуса, перев. съ шведскаго).
Спб. Вѣдом. 1851, №№ 271, 273, 277, 283 и 287.
157. Ученые диспуты въ Александровскомъ университетѣ. (Извлеченіе изъ русскихъ лѣтописей, изд. на шведскомъ языкѣ. — Литературные вечера въ Гельсингфорсѣ).
Журн. Мин. Народн. Просв. 1851, ч. LXX, отд. VII, стр. 62—70.
158. Разборъ книгъ: Hertiginnan af Finland, соч. Топеліуса. (Герцогиня Финляндская, романтизированный разсказъ, съ приложеніемъ исторіи финляндской войны 1741—1743 гг.), и Bidrag till Nordens sjukdomshistoria, соч. Ильмони. (Матеріалы для исторіи болѣзней въ Сѣверной Европѣ).
Журн. Мин. Нар. Просв. 1851, т. LXXI, отд. VII, стр. 31—38.

1852.

159. О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка.
Журн. Мин. Нар. Просв. 1852, т. LXXIV, № 6, стр. 97—137.
160. Областныя великорусскія слова, сродныя съ скандинавскими.
Извѣстія II отд. Ак. Наукъ 1852: Матеріалы для словаря, т. I, л. III, стр. 38—48.
161. Областныя великорусскія слова финскаго происхожденія.
Извѣстія II отд. Ак. Наукъ. 1852. Матеріалы для словаря, т. I, л. V, стр. 65—68.

162. Замѣчанія по поводу «Опыта областнаго великорусскаго словаря».

Изв. II отд. Ак. Наукъ. 1852: Матеріалы для словаря, т. I, л. VII, стр. 113 — 120. Статьи подъ №№ 159, 160 и 161 вошли потомъ въ отдѣльно изданныя: «Филологическія Разысканія».

163. Замѣчанія касательнаго новаго изданія русскаго словаря.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ, 1852, т. II, л. I, II, стр. 9—15.

164. Некрологъ Кастрéна.

Спб. Вѣдом. 1852, № 10.

165. Извѣстія о Петербургскомъ краѣ до завоеванія его Петромъ Великимъ.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1853, т. LXXVII, № 1, стр. 1 — 17. Въ основаніе статьи положены шведскіе источники.

166. О пребываніи плѣнныхъ Шведовъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

Журн. Мин. Нар. Просв., т. LXXVII, № 2, стр. 119—178. Статья составлена на основаніи книги шведа Эннеса: «Biographiska minnen af konung Carl XII-s krigare».

167. Замѣчанія о спряженіи русскаго глагола.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ, 1853, т. II: Матеріалы для словаря и грамматики, л. XXV, стр. 391—399.

168. Дополнительное замѣчаніе о спряженіи русскаго глагола.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ, 1853, т. III, л. VIII, IX, стр. 141—14

1854.

169. Россія и Англія.

Сѣв. Пчела, 1854, апр. 20, № 87. Замѣтка со стихами Хомякова.

1855.

170. Очерки финляндскаго похода 1809 г.

Современникъ 1855, т. LI, май. Отд. IV, стр. 1 — 14. См. выше № 152.

171. О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ 1856, т. V, вып. II. Прибавленія, стр. 337—348.

172. Сравнительныя замѣчанія о русскихъ словахъ.

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1856, т. V, вып. II. Прибавл., стр. 348—354. Статьи подъ №№ 167, 168, 171 и 172 вошли потомъ въ «Филологическія Разысканія».

173. Объ элементарномъ преподаваніи русскаго языка.

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1856, т. VI, вып. I, стр. 19—34. Вошло въ 3-е изданіе «Филологическихъ Разысканій».

1856.

174. Рѣчь при выпускѣ 21-го курса воспитанниковъ Александровскаго Лицея, 6 іюня 1856 года.

Памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лицея на 1856—1857 годъ. Спб. 1856, стр. 33—37.

175. Rysk Läsebok (см. здѣсь № 149), 2-е изданіе, тамъ же, 1856, 153 и 4 нен. стр. Приложеніе: Lexikon, VIII и 77 стр. Было и 3-е изданіе, сдѣланное въ Гельсингфорсѣ книгопродавцемъ Стольпе.

Сверхъ того въ «Журналѣ для чтенія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ заведеній», въ 1855 и 1856 гг., напечатаны были Я. К. Гротомъ, съ сокращеніями, для малолѣтнихъ великихъ князей Николая и Александра Александровичей, слѣдующіе разсказы: 1) Капитанская дочка; 2) Путешествіе въ Арзрумъ, Пушкина; 3) Дѣлай добро и тебѣ будетъ добро, Основьяненка, и 4) Послѣднее сраженіе Фигнера, Невѣдомскаго.

1857.

176. Грамота герцога Карла къ царю Өеодору Іоанновичу, найденная въ шведскомъ государственномъ архивѣ.

Журн. Мин. Нар. Просв. 1857, т. XCIII, № 3, стр. 347—355.

177. Автографъ Пушкина (19-е октября 1825 г.).

Изв. II отд. Ак. Н. 1857, т. VI, вып. IV, стр. 326—336.

1858.

178. *Въ альбомъ Государю Наслѣднику Николаю Александровичу.

Русск. Вѣстн. 1860, № 1 и 2, стр. 391.

179. Замѣтка о значеніи идеаловъ въ воспитаніи.

Журн. для воспитанія, 1858, т. IV, стр. 207—210.

180. Въ какихъ изданіяхъ наша литература особенно нуждается?

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. I, стр. 17—26. То же Журн. Мин. Нар. Просв. 1858, ч. XCVIII, стр. 174—184.

181. Словари областныхъ нарѣчій.

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. II, стр. 81—95.

182. О нѣкоторыхъ законахъ русскаго ударенія.

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. III, стр. 161—200.

183. Матеріалы для обсужденія вопроса о новомъ изданіи академическаго словаря.

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. IV, стр. 241 — 256, №№ 181, 182 и 183 вошли позднѣе въ книгу «Филологическія Разысканія». См. ниже № 302.

184. Разборъ поэмы Никитина «Кулакъ».

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1858, т. VII, вып. IV, стр. 289—913. Есть и отд. оттиски, 8°, 1—38 стр.

1859.

185. *Царское Село.

Русск. Бесѣда 1859, кн. VI, стр. 6—8.

186. *Скальдъ, съ шведскаго, изъ Рунеберга.

Тамъ же, стр. 9—10.

187. Гимнастика въ Петербургѣ.

Спб. Вѣдом. 1859, № 12.

188. Матеріалы для обсужденія вопроса о новомъ изданіи академическаго словаря, статья 2-я (см. здѣсь № 183).

Изв. II отд. Ак. Наукъ, 1859, т. VIII, вып. III, стр. 203—214. Та же статья въ Русской Бесѣдѣ 1859 г., кн. VI, стр. 1 — 52, подъ заглавіемъ: «Мысли Якова Гримма о національномъ словарѣ».

189. Рѣчь къ выпускнымъ воспитанникамъ Александровскаго лицея на актѣ 24 мая 1859 г.

Спб. Вѣд. 1859, № 136. (Отд. оттиски, стр. 1—11); Моск. Вѣдом. № (?); Извѣст. II отд. Ак. Наукъ, т. VIII, вып. III, стр. 235—240.

190. Планъ академическаго изданія сочиненій Державина.

Спб. Вѣдом. 1859, мая 14, № 103; Извѣстія II отд. Ак. Наукъ 1859, т. VIII, вып. II, стр. 81 — 89 (и отд. оттиски); Журн. Мин. Нар. Просв. 1859, ч. СП, стр. 177 — 183.

191. Рукописи Державина и Н. А. Львова.

Спб. Вѣдом. 1859, дек. 9, № 268; Моск. Вѣдом. 1859, № 295; Извѣст. II отд. Ак. Н. 1860, т. VIII, вып. IV, стр. 241—260 (и отд. оттиски).

192. Читалагайскія оды Державина.

Библіограф. Записки 1859, № 16, стр. 482—495 (и отд. оттиски).

1860.

193. Литературный вечеръ 10 января 1860 года въ С.-Петербургѣ.

Спб. Вѣдом. 1860, № 9; Моск. Вѣдом. 1860, № 11; Журн. Мин. Нар. Просв. 1860, т. CV, стр. 95 — 98.

194. **Литва или Скандинавія?**

Отеч. Зап. 1860, т. CXXIX, № 4, отд. I, стр. 377—388. По поводу бывшаго въ С.-Петербургскомъ университетѣ публичнаго диспута между Погодинымъ и Костомаровымъ, который въ «Современникѣ» напечаталъ статью о происхожденіи Руси изъ Литвы.

195. О нѣкоторыхъ законахъ русскаго ударенія. Статья II (см. здѣсь № 182). О переходѣ ударенія въ склоненіи именъ существительныхъ.

Извѣстія II отд. Ак. Наукъ 1860, т. VIII, вып. v, стр. 361 — 373. Вошло въ «Филологическія Разысканія». См. ниже № 302.

196. Жизнь Державина.

Русск. Вѣстн. 1860, т. XXVI, № 7, стр. 331—378 (были отд. оттиски). Начало новой біографіи Державина (до вступленія его въ службу), предпринятой по поводу приготовлявшагося тогда академическаго изданія его сочиненій. Дополненія въ № 8 Р. Вѣстника, стр. 397—400.

1861.

197. *Добрая память.

Русск. Вѣстн. 1861, № 4, стр. 701—702.

198. *Памяти Пушкина.

Тамъ же, № 9, стр. 300—302. Также въ Памятной книжкѣ Александровскаго Лицея. Написано по поводу приготовленій къ празднованію 50-лѣтней годовщины Лицея.

199. Замѣтка о русской журналистикѣ.

Русск. Вѣстн. 1861, т. XXXI, № 2, Литер. Обозр., стр. 905—911.

200. Рѣчь на юбилеѣ князя П. А. Вяземскаго (2 марта 1861 г.).

Извѣстія II отд. Ак. Н. 1860, т. IX, вып. V, стр. 342—345. Также въ отдѣльномъ изданіи «Юбилей 50 л. литературной дѣятельности князя П. А. Вяземскаго». Спб. 1861, 8°, стр. 45—49.

201. О ходѣ въ 1860 году приготовительныхъ работъ по изданію Державина.

Изв. II отд. Ак. Н., т. IX, вып. III, стр. 128—139.

202. Нѣсколько ученыхъ замѣтокъ во время заграничнаго путешествія.

Изв. II отд. Ак. Н., т. IX, вып. III, стр. 139—160. —№№ 201 и 202 изданы вмѣстѣ отдѣльно брошюрой подъ заглавіемъ: «Записка о ходѣ и т. д».

203. По поводу вопроса о признакахъ спряженія русскихъ глаголовъ. Отвѣтъ на письмо Билярскаго.

Изв. II отд. Ак. Н., т. IX, вып. III, стр. 261—264.

204. Бѣлинскій и его мнимые послѣдователи.

Спб. Вѣдом. 1861, № 109 (и отд. оттиски).

205. Критическія замѣтки о письмахъ Карамзина и Грибоѣдова.— Два слова объ Академіи Наукъ.

Русск. Вѣстн. 1861, апрѣль, т. XXXII, Литер. Обозр., стр. 145—152.

206. Критическая замѣтка объ «Исторической хрестоматіи новаго періода русской словесности (отъ Петра I до нашего времени)», составл. А. Галаховымъ, Спб. 1861, т. I.

Изв. II отд. Ак. Н., т. X, вып. II, л. 235, стр. 152.

207. Матеріалы для біографіи Державина. Дѣятельность и переписка его во время Пугачевскаго бунта.

Учен. Зап. II отд. Ак. Наукъ, 1861, кн. VII, вып. I, стр. 1—169 (и отд. оттиски).

208. Объ авторѣ «Митюхи Валдайскаго» (П. Н. Семеновѣ).

Библіограф. Записки 1861, № 15, стр. 447—457.

1862.

209. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги Кара и Бибикова. Со снимкомъ съ почерка Бибикова.

Зап. Ак. Наукъ, 1862, т. I, кн. 2. Прилож. № 4, стр. 1—65 (и отд. оттиски).

210. Письма Ломоносова и Сумарокова къ И. И. Шувалову. Матеріалы для исторіи русскаго образованія. Со снимками почерковъ Сумарокова и Ломоносова.

Зап. Ак. Н. 1862, т. I, кн. I. № 1, стр. 1—52. (и отд. отт.)

211. Изъ дорожнаго дневника, веденнаго за границей (лѣтомъ 1860 г.).

Русск. Вѣстн. 1862, № 1, стр. 383—410; № 2, стр. 731—746.

212. Записка о дополнительныхъ матеріалахъ для біографіи Державина (собранныхъ въ Тамбовѣ и на Волгѣ).

Записки Ак. Н. 1862, т. II, кн. 1, стр. 29—94 (и отд. оттиски).

213. По поводу толковъ о правописаніи.

Соврем. Лѣтоп. 1862, іюль, № 28, стр. 1 — 4. Ср. Сѣв. Пч. 1862, № 314.

214. Занятія Пушкина (архивныя, особенно по исторіи Пугачевскаго бунта). Къ матеріаламъ для его біографіи.

Русск. Вѣстн. 1862, № 12, стр. 636—645.

1863.

215. Дешево купленное эстетическое наслажденіе.

Моск. Вѣд. 1863, № 31. По поводу затрудненій при полученіи билета на театральное представленіе.

216. **Замѣтка о народномъ лѣчебникѣ.**
Сѣверн. Пчела 1863, № 72.

217. **Библіографическая замѣтка объ одѣ «Богъ».**
Зап. Ак. Наукъ 1863, т. III, кн. 1, стр. 39—45. Переведена на нѣмецкій языкъ въ Archiv für wissensch. Kunde von Russland, Band XXIV, Heft 1, стр. 177 — 184. См. въ этомъ же изданіи замѣтку Я. К. Грота, Heft 4, стр. 687.

218. **Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Переписка императрицы Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ.**
Зап. Ак. Н. 1863, т. III, кн. 1, № 4, стр. 241—258 (и отд. оттиски).

219. **Поѣздка въ Петрозаводскъ и на Кивачъ.**
Зап. Ак. Наукъ 1863, т. IV, кн. 1, стр. 51—63 (и отд. оттиски).

220. **Званка и могила Державина.**
Соврем. Лѣтоп. 1863, сент., № 33, стр. 4—6.

221. **Державинъ и графъ Петръ Панинъ.**
Спб. Вѣдом. 1863, №№ 208 и 210 (и отд. оттиски 12 д. л., стр. 1—43).

1864.

222. **Начало Руси.**
Семейные Вечера, младшій возрастъ, № 2, стр. 28 — 32, и № 10, стр. 466—472.

223. **Некрологъ академика А. Х. Востокова.**
Спб. Вѣдом. 1864, февраля 9, № 33.

224. **Похороны Востокова.**
Спб. Вѣдом. 1864, № 38.

225. **Некрологъ графа Д. Н. Блудова.**
Спб. Вѣдом. 1864, февр. 20, № 43.

226. **Воспоминаніе о Гоголѣ.**
Русскій Арх. 1864, № 2, стр. 177—180.

227. **Критическая замѣтка объ «Исторической Хрестоматіи новаго періода русской словесности», А. Галахова, т. II, Спб. 1864.**
Спб. Вѣдом. 1864, № 305.

228. **Замѣтка о неисправности телеграфа.**
Моск. Вѣдом. 1864, № 112.

229. **Откуда слово Кремль?**
Зап. Ак. Наукъ, 1864, т. VI, кн. 1, стр. 203—211. Нѣмецкій переводъ съ сокращеніями въ Archiv für wiss. Kunde v. Russland, Band XXIV, Heft 2, стр. 247 и слѣд. Вошло въ «Филологическія Разысканія». См. ниже № 302.

230. **Годовщина основанія Царскосельскаго Лицея.**
Спб. Вѣдом. 1864, № 239.

231. **Извлеченія изъ писемъ Илличевскаго къ Фусу.**
Русск. Арх. 1864, № 10, стр. 1050—1076.

232. Критическая замѣтка о «Русскомъ Архивѣ».
Спб. Вѣд. 1864, № 210.

233. Отчетъ по Отдѣленію русск. языка и словесности за 1864 г. (съ характеристикой графа Блудова, Востокова и Шевырева).
Торжеств. Собраніе Имп. Ак. Наукъ 29 дек. 1864.—Отчеты Ак. Н. по Отд. Русск. языка и словесности. Спб. 1866, стр. 401—427.

234. Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Томъ I. Стихотворенія, ч. I. Съ рисунками, найденными въ рукописяхъ поэта, съ портретами и снимками. Спб. 1864, 8°, L и 812 стр. Роскошное изданіе въ девяти томахъ. (См. выше №№ 190 и 201).

1865.

235. Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова, читанный въ торжественномъ собраніи Акад. Наукъ 6 апрѣля 1865 г.
Зап. Ак. Наукъ 1865, т. VII, кн. II, стр. 220 — 258 (и отд. оттиски). Былъ напечатанъ и въ нѣсколькихъ газетахъ, какъ-то: въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ Сынѣ Отечества и др.

236. Отвѣтъ на библіографическій вопросъ.
Русск. Арх. 1865, стр. 1400—1402. Покойный А. А. Котляревскій обратился къ библіографамъ съ вопросомъ: кто авторъ брошюры: «Хронологическій Списокъ русскихъ сочинителей и библіографическія замѣчанія о ихъ сочиненіяхъ». Въ отвѣтѣ указано на П. А. Плетнева.

237. Годовщина дня основанія Царскосельскаго Лицея (со стихами).
Русскій Арх. 1866, № 1, стр. 127—131.

238. Замѣтка о «Русскомъ Архивѣ».
Спб. Вѣдом. 1865, № 303. (Ср. здѣсь № 227).

239. Отчетъ по Отдѣленію русск. языка и словесности за 1865 годъ (съ некрологами К. И. Арсеньева и П. А. Плетнева).
Торж. Собраніе Имп. Ак. Наукъ, 29 дек. 1865 г. Спб. 1866, стр. 51—62.—Отчеты Ак. Наукъ по Отд. русск. языка и словесн. Спб. 1866, стр. 431—451.

240. Характеристика Державина, какъ поэта.
Торж. собраніе Имп. Ак. Наукъ 29 дек. 1865, стр. 87—103; Русскій Вѣстн. 1866, т. 61, № 2, стр. 450—469; Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. 1867, т. I, № 4, стр. 1—25.

241. Сочиненія Державина. Томъ II. Стихотворенія, ч. II. Съ рисунками, найденными въ рукописяхъ поэта. 1865. XIV и 736 стр. (см. здѣсь № 234).

1866.

242. *Въ день годовщины основанія Царскосельскаго Лицея.
Русск. Архивъ 1866, № 1, стр. 127.
243. Некрологъ П. А. Плетнева.
Спб. Вѣдом. 1866, № 1.
244. Сочиненія Державина. Томъ III. Стихотворенія, ч. III. Съ портретомъ Д. А. Державиной и пятью виньетками. 1866, xxii и 784 стр. (см. здѣсь № 234).
245. О Второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ.
Моск. Вѣдом. 1866, № 102, мая 21.—Сборн. Отд. русск. яз. и слов. 1867, т. I, № 5, стр. 1—16
246. Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина.
Спб. Вѣдом. 1866, №№ 323 и 324 (съ тѣми сокращеніями, съ какими рѣчь была читана въ Академіи). Перепеч. и въ нѣк. др. изданіяхъ. Полная рѣчь: Торж. собраніе Имп. Ак. Н. 1 декабря 1866 г., въ память столѣтней годовщины рожденія Н. М. Карамзина. Спб. 1867, стр. 7—45. Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. 1867, т. 1, № 10, стр. 1—60. Нѣмецкій переводъ въ Centralblatt für slavische Litteratur und Bibliographie, 1867, №№ 9—12.
247. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Съ примѣчаніями и указателемъ издали Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866, 8°. xii, 483, 0214 и 3 ненум. стр.

1867.

248. Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка.
Журн. Мин. Нар. Просв. 1867, № 4, т. CXXXIV, стр. 20—76.
249. Замѣтка о топографическихъ названіяхъ вообще.
Журн. М. Нар. Просв. 1867, ноябрь, т. CXXXVI, стр. 617—628. №№ 248 и 249 позднѣе вошли въ «Филологическія Разысканія», томъ I, стр. 61—131. (См. здѣсь №№ 302 и 325).
250. Переписка преосв. Евгенія съ Державинымъ.
Сборн. Отд. русск. яз. и словесн. 1868, томъ V, вып. 1, стр. 65—216 (и отд. оттиски). Въ приложеніяхъ: письма Евгенія къ гр. Хвостову и К. К. Гирсу.
251. Сочиненія Державина. Томъ IV. Драматическія сочиненія. Съ указателемъ къ первымъ четыремъ томамъ. 1867. xii, 861 и 3 ненум. стр. (см. здѣсь № 234).

1868.

252. Литературная жизнь Крылова.

Спб. Вѣдом. 1868, №№ 34, 36 и 37. Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. 1869, т. VI, стр. 1—28 [1]).

253. Дополнительное біографическое извѣстіе о Крыловѣ (съ тремя приложеніями).

Сборн. Отд. русск. яз. и слов., 1869, т. VI, стр. 29—47. (Прежде было въ Спб. Вѣдом., подъ заглавіемъ «Замѣтки для біографіи Крылова», 1868, 28 стр. № 114.)

254. Сатира Крылова и его «Почта Духовъ».

Вѣстн. Евр. 1868, № 3, стр. 203—224. Полнѣе въ Сборн. Отд. рус. яз. и слов. 1869, т. VI, стр. 109—134.

255. Замѣтка о пасторѣ Гротѣ (дѣдѣ академика).

Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. 1868, т. V, вып. 1-й, стр. 289—292.

256. Сельская школа (изъ Рязанской губ.).

Соврем. Лѣтоп. 1868, № 28, стр. 10—12.

257. Отзывъ о русско-французскомъ словарѣ Макарова.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1868, т. II, стр. xxi — xxvi. Отзывы акад. Броссэ и Грота о французско-русскомъ словарѣ Макарова, Сборникъ Отд. р. яз. 1870, т. VII, стр. lxvii—lxviii.

258. Разборъ брошюры: «Die Lehre vom russisschen Accent, von Dr. L. Kayssler. Berlin, 1866».

Ж. М. Н. Просв. 1869, янв., ч. CXLI, стр. 239—251. №№ 257 и 258 вошли въ «Филологическія Разысканія».

259. Сочиненія Державина. Второе академическое изданіе (безъ рисунковъ). Содержаніе томовъ и ихъ заглавія тожественны съ роскошнымъ изданіемъ. Томъ I, 1868, xxxv, 542 и 2 ненум. стр. (См. здѣсь № 234).

1869.

260. Разборъ «Исторіи русской литературы, А. Галахова, т. II. Спб. 1868».

Журн. М. Н. Просв. 1869, февраль, ч. CXLI, стр. 476—496.

261. Къ исторіи шведской войны въ 1788 г.

Русск. Арх. 1869, № 1, стр. 111—124.

262. Рѣчь объ университетскомъ образованіи, произнесенная на

---

[1]) Статьи, которыя печатались и въ Запискахъ Ак. Наукъ, и въ Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и слов., внесены здѣсь, по большей части, только съ обозначеніемъ тома Сборника. С. П.

юбилейномъ обѣдѣ С.-Петербургскаго университета, 9 февр. 1869 г., и письмо о томъ къ М. И. Сухомлинову.

Юбилейный Актъ Импер. Спб. университета, Спб. 1869, стр. 166—171.

263. Замѣтка о нѣкоторыхъ басняхъ Крылова.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1869, т. VI, стр. 279—286.

264. По поводу учрежденія въ Петербургѣ Гимнастическаго Общества.

Голосъ 1869, № 319. Подпис. — ъ.

265. Петръ Александровичъ Плетневъ. По поводу статьи И. С. Тургенева. «Литературный Вечеръ у Плетнева».

Русск. Арх. 1869, стр. 2067—2089.

266. Разборъ Толковаго Словаря Даля. Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи, чит. 29 дек. 1869 г.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1870, т. VII, № 10, стр. 1—60; то же съ сокращеніями, въ Спб. Вѣдом. 1870, №№ 2 и 4.

267. Дополненія и замѣтки къ Толковому Словарю Даля.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1870, т. VII, № 10, стр. 90—112. №№ 266 и 267 вошли позднѣе въ «Филологическія Разысканія».

268. Сочиненія Державина. Томъ V. Переписка (1773—1793). Съ портретомъ Державина и четырьмя таблицами снимковъ. 1869, LXIV, 924 и 2 ненум. стр. (см. здѣсь № 234).

269. Сочиненія Державина. Второе академическое изданіе. Томъ II, 1866, VI и 464 стр. (см. здѣсь № 259).

1870.

270. Россія и Европа на желѣзныхъ дорогахъ.

Соврем. Лѣтоп. 1870, № 34, стр. 6—7. Подпис.: «Проѣзжій».

271. П. С. Потемкинъ во время Пугачевщины. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта.

Русская Старина, историческое изд. 1870, т. II, книга X, стр. 379—414 (и отд. оттиски).

272. Еще два слова о приписанной Крылову баснѣ «Обѣдъ у Медвѣдя».

Русская Старина, изд. 1870, т. II, книга X, стр. 414—416. Подпис. «Читатель». (Доказательства, что басня, напечат. въ Русской Старинѣ, дѣйствительно написана Крыловымъ).

273. Нѣсколько замѣтокъ на письма митроп. Евгенія къ Македонцу и Н. И. Зиновьева къ своему сыну.

Р. Арх. 1870, № 10, стр. 1768—1776.

274. **Изъ поѣздки въ Воронежъ. (Провинціальная печать).**
Вѣстн. Евр. 1870, № 11, стр. 141—159.

275. **Замѣтка гимназическаго учителя для мыслящихъ собратій.**
Спб. Вѣд. 1870, № 333. Подпис.: «Русскій учитель».

276. Сочиненія Державина. Второе академическое изданіе. Томъ III, 1870. xvi и 642 стр. (см. здѣсь № 259).

1871.

277. **Замѣтки о дѣятельности петерб. гимнастическаго общества.**
Спб. Вѣдом. 1870, № 279; 1871 г., № 114.

278. **Замѣтки о привилегированныхъ закрытыхъ заведеніяхъ.**
Спб. Вѣдом. 1871, № 42, въ отдѣлѣ «Хроника». Подпис.: «Русскій учитель».

279. **Замѣтка о «Русскихъ народныхъ пѣсняхъ», собранныхъ Шейномъ.**
Спб. Вѣдом. 1871, № 43.

280. **Въ чемъ сущность вопроса о классицизмѣ (по поводу статьи А. Н. Бекетова).**
Голосъ 1871, № 102.

281. **О возобновленіи подписки на памятникъ Пушкину.**
Спб. Вѣдом. 1871, № 104. Перепеч. въ Москов. Вѣдомостяхъ.

282. **По поводу вопросовъ о предметахъ общаго образованія (отвѣтъ М. М. Стасюлевичу).**
Спб. Вѣдом. 1871, № 117.

283. Изъ Ряжска.
Спб. Вѣдом. 1871, № 196. Подпис. X.

284. **Дмитрій Степановичъ Протопоповъ. (Некрологъ).**
Спб. Вѣдом. 1871, № 278 (и отд. оттиски).

285. **Библіографическія замѣтки объ изданныхъ въ Тифлисѣ книгахъ: «Бакинская губернія» и «Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ».**
Спб. Вѣдом. 1871, № 349. Подпис. Г.

286. **Къ исторіи ссылки Сперанскаго. (Двѣ замѣтки о генералѣ А. В. Воейковѣ).**
Русск. Арх. 1871, № 12, стр. 2073—2078 и 2121—2124.

287. **Иванъ Ивановичъ Хемницеръ (1745—1784). Новыя о немъ извѣстія по рукописнымъ источникамъ.**
Русская Старина, историч. изданіе 1872, кн. II, стр. 215—234. Читано въ годичномъ собраніи Академіи Наукъ 29 декабря 1871 г. (Вошло въ изданіе: «Сочиненія и письма Хемницера», см. ниже, № 300).

288. Сочиненія Державина. Томъ VI. Переписка (1794—1816) и «Записки». Съ портретомъ Державина. 1871, xxx, 904 и 2 ненум. стр. (см. здѣсь № 234).

289. Сочиненія Державина. Второе академическое изданіе. Томъ IV, 1871, vi и 274 стр. (см. здѣсь № 259).

1872.

290. Замѣтка о нищихъ на Васильевскомъ острову.

Спб. Вѣдом. 1872, № 26. Подп. «Островитянинъ».

291. Памятная книжка Хемницера.

Русская Старина, истор. изд. 1872, книга IV, стр. 612—623.

292. Филологическая замѣтка о словѣ аистъ и о названіяхъ нѣкоторыхъ днѣпровскихъ пороговъ.

Журн. М. Нар. Просв. 1872, т. CLX, № 4, стр. 288—294. Вошло во 2-е изданіе «Филологическихъ Разысканій».

293. Замѣтка о спб. гимнастическомъ обществѣ.

Спб. Вѣдом. 1872, №№ 122 и 128 (см. здѣсь № 277).

294. Воспоминанія о П. П. Пекарскомъ.

Спб. Вѣдом. 1872, авг. 1, № 268; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1873, т. X, стр. 55—59.

295. Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи. Читано въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ 31 мая 1872 года.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1873, т. X, № 3, стр. 1—56 (и отд. отт.).

296. Сочиненія Державина. Томъ VII. Сочиненія въ прозѣ. 1872, xvii, 157 и 3 нен. стр. (см. здѣсь № 234).

1873.

297. Екатерина II въ своей литературной перепискѣ.

Правит. Вѣстн. 1873, № 287; Сборн. Импер. Русск. Истор. Общества, т. XIII, Спб. 1874, стр. xii—xxvi.

298. Замѣтка о нѣкоторыхъ старинныхъ техническихъ терминахъ русскаго языка.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1773, т. X, стр. lxii — lxv. Вошло во 2-е изд. «Филологическихъ Разысканій». См. здѣсь № 325.

299. Воспоминаніе о Вл. Ив. Далѣ (съ извлеченіями изъ его писемъ).

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1873, т. X, стр. 37 — 54. №№ 294 и 299 напечатаны и отдѣльными оттисками, подъ общимъ заглавіемъ: «Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ». Спб. 1873, 8°, стр. 37—59.

300. Сочиненія и письма Хемницера по подлиннымъ его рукописямъ, съ біографическою статьею и примѣч. Я. Грота. Къ тексту

приложены: портретъ Хемницера и снимки съ его почерка. Спб. 1873, v и 434 стр.

301. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Филологическое разысканіе Я. Грота. Спб. 1873, 8°, 162 стр.

Эта книга есть отдѣльное изданіе одной части слѣдующаго за симъ нумера.

302. Филологическія Разысканія. Матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка. Спб. 1873, viii, и 668 стр.

303. Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію.

Сборн. Отд. р. яз. и сл. 1874, т. XI, № 4, стр. 1—33.

1874.

304. Первенцы Лицея и его преданія.

Складчина, лит. сборникъ. Спб. 1874. (б. 8°); стр. 339—376.

305. Библіографическая замѣтка о нѣмецкомъ переводѣ басень Крылова, изданномъ Ф. Лёве.

Спб. Вѣдом. 1874, № 61.

306. Видѣніе Валы (изъ Сеймундовой Эдды).

Образцовыя произведенія скандинавской поэзіи, изд. редакціи Филологическихъ Записокъ, ч. 1. Воронежъ, 1875, стр. 29—38.

307. Желѣзнодорожная замѣтка.

Спб. Вѣдом. 1874, № 248. Подп. «Пассажиръ 2 класса».

308. Фритіофъ, скандинавскій витязь, поэма Тегнéра. Второе исправленное изданіе. Съ прилож. перев. первоначальной исландской саги. Воронежъ, 1874, 8°. IV, 170 и 29 стр.

Отдѣльный оттискъ изъ «Сборн. Скандинавской поэзіи». См. здѣсь №№ 31 и 306.

309. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ XIII. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ (1762—1774). Спб. 1874, lii и 471 стр.

1875.

310. Воспитаніе Екатерины II.

Древн. и Нов. Россія 1875, № 2, стр. 110—125.

311. Отзывъ Екатерины II объ Арсеніи Мацѣевичѣ. — Ея часовыхъ дѣлъ мастеръ Фази.

Русская Старина, истор. изд. 1875, кн. XI, стр. 587—590.

312. Дѣти правительницы Анны Леопольдовны въ Горсенсѣ (по датскимъ извѣстіямъ).

Русская Старина, историч. изд. 1875, книга IV, стр. 760—768.

313. **Рѣчь на юбилейномъ обѣдѣ въ честь В. Я. Буняковскаго.**
Описаніе празднованія докторскаго юбилея вице-президента Академіи Наукъ. Спб. 1876, стр. 27—30.

314. **Старина Царскосельскаго Лицея: 1) Малиновскій и Вальховскій; 2) Матюшкинъ; 3) Лицейскія годовщины.**
Русскій Арх. 1875, № 4, стр. 479—493.

315. **Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева.**
Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1876, т. XV, и отд. оттиски, стр. 1—144. См. выше №№ 209 и 218.

316. **Письмо о брошюрѣ И. Валькова (псевд.): «Сборник правил р. правописанія» и проч.**
Голосъ 1875, № 279.

1876.

317. **Привѣтствіе академику Ф. Ф. Бранту въ день его юбилея.**
Спб. Вѣдом. 1876, № 13; нѣмецкій переводъ St. Petersb. Zeitung 1876, № 13.

318. **Разборъ книгъ: «Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ», И. Бодуэна де Куртенэ. Варшава 1875, и «Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго». Е. Бѣлявскаго, М. 1875.**
Журн. М. Нар. Просв. 1876, № 1, т. CLXXXIII, стр. 190—204.

319. **Воспоминаніе о графѣ Модестѣ Андреевичѣ Корфѣ.**
Русская Старина, историч. изд. 1876, книга II, стр. 422—425.

320. **Екатерина II и Густавъ III. Статья 1.**
Древняя и Новая Россія 1876, № 2, стр. 105—129 (см. здѣсь № 330).

321. **Библіографическая замѣтка о Каспіи, академика Дорна.**
Спб. Вѣдом. 1876, № 62.

322. **Старина Царскосельскаго Лицея. Графъ М. А. Корфъ. Де-Будри. Еженедѣльныя бесѣды.**
Русск. Арх. 1876, кн. I, стр. 481—487.

323. **«Горе-Богатырь» Екатерины II.**
Братская Помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины: Спб. 1876, стр. 185—190. Вошло потомъ въ приложенія къ статьѣ «Екатерина II и Густавъ III», въ Сбор. Отд. р. яз. и слов. (см. здѣсь № 330).

324. **Письмо изъ Рима (сент. 1876 г.).**
Славянскій Сборникъ, 1877, т. II, Отд. III, стр. 17—23.

325. **Филологическія Разысканія (см. здѣсь № 302), второе, значительно дополненное изданіе, въ двухъ томахъ: Томъ I. Матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка. Спб.**

1876. viii и 526 стр. — Томъ II. Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра В. донынѣ. Спб. 1876, xii, 460 и ненум. стр. (Совершенно переработанное изданіе № 301).

Томъ II выпущенъ и въ видѣ отдѣльнаго труда подъ заглавіемъ: «Спорные вопросы» и т. д.

326. Сочиненія Державина. Второе изданіе. Томъ V, 1876, lix и 939 стр.—Томъ VI, 1876, xxviii и 840 стр. (см. здѣсь № 259).

327. Въ память Юрія Федоровича Самарина. Рѣчи, произнесенныя въ Петербургѣ и въ Москвѣ по поводу его кончины. Съ приложеніемъ портрета. Изд. Славянскаго комитета. Спб. 8°, 53 стр.

328. Рѣчь, составленная по порученію Президента Академіи Наукъ и читанная въ торжеств. Собраніи 29 дек. 1876 года графомъ Ѳ. П. Литке по случаю 150-лѣтняго юбилея Академіи, въ присутствіи Императора Александра Николаевича, Императрицы и членовъ Августѣйшаго семейства.

Записки Ак. Наукъ, 1877, т. XXIX, кн. 1.

1877.

329. Эпизодъ изъ Пугачевщины.

Древняя и Новая Россія 1877, № 3, стр. 230—248. (Вошло потомъ въ біографію Держ. Сочиненія его, т. VIII: см. ниже № 358.

330. Екатерина II и Густавъ III. Статья 2-я.

Русская Старина, историч. изд. 1877, книга III, стр. 403 — 417. См. здѣсь № 320. Обѣ статьи, слитыя вмѣстѣ и дополненныя приложеніями, напечатаны въ Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878 г., т. XVIII, № 1, стр. 1—115.

331. Замѣтка къ статьѣ «Герцогиня Кингстонъ».

Русская Старина, историч. изд. 1877, книга III, т. XVIII, стр. 417—418.

332. Некрологъ Рунеберга.

Спб. Вѣдом. 1877, апр. 28, № 116.

333. Филологическія занятія Екатерины II.

Р. Арх. 1877, № 4, стр. 425—442.

334. Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» княгини Дашковой.

Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. 1877, т. XX, стр. 525 — 542. Вошло потомъ, съ перемѣнами, въ біографію Держ. Соч. его, т. VIII.

335. Рѣчь на шведскомъ языкѣ, произнесенная въ Упсалѣ отъ имени Академіи Наукъ на юбилеѣ тамошняго университета 6 сентября (26 авг.). 1877 г.

Nya Dagligt Allehanda 15 (3) сентября 1877; Helsingfors Dagblad 7 (19) сент. 1877. Русскій переводъ въ статьѣ «Воспоминанія о 400-лѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета» (см. далѣе, подъ № 337).

336. Рѣчь на французскомъ языкѣ, произнесенная на ужинѣ въ Дротнинггольмѣ, въ отвѣтъ королю Оскару II, отъ имени всѣхъ иностранныхъ депутатовъ, 8 сент. (28 авг.) 1877 г.

Nya Dagligt Allehanda 15 (3) сент. 1877. Перепеч. въ Journal de St.-Pétersbourg 14 (26) сент. 1877, № 242. Русскій переводъ напечатанъ въ Сѣв. Вѣстникѣ 15 сент. 1877, № 137, и въ Моск. Вѣдом. 18 сент. 1877, № 231.

337. Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета.

Спб. Вѣд. 1877, №№ 251, 254 и 263 (отъ лица русскаго очевидца). Полнѣе: Зап. Акад. Наукъ 1877, т. XXXI, № 1; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 2, стр. 1—67.

1878.

338. Рѣчь по случаю празднованія 150-лѣтняго юбилея Спб. Вѣдомостей.

Спб. Вѣд. 1878, №№ 17 и 18.

339. Письмо къ редактору «Новаго Времени» о нашей журналистикѣ.

Новое Время 1878, янв. 19, № 680.

340. *В. Я. Буняковскому, въ день его юбилея, 7 мая.

Спб. Вѣдом. 1878, № 126.

341. Замѣтка о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 8, стр. 1—22. Первоначально на нѣмецкомъ языкѣ въ Archiv für Slavische Philologie, 1878, Band III, Heft 1, стр. 138—151: Ueber die Natur einiger Laute im Russischen.

342. Отчетъ о присужденіи преміи графа Кушелева-Безбородко за біографію князя А. А. Безбородко, соч. Н. И. Григоровича.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 7, стр. 1—34.

343. Библіографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (съ литограф. снимкомъ изъ русск. текста договора).

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1878, т. XVIII, № 4, стр. 1— 32. Послѣдняя статья — о происхожденіи Екатерины I — въ шведскомъ переводѣ г. Вестрина напечатана въ Historiskt Bibliotek 1880, Häftet III, стр. 571—587 (отд. отт. на обоихъ языкахъ).

344. Гриммъ и г-жа Д'Эпинэ.

Русск. Арх. 1878, № 8, стр. 463—471.

345. Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (некрологъ).

Новое Время 1878, ноября 19, № 980; Моск. Вѣдом. 1878, № 297; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1880, т. XX, стр. IX—XI.

346. Заботы Екатерины II о народномъ образованіи.

Спб. Вѣдом. 1879, №№ 19 и 20; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1880, т. XX, № 5, стр. 10—30.

347. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историч. Общества (см. здѣсь № 309). Томъ XXIII. Спб. 1878, VIII и 734 стр. Изданъ въ то же время отдѣльно, подъ заглавіемъ: Lettres de Catherine II à Grimm. Письма императрицы Екатерины II къ Гримму (1774—1796). По порученію Императорскаго Русскаго Историческаго Общества издалъ акад. Я. Гротъ.

348. Сочиненія Державина. Второе изданіе, Томъ VII, 1878, XIV и 661 стр. (см. здѣсь № 259).

1879.

349. О словѣ «шпильманъ» въ старинныхъ русскихъ памятникахъ.

Русск. Филолог. Вѣстникъ 1879, № 1, стр. 35—38.

350. По поводу замѣтки о словѣ «шпильманъ».

Новое Время 1879, іюля 3, № 1200.

351. Замѣтка о брошюрѣ «Die Sylben-analyse als sprachliches Lehr- und Lern-Mittel, von Cleary».

Русск. Филолог. Вѣстн. 1879, № 1, стр. 103—105.

352. Замѣтки о нѣкоторыхъ формахъ именныхъ флексій.

Филолог. Записки 1879, вып. I, стр. 1—6. Указанія на неправильности въ сравнительной грамматикѣ Миклошича. №№ 350 и 351 вошли въ 3-е изданіе Филологическихъ Разысканій (№ 394).

353. Декабристъ въ Сибири.

Русскій Архивъ 1879, № 12, стр. 468—480.

1880.

354. Къ вопросу о значеніи подлежащаго въ предложеніи.

Филолог. Зап. 1880, вып. V, стр. 11—16.

355. Историческій очеркъ сооруженія памятника Пушкину, читанный 5 іюня 1880 г. въ залѣ Московской городской думы.

Москов. Вѣдомости 1880, іюня 6, № 155.

356. Личность Пушкина.

Новое Время 1880, іюня 24, № 1551. Читано въ торжеств. собраніи Общества Любителей Росс. Словесности, 7 іюня 1880 г., въ Москвѣ. Перепеч. въ книгѣ «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину», Спб. 1881, стр. 233—248.

357. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья первая.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1880, т. XX, № 1, стр. 1—130.

358. Сочиненія Державина (см. здѣсь № 234). Томъ VIII. Біографія поэта. Съ портретомъ, рисунками и снимкомъ. 1880, XIII, 1043 и 1 ненум. стр. Изданъ въ то же время въ видѣ отдѣльнаго труда, подъ заглавіемъ: «Жизнь Державина, по его сочиненіямъ и письмамъ и по историческимъ документамъ описанная Я. Гротомъ».

1881.

359. Еще замѣтка къ записанной Пушкинымъ былинѣ о Стенькѣ Разинѣ.

Русь 1881, февр. 6, № 13, стр. 17—18.

360. Пѣснь Пушкина о Стенькѣ Разинѣ.

Русь 1881, февр. 20, № 15, стр. 16—17.

361. Переписка Пушкина съ Плетневымъ.

Вѣстн. Евр. 1881, № 3, стр. 5—18.

362. Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья вторая.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1881, т. XXI, № 4, стр. 1 — 300. (См. здѣсь № 357).

363. Замѣтка о брошюрѣ «Etymologische Beiträge» и проч. von Dr. Haag. Zürich. 1880.

Archiv für slav. Philologie; Филолог. Зап. 1881, вып. IV—V, стр. 12—15. Вошла въ 3-е изд. Филологическихъ Разысканій.

364. Новооткрытый памятникъ русской исторіи на шведскомъ языкѣ.

Моск. Вѣдом. 1881, авг. 26, № 236. Описаніе путешествія Пальмквиста.

365. По вопросу о прекращеніи торговли въ воскресные дни.

Воронежскій Телеграфъ 1881 г., сент. 4, № 100.

366. Эрикъ Лаксманъ. По поводу книги г. Лагуса: «Erik Laxman hans lefnad, resor, forskningar och brefvexling». Helsingfors, 1880.

Спб. Вѣдом. 1881, №№ 320 и 321; Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1882, т. XXIX, № 1, стр. 1—22.

367. Изъ міра шведской и финской поэзіи.

Юбилейная книжка. Премія къ Собранію романовъ Ел. Н. Ахматовой. Спб. 1881, стр. 147—170.

368. Разборъ словаря областнаго Архангельскаго нарѣчія, составленнаго А. О. Подвысоцкимъ. (Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи).

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1882, т. XXIX, стр. XVII—XXXV.

369. **Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II и семь писемъ Дидро́ къ Екатеринѣ II.**

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества (см. здѣсь №№ 309 и 347). Томъ XXXIII. Спб. 1881. Тѣ и другія письма изданы также отдѣльно, первыя особымъ томомъ, помѣченнымъ 1880 годомъ (IV и 439 стр.); вторыя брошюрою съ означеніемъ 1881 года: Sept lettres de Diderot à l'impératrice Catherine II, publiées sous les auspices de la Société Impériale pour l'histoire de Russie par J. Grot (32 стр.).

1882.

370. Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ.

Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1882, т. XXIX, № 3, стр. 1—33.

371. Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина, читанный въ публичномъ засѣданіи II Отдѣленія Имп. Акад. Наукъ 19 октября 1882 г.

Правительств. Вѣстникъ 1882, № 232; Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. 1883, т. XXXI, № 4, стр. 1—22. И отдѣльно въ брошюрѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ вмѣстѣ съ разборами Н. Н. Страхова и О. Ѳ. Миллера.

1883.

372. Когда родился Жуковскій?

Новое Время 1883, января 7, № 2464.

373. Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Рѣчь, читанная въ академическомъ собраніи 30 января 1883 г.

Правительств. Вѣстникъ 1883, № 27; Сборн. Отд. русск. языка и слов. 1883, т. XXXII, стр. 1—36 (съ примѣчаніями).

374. Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года. Записка В. А. Жуковскаго.

Сборникъ Отд. р. яз. и слов. Т. XXXII, стр. 1—16. Эта статья, найденная въ бумагахъ Плетнева, издана отдѣльно ко дню юбилея Жуковскаго.

375. Библіографическая замѣтка о книгѣ: «В. А. Жуковскій и его произведенія», соч. П. Загарина. М. 1883.

Новое Время 1883, апр. 1, № 2547.

376. Сочиненія Державина. Томъ IX. Со снимками портретовъ, нотами и указателемъ ко всѣмъ томамъ изданія. Дополнительныя примѣчанія и приложенія. 1883, x и 762 стр. Изданъ также въ видѣ II-го тома отдѣльнаго труда подъ заглавіемъ: «Жизнь Державина», съ указателемъ къ обоимъ томамъ біографіи (см. здѣсь №№ 234 и 358).

377. **Bemerkungen über das gegenseitige Verhältniss einiger slavischer und nordischer Wörter.**

Archiv für Slavische Philologie 1883. Band VII, Heft 1, стр. 134—141. То же подъ заглавіемъ: «По поводу двухъ сравнительно-филологическихъ изслѣдованій о славянскихъ и скандинавскихъ словахъ», съ дополненіями. Филологическія Записки 1883. Выпускъ III.

378. **Пьянство и его послѣдствія.**

Москов. Вѣдомости 1883, авг. 21, № 231.

379. **Основныя начала фонетики, соч. Э. Сиверса.**

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1883. Октябрь. Обзоръ содержанія всего сочиненія, съ критическими замѣчаніями.

380. **Донесенія шведскаго посланника барона Нолькена о пребываніи въ Петербургѣ Іосифа II (подъ именемъ графа Фалькенштейна) въ 1780 г., съ примѣчаніями Я. Грота.**

Русская Старина 1883, ноябрь.

381. **Василій Андреевичъ Жуковскій, какъ граверъ на мѣди.**

Русск. Стар. 1883, кн. 2, 483—487.

382. **Замѣтка на шведскомъ языкѣ о датскомъ сочиненіи проф. Смита (Russisk literaturhistorie etc. Af C. W. Smith, Kjobenhavn 1882).**

Nord. Tidskr. f. filol. Ny raekke, V. Та же статья по-русски въ Сборн. Отд. р. яз. и сл., т. XXXI, стр. x.

1884.

383. **Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, статья третья.**

Сборн. отд. русск. языка и слов. 1884. Томъ XXXIII. (См. здѣсь, № 362).

384. **Замѣтка о стихотвореніяхъ И. М. Бакунина.**

Новое Время, 1884, 2 марта.

385. **В. А. Крыловъ и Блудовъ.**

Русская Старина, 1884, книга 9, стр. 618.

386. **О петербургскихъ врачахъ. Съ шведскаго (корреспонденція изъ Петербурга въ стогк. газ. Aftonbladet).**

Спб. Вѣдом. 1884, авг. 30, № 239.

1885.

387. **Спренгтпортенъ, швед. эмигр. при Екатеринѣ II.**

Журналъ Мин. Народн. Просв. 1885, кн. 1 (1—34) и 5 (1—33).

388. **Отчетъ о дѣятельности II отд. Имп. Акад. Наукъ.**

Журналъ Мин. Народн. Просв., кн. 2, 74—92.

389. Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, Спб. 1885, три тома.
Изд. по порученію Второго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ.

390. Еще матеріалъ для пополненія изданія Пушкина.
Русь 1885, № 22.

391. Русское Правописаніе. Руководство составл. по порученію 2 Отд. Академіи Наукъ, Спб. 1885 (слѣдующія изданія ежегодно; 10-ое въ 1893 г.).

392. Письмо въ редакцію о книгѣ «Русское правописаніе».
Новое время, 1885, 8 марта.

393. Замѣтка противъ юбилея (Пушкина) 29 янв. 1887 г.
Новое время, 1885, 8 ноября.

394. Филологическія Разысканія, 3-е изданіе, 2 тома (VIII+627 стр. и XII+519). См. выше 302 и 325.

1886.

395. Письма Гримма къ Императрицѣ Екатеринѣ II. 2-е изданіе. Спб. XVII+872 (см. здѣсь № 369).

396. Еще о книгѣ Пенго: Les Francais en Russie et les Russes en France.
Моск. Вѣд. 1886. № 248.

397. Ветчина oder Вядчина?
Archiv für Slav. Philol., B. IX (1886).

398. Нѣсколько орѳографическихъ разъясненій.
Русск. Филолог. Вѣстн. 1886, № 1, 1—6.

399. Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ «Русское Правописаніе».
Сборникъ Отдѣл. русскаго языка и слов. т. XL и отдѣл. оттиски, 1887, стр. 55.

1887.

400. Пушкинъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ (рѣчь въ Лицеѣ).
Русскій Вѣстникъ 1887, книга 2.

401. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, Спб. 1887, стр. 320.
Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, томъ XLII и отд. оттисками. Эта книга составляетъ объединеніе всѣхъ прежнихъ статей автора, касавшихся Пушкина и Лицея.

402. Письмо Аксакова о Гоголѣ.
Русская старина, 1887, № 1.

403. Очеркъ личности и поэзіи Батюшкова, Спб. 1887.
Гражданинъ, № 55—57 (нояб. 24—26).

404. Отчетъ о 3-мъ присужденіи Пушкинскихъ премій.
Сборн. Отд. русск. яз. и слов. т. XLI.

405. Отчетъ о дѣятельности II отдѣленія Акад. Наукъ въ 1887 г.
Правит. Вѣстн., 1887, 30 дек., 1888, 2—4 янв.

406. По поводу замѣтки объ окончаніи *ою* въ склоненіи прилагательныхъ именъ.
Филолог. Записки, 1887, вып. 6.

407. Библіографическая замѣтка о статьѣ г. Морфиля о русск. исторіи и литературѣ въ «Encyclopaedia Britannica».
Нов. Время, въ мартѣ № ? (ок. 20-го). 1887 г.

408. Письмо въ редакцію о чествованіи дня кончины Пушкина.
Новое Время, 17 января 1887 г.

1888.

409. Карлъ XII о полтавскомъ погромѣ.
Русская Старина 1888 г. кн. 12.

410. Хронологическая канва для біографіи Пушкина, 2-е изданіе (съ дополненіями С. И. Пономорева). Спб. 1888.
Сборникъ Отд. русск. яз. и слов., т. XLIV (1888), стр. 1—24.

411. Могила Озерова.
Русскій Вѣстникъ 1888, книга 6, стр. 379.

412. Петръ I въ Копенгагенѣ.
Тамъ же, книга 7, стр. 345.

413. Еще о лицейскихъ товарищахъ Пушкина: о баронѣ Гревеницѣ.
Русскій Вѣстникъ, тамъ же, 346.

414. Неизвѣстныя сочиненія о Россіи при Петрѣ I.
Тамъ же, книга, 8, 350 стр.

415. Вдова поэта барона А. А. Дельвига.
Тамъ же, 1888, книга 9.

416. Замѣтка о книгѣ Цюрихскаго професс. Эгли «Geschichte der geogr. Namenkunde».
Новое Время, № ? 1888.

1889.

417. Самборскій, законоучитель Императора Александра I.
Русскій Вѣстникъ, 1889, книга I.

418. Пятое присужденіе Пушкинскихъ премій (Отчетъ), Спб. 1889.
Сборн. Отд. русск. языка и слов., т. XLVI, (1890).

1890.

419. И. И. Козловъ.
Новое Время 1890, №4998.

420. Письма Плетнева къ Гоголю.
Русскій Вѣстникъ 1890, книга 11 (стр. 33—68).

1891.

421. Стихи и Проза для дѣтей (2-е изданіе). Спб. 1891. (IV+99).
Первое изданіе въ нѣсколько иномъ видѣ см. здѣсь № 144.

422. Восемь писемъ Жуковскаго къ Гоголю.
Сборн. Общ. Любит. Росс. Слов., М. 1891 (15—23).

423. Словарь русскаго языка., составленный вторымъ Отдѣленіемъ Импер. Академіи Наукъ, подъ главной редакцій Я. К. Грота Спб. 1891, вып. 1.

424. Очеркъ дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 50 лѣтъ (1841 — 1891).
Сборн. Отд. русскаго языка и словесности т. LIII, (1892, 32 стр.).

425. Филологическая замѣтка (о словѣ *скипидаръ*).
Живая Старина, вып. IV. Спб. 1891.

1892.

426. А. Х. Востоковъ.
Славянск. Обозрѣніе 1892, книга 3.

427. Словарь русскаго языка, вып. 2, 1892. (см. здѣсь № 423).

1893.

428. (*Вышли по † Я. К. Грота*) Письма Карамзина къ Лафатеру Спб. 1893 (сообщ. докт. Ф. Вальдманомъ).
Сборн. Отд. Русск. языка и слов. т. LIV.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

ПОПРАВКИ.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читай.*
13	1 снизу	Христофоръ Ивановичъ	Иванъ Христофоровичъ
19	6 »	въ послѣдствіе	впослѣдствіи
44	15 сверху	преподованію	преподаванію
72	1 »	филисофіи	философіи
81	15 »	я съ вами	мы вмѣстѣ
108	16 »	Его дань	Ея дань
117	14 »	Дружда	Дружба
169	1 снизу	Приложеніе II-ое	Приложеніе I-ое

